

Выходить три раза въ мѣсяцъ 1 Цѣна годовому изданію съ пере-
въ г. Кременецъ Волынской губерніи. 2 сылкою 5 руб.,—безъ перес. 4 руб.

1 и 6 Апрѣля №№ 10 и 11 1885 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Перемѣны въ церковной іерархіи.

Государь Императоръ, 9 Марта сего 1885 года Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода объ увольненіи епископа тобольскаго и сибирскаго *Василія*, согласно просьбѣ его, по разстроенному здоровью, отъ управленія ввѣренною ему епархіею и о бытіи епископу брестскому, второму викарію Литовской епархіи, *Авраамію* епископомъ тобольскимъ и сибирскимъ.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

Отъ 31-го января—11-го февраля 1885 года, за № 23, о воспрещеніи нехристіанамъ изготавлять предметы чествованія христіанъ и торговать таковыми.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 24-го января 1885 г. за № 382, слѣдующаго содержанія: Согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 23-го ноября—21 декабря 1883 г., имъ, г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, внесено было въ Государственный Совѣтъ представленіе о дополненіи закона 20-го апрѣля 1882 г. правиломъ касательно воспрещенія нехристіанамъ производства вещей, составляющихъ предметъ чествованія христіанъ. Нынѣ государственный секретарь препроводилъ выписку изъ журналовъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи 17-го ноября и общаго собранія 27-го декабря 1884 г., изъ коей видно, что Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ означенное представленіе, мнѣніемъ положилъ: I. Дополненіе къ статьѣ 107 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (св. зак. т. XIV, кн. III, по прод. 1883 г.) замѣнить слѣдующимъ правиломъ: «Лицамъ нехристіанскихъ вѣроученій воспрещается писаніе иконъ, изготавленіе крестовъ и другихъ подобныхъ сему предметовъ чествованія христіанъ, равно какъ всякая вообще торговля всѣми означенными предметами». II. Въ дополненіе устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, постановить: «за писаніе иконъ, изготавленіе крестовъ и другихъ подобныхъ сему предметовъ чествованія христіанъ, а также за торговлю такими предметами, лица нехристіанскихъ вѣроученій, сверхъ отобранія всѣхъ найденныхъ у нихъ предметовъ означеннаго рода, подвергаются денежному взысканію не свыше *пятидесяти* рублей». Таковое мнѣ-

ніе Государственнаго Совѣта Его Императорское Величество Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. И, по справкѣ, при ка за ли: Объявленномъ въ настоящемъ предложеніи Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта относительно воспрещенія нехристіанамъ изготовлять предметы чествованія христіанъ и торговать таковыми предметами сообщить редакціи «Церковнаго Вѣстника» по принятому порядку для напечатанія.

— Отъ 14-го января—8-го февраля 1885 года, за № 59, о примѣненіи п. 4 ст. 45 Уст. о герб. сборъ къ прошеніямъ лицъ духовнаго званія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе товарища г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 16-го ноября 1884 г. № 242, при коемъ приложено отношеніе товарища министра финансовъ, отъ 5-го ноября 1884 г. № 2730, по вопросу о примѣненіи п. 4 ст. 45 Уст. о герб. сб. (прим. 1 къ ст. 2 т. V Уст. пошлин. по прод. св. зак. 1883 г.) къ прошеніямъ лицъ духовнаго званія о перемѣщеніи ихъ съ одного мѣста на другое, а также о рукоположеніи ихъ въ тотъ или другой священный санъ. При ка за ли: Секретарь одной духовной консисторіи обратился къ г. синодальному Оберъ-Прокурору съ представленіемъ о разъясненіи возникшаго въ епархіальномъ управленіи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли подводить подъ дѣйствіе п. 4 ст. 45 Уст. о герб. сб. (прим. 1 къ ст. 2 т. V Уст. пошлин. по прод. св. зак. 1883 г.) одни первоначальныя прошенія лицъ духовнаго званія объ опредѣленіи ихъ на мѣста служенія, или же правило это въ равной мѣрѣ распространяется на все случаи, въ коихъ лица духовнаго званія просятъ о перемѣщеніи ихъ съ одного мѣста на другое, а также о рукоположеніи ихъ въ тотъ или другой священный санъ. Товарищъ министра финансовъ въ отзывѣ, отъ 5-го ноября 1884 г. № 2730, по сему предмету сооб-

щиль, что по п. 4 ст. 45 Устава о гербовомъ сборѣ отъ сбора изъяты вообще дѣла объ опредѣленіи мѣста священно и церковно-служительскія, причемъ не оговорено, что льгота эта распространяется только на дѣла о первоначальномъ опредѣленіи духовныхъ лицъ на помянутыя мѣста, и что по мнѣнію его, товарища министра финансовъ, на основаніи п. 4 ст. 45 ст. герб. уст., не подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ прошенія и другія бумаги, означенныя въ п. 1 ст. 6 того же устава, равно и разрѣшительныя бумаги не только по дѣламъ о первоначальномъ опредѣленіи духовныхъ лицъ на мѣста священно и церковно-служительскія, но и по дѣламъ о перемѣщеніи ихъ съ одного мѣста на другое, а также и по дѣламъ о рукоположеніи ихъ въ тотъ или другой священный санъ. Признавая полезнымъ настоящее разъясненіе товарища министра финансовъ сдѣлать извѣстнымъ по духовному вѣдомству, для устранения подобныхъ настоящему недоразумѣній, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: объявить о семъ для надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства чрезъ напечатаніе въ Церковномъ Вѣстникѣ, сообщивъ для сего редакціи сего журнала выписку изъ настоящаго опредѣленія по принятому порядку.

— Отъ 25—28 февраля 1885 года за № 566, объ отмычѣношеніи свѣтскихъ знаковъ отличія духовными лицами при совершеніи богослуженія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 23 сего февраля, за № 843, коимъ объявляетъ Святѣйшему Синоду, для зависящихъ распоряженій, но томъ, что Государь Императоръ, имѣя въ виду, что существующій обычай носить жалуемые духовнымъ лицамъ ордена, медали и прочіе свѣтскіе знаки отличія при отправленіи богослуженія и надѣвать оныя поверхъ священныхъ обла-

чений, — не находя основанія въ уставахъ орденовъ, — не представляется соотвѣтствующимъ священнодѣйствію въ лицѣ совершающихъ оное, въ 23-й день сего февраля, Высочайше повелѣть изволилъ: отягчить ношеніе свѣтскихъ знаковъ отличія духовными лицами при совершеніи богослуженія въ священномъ облаченіи. Исключеніе изъ сего правила допускается примѣнительно къ 373 ст. Учрежд. орд., лишь для знаковъ ордена св. великомученика Георгія, наперсныхъ крестовъ на георгіевской лентѣ, жалуемыхъ за военное время, и для таковыхъ же крестовъ, пожалованныхъ въ память войны 1853—1856 гг. Приказа ли: Объ изясненномъ Высочайшемъ повелѣніи, для зависящихъ распоряженій и исполненія, дать знать по духовному вѣдомству, циркулярно, чрезъ «Церковный Вѣстникъ».

— Отъ 12—17 февраля 1885 года за № 229, объ учрежденіи екатеринбургской епархіи и о назначеніи въ оную епархіальнаго архіерея.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: Высочайше утвержденный всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода, объ учрежденіи екатеринбургской епархіи и о назначеніи въ оную епархіальнаго архіерея, слѣдующаго содержанія: По обширности пермской епархіи и по значительной въ ней численности православнаго населенія, храмовъ Божіихъ и служащаго при нихъ духовенства неизбѣжно встрѣчаются большія неудобства и затрудненія въ управленіи зауральскою частію пермской епархіи, особливо же въ благоуспѣшномъ теченіи дѣлъ, касающихся священнослужителей, благоустройства приходовъ и мѣропріятій противъ раскола. Для устраниенія таковыхъ неудобствъ и затрудненій Синодъ полагаетъ: Взамѣнъ существующаго нынѣ въ пермской епархіи викаріатства образовать особую самостоятельную екатеринбургскую епархію съ архіерей-

скою кафедрою въ городѣ Екатеринбургѣ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) въ составъ вновь обращенной екатеринбургской епархіи включить находящіяся за Уральскими горами въ Азіи всѣ уѣзды пермской епархіи, а именно: екатеринбургскій, ирбитскій, верхотурскій, камышловскій и шадринскій; 2) епархіальному архіерею сей епархіи именоваться епископомъ екатеринбургскимъ и ирбитскимъ и мѣстопробываніе имѣть въ городѣ Екатеринбургѣ въ томъ самомъ помѣщеніи, въ которомъ нынѣ пребываетъ викарій пермскій; 3) содержаніе екатеринбургскаго архіерея, его свиты, архіерейскаго дома, кафедральнаго собора — екатеринбургской духовной консисторіи — опредѣлить штатами, которые имѣютъ быть внесены на утвержденіе особо, въ установленномъ для сего порядкѣ; 4) съ открытіемъ екатеринбургской духовной консисторіи существующее въ Екатеринбургѣ духовное правленіе закрыть и дѣла онаго передать въ консисторію, и 5) за отчисленіемъ города Верхотурска во вновь учреждаемую епархію, титулъ пермскаго архіерея, именующагося нынѣ пермскимъ и верхотурскимъ, измѣнить, и именовать его епископомъ пермскимъ и соликамскимъ. Въмѣстѣ съ симъ Синодъ признаетъ полезнымъ назначить епархіальнымъ архіереемъ во вновь учреждаемую екатеринбургскую епархію викарія пермской епархіи епископа Наанаила. Всеподданнѣйше повергая на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе таковыя предположенія свои, Синодъ испрашивалъ на оныя Всемилостивѣйшаго Его Величества соизволенія. На докладъ семъ Его Императорскому Величеству въ 29 день января 1885 года благоугодно было собственноручно начертать: «Быть по сему». Приказалъ: Для припечатанія во всеобщее извѣстіе объ изъясненномъ Высочайше утвержденномъ докладѣ Святѣйшаго Синода, относительно учрежденія екатеринбургской епархіи и назначенія въ оную епархіальнаго архіерея, сообщить редакціи Церковнаго Вѣстника.

— Отъ 19—28 февраля 1885 года за № 508, о закрытіи присутствія по дѣламъ правосл. духовенства и измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій касательно устройства церковныхъ приходовъ и состава причтовъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшей Правительствующей Синодъ слушали: 1) предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 17-го февраля 1885 г. за № 719, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ, по всеподданиѣшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 21-го декабря—25-го января 1884—85 года, въ 16-й день текущаго февраля, Высочайше соизволилъ: а) на закрытіе Высочайше учрежденнаго 28-го іюня 1862 года присутствія по дѣламъ православнаго духовенства и б) на приведеніе въ дѣйствіе изложенныхъ въ томъ опредѣленіи предположеній Святѣйшаго Синода объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій касательно устройства церковныхъ приходовъ и состава причтовъ, и 2) справку, по коей оказалось: Святѣйшей Синодъ 21-го декабря—25-го января 1884—85 года опредѣлилъ: I. Установить на будущее время нижеслѣдующія правила о составѣ приходовъ и причтовъ: 1) Епархіальнымъ преосвященнымъ предоставляется возстановлять самостоятельные причты, по просьбамъ прихожанъ и при наличности достаточныхъ по мѣстнымъ условіямъ средствъ содержанія, при такихъ церквахъ, которыя, на основаніи прежнихъ штатовъ или особыхъ разрѣшеній Святѣйшаго Синода, были приходскими, а по новымъ штатнымъ росписаніямъ, составленнымъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 16 апрѣля 1869 г. постановленія присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, вошли въ составъ другихъ приходовъ, безъ назначенія къ нимъ особыхъ причтовъ; причемъ на учрежденіе новыхъ причтовъ во вновь открываемыхъ приходяхъ и на всякое измѣненіе въ штатномъ составѣ существующихъ причтовъ епархіальные преосвященные и впредь имѣ-

ютъ испрашивать разрѣшеніе Святѣйшаго Синода. 2) Всѣ приходскія церкви, вошедшія по новымъ штатнымъ росписаніямъ въ составъ соединенныхъ приходоѡ, съ сохраненіемъ при нихъ, или съ назначеніемъ къ нимъ вновь, особыхъ священниковъ и причетниковъ, выдѣливъ съ ихъ прихожанами изъ состава соединенныхъ приходоѡ, признать самостоятельными, о чемъ и предоставить мѣстнымъ преосвященнымъ сдѣлать надлежащее распоряженіе. 3) Съ признаніемъ всѣхъ церквей, имѣющихъ свои причты, самостоятельными, раздѣленіе священниковъ на настоятелей и помощниковъ настоятеля отмѣнить. 4) Отмѣнивъ также раздѣленіе причетниковъ на псаломщиковъ и исправляющихъ должность псаломщика, предоставить всѣмъ состоящимъ при церквахъ причетникамъ званіе псаломщика. 5) Во всѣхъ епархіяхъ, за исключеніемъ западныхъ и закавказскихъ, церковныя причты въ приходоѡ, имѣющихъ менѣе 700 душъ мужскаго пола, состоятъ изъ священника и псаломщика, а въ приходоѡ, имѣющихъ болѣе 700 душъ—изъ священника, діакона и псаломщика. Въ городахъ, а равно и въ селахъ, при существованіи особыхъ мѣстныхъ средствъ къ обезпеченію духовенства, преосвященнымъ предоставляется назначать діаконоѡ и при меньшемъ числѣ прихожанъ. 6) Если при приходской церкви состоятъ два священника или болѣе, то въ составъ причта входятъ діаконъ и псаломщики, соотвѣтственно съ числомъ священниковъ, по одному на cadaго. 7) Въ случаѣ неимѣнія въ епархіи кандидатовъ для замѣненія свободныхъ священническихъ мѣстъ изъ окончившихъ въ семинаріи полный курсъ богословскихъ наукъ, предоставить преосвященнымъ рукополагать во священники лицъ, кои, по научному образованію, безукоризненной нравственности и знанію чина богослуженія, вполне соотвѣтствуютъ требованіямъ сего сана. 8) Въ діаконскій санъ могутъ быть посвящаемы воспитанники семинаріи по окончаніи ими курса, а равно и такія лица, кои, по своимъ нравственнымъ качествамъ и познаніямъ,

будутъ признаны епархіальнымъ преосвященнымъ достойными посвященія въ сей санъ. Прохожденіе діаконскаго служенія, будучи естественнымъ подготовленіемъ къ священству, соединяется, по возможности, съ обязанностями законоучителя и учителя въ начальныхъ школахъ.

9) На должность псаломщика, при недостаткѣ въ лицахъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, епархіальнымъ преосвященнымъ предоставляется назначать лицъ безукоризненнаго поведенія, твердыхъ въ знаніи церковнаго устава и искусныхъ въ чтеніи и пѣніи церковномъ.

10) Впредь до пересмотра правилъ штатнаго содержанія духовенства, получаемое нынѣ членами причтовъ жалованье производить имъ и преемникамъ ихъ на существующемъ основаніи, въ нынѣ получаемыхъ ими размѣрахъ, а о распредѣленіи окладовъ, освобождающихся въ случаѣ закрытія дѣльных причтовъ, или отдѣльных вакансій въ ихъ составѣ, представлять на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

II. Предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору повергнуть вновь составленныя правила на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе и утвержденіе и испросить Высочайшее соизволеніе на закрытіе учрежденнаго 28-го іюня 1862 года присутствія по дѣламъ православнаго духовенства съ передачею дѣлъ сего присутствія въ Св. Синодъ, на введеніе въ дѣйствіе означенныхъ правилъ и отмѣну, въ соотвѣтствіе съ симъ, нижеслѣдующихъ постановленій: а) примѣчанія къ 81 статьѣ Устава духовныхъ консисторій, и б) заключающихся въ Высочайше утвержденныхъ журналахъ присутствія по дѣламъ православнаго духовенства:—отъ 16 апрѣля 1869 г. статей: I, II пунктовъ 1, 2, 3 и 7, III, и IV пунктовъ 1, 2, 3 и 5;—отъ 20-го марта 1871 г. статей: I, II, III, V и VII;—отъ 24-го марта 1873 года § 19 приложенія;—отъ 7-го апрѣля 1873 года статей: I, III, IV, пунктовъ 1, 2 и 3, VI;—отъ 27-го декабря 1875 года статей: II, III и VII пункта 1;—отъ 17-го января 1876 года статей: I, III, пунктовъ 1, 2 и 3, и V;—отъ 24-го апрѣля

1876 года статьи I и отъ 2-го апрѣля 1877 года статей: I, II до пункта б) III, IV и V. Приказъ о томъ объ изъясненномъ Высочайше утвержденномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, для надлежащихъ по оному распоряженію и исполненію, дать знать всеѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ печатными указами, пояснивъ въ оныхъ, что при распредѣленіи доходовъ между членами причта соблюдаются по прежнему Высочайше утвержденныя 24-го марта 1873 года правила, за исключеніемъ изложеннаго въ сихъ правилахъ § 19, причемъ относительно раздѣла собственно кружечныхъ доходовъ между членами причта должно быть принято на будущее время слѣдующее положеніе: При составѣ причта изъ двухъ членовъ — священника и псаломщика, первый изъ доходнаго рубля получаетъ 75 к., а послѣдній 25 к. При трехчленномъ составѣ причта священникъ получаетъ 50 к., діаконъ 33¹/₃ к., псаломщикъ 16²/₃ к. При пятичленномъ составѣ каждый священникъ получаетъ по 60 к. изъ доходнаго рубля, діаконъ по 20 к. изъ каждой кружки, а каждый псаломщикъ по 20 к. При семичленномъ составѣ священникъ получаетъ 64²/₇ к., діаконъ по 14²/₇ к. изъ каждой кружки, псаломщикъ 21³/₇ к. При девятичленномъ составѣ священникъ получаетъ 66⁶/₉ к., діаконъ по 11¹/₉ к. изъ каждой кружки, псаломщикъ 22²/₉ к. Въмѣстѣ съ симъ для напечатанія объ означенномъ Высочайшемъ повелѣніи во всеобщее свѣдѣніе сообщить редакціи Церковнаго Вѣстника.

— Отъ 12—27 февраля 1885 года, за № 228, объ учрежденіи при Св. Синодѣ особаго Совѣта для заведенія церковно-приходскими школами.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 24-го января 1885 г., за № 370, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Свя-

тѣйшаго Синода, отъ 19-го декабря—9-го января 1884—85 года, Высочайше соизволилъ, въ 19 день января сего года, на учрежденіе при Святѣйшемъ Синодѣ особаго Совѣта для завѣдыванія церковно-приходскими школами, на изясненныхъ въ томъ опредѣленіи основаніяхъ. Справка: по Высочайше утвержденному 12-го января 1882 года положенію комитета министровъ духовному вѣдомству предоставлено войти въ разсмотрѣніе вопроса объ обезпеченіи за православнымъ духовенствомъ надлежащаго вліянія на народное образованіе и объ изысканіи источниковъ для оказанія духовенству необходимой для того поддержки. По обсужденіи означеннаго вопроса признано, что для достиженія изясненной цѣли самую важную мѣрою должно быть предоставленіе православному духовенству большей самостоятельности и преподаніе ему болѣе опредѣлительныхъ правилъ по устройству и завѣдыванію церковно-приходскими школами и другимъ начальными народными училищами, открываемыми духовенствомъ, и что лишь при благопріятномъ осуществленіи этой главной мѣры можно будетъ, сообразуясь съ разрѣшеніемъ оной, войти въ дальнѣйшія соображенія о мѣропріятіяхъ по означенному вопросу. Составленныя на семъ основаніи Синодомъ правила о церковно-приходскихъ школахъ удостоены Высочайшаго утвержденія въ 13 день іюня 1884 года и предложены при указѣ Святѣйшаго Синода, отъ 12-го іюля 1884 г., къ свѣдѣнію и надлежащему исполненію во всей Имперіи, за исключеніемъ епархіи рижской и великаго княжества финляндскаго. Въ настоящее время представляется необходимость приступить къ разсмотрѣнію другихъ предположеній, имѣющихъ цѣлю упрочить надлежащее вліяніе православнаго духовенства на народное образованіе. Вмеѣстѣ съ тѣмъ по силѣ вновь изданныхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, возлагающихъ на святѣйшій Синодъ высшее завѣдываніе сими школами, на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода имѣютъ поступать всѣ тѣ представленія и предположе-

нія епархіальныхъ управленій, относящіяся до означенныхъ училищъ, по коимъ, на основаніи означенныхъ правилъ, требуется рѣшеніе Святѣйшаго Синода, а также вопросы и заявленія, возникающіе въ епархіяхъ по случаю введенія сихъ правилъ, каковы преимущественно предположенія и вопросы о программахъ преподаванія, объ учебникахъ и вообще книгахъ для школъ, о распредѣленіи пособій изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи Святѣйшаго Синода, и т. п. Въ виду сего и принимая во вниманіе особливую важность въ настоящее время какъ наиболѣе удовлетворительнаго рѣшенія общаго вопроса объ упроченіи надлежащаго вліянія православнаго духовенства на народное образованіе, такъ и въ частности наилучшаго по возможности устройства церковно-приходскихъ школъ и правленія оными, Святѣйшій Синодъ призналъ полезнымъ для дальнѣйшей разработки означеннаго вопроса, а равно для завѣдыванія названными школами учредить при Святѣйшемъ Синодѣ особый Совѣтъ подъ предѣдательствомъ одного изъ присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ архіереевъ, съ предоставленіемъ синодальному Оберъ-Прокурору, по соглашенію съ предѣдателемъ Совѣта, избрать помощника предѣдателя для замѣщенія его на случай отсутствія, и назначить четырехъ членовъ изъ лицъ, близко знакомыхъ съ положеніемъ народнаго образованія, съ тѣмъ, чтобы предметы вѣдѣнія и занятій Совѣта были точно опредѣлены въ особой инструкціи, имѣющей быть преподанною сему Совѣту отъ Святѣйшаго Синода; переписку же по дѣламъ Совѣта возложить на состоящее при синодальной канцеляріи дѣлопроизводство по церковно-приходскимъ школамъ. Въ осуществленіе такихъ предположеній Святѣйшій Синодъ 19-го декабря — 9-го января 1884—85 года опредѣлилъ: предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору повергнуть означенныя предположенія Синода на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе и утвержденіе.

П р и к а з а л и: Для напечатанія овоу всеобщее извѣ-

стіе объ изъясненномъ Высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе при Св. Синодѣ особаго Совѣта для завѣдыванія церковно-приходскими школами сообщити редакціи «Церковнаго Вѣстника».

Назначеніе на должности въ духовно-учебныя заведенія.

— Приказомъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, февраля 21-го дня 1885 года (№ 5), *опредѣляются въ службу:* преподавателями въ духовныя семинаріи: кандидаты духовныхъ академій: кievской: *Сухозанетъ*—въ орловскую, по гомилетикѣ, литургикѣ и практическому руководству для пастырей; с.-петербургской: *Поташевъ*—въ псковскую, по св. Писанію; *Васильевъ*—въ черниговскую, по греческому языку; *Вольскій*—въ тобольскую, по основному, догматическому и нравственному богословію, и дѣйствительный студентъ Императорскаго университета св. Владимира, имѣющій званіе учителя гимназій и прогимназій, *Шаревичъ*—въ кievскую по физикѣ и математикѣ (Вольскій съ 29 го, а прочіе съ 20-го января 1885 года); помощниками инспекторовъ въ духовныя семинаріи: кандидаты духовныхъ академій: кievской: *Козловскій*—въ кievскую, московской: *Киструскій*—въ кавказскую, *Недумовъ*—въ черниговскую и *Звѣревъ*—въ рязанскую (Козловскій съ 24-го января, Киструскій съ 6-го, а прочіе съ 14-го февраля 1885 года); учителями въ духовныя училища: с.-петербургской: *Тугариновъ*—въ бутанское; *Никольскій*—въ соликамское, по русскому и церковно-славянскому языку, *Дмитревскій*—въ арзамасское, по латинскому языку, *Никитскій*—въ александровское, по греческому языку; московской: *Лебедевъ*—въ сѣвское, и кievской: *Павлиновъ*—въ задонское, по русскому и церковно-славянскому языку (Тугариновъ и Павлиновъ съ 20-го, Никитскій съ 24-го января, Никольскій и Дмитревскій съ 6-го и Лебедевъ съ 14-го февраля 1885 года); *назначаются:* преподаватель

витебской духовной семинаріи *Барсовъ* — смотрителемъ въ витебское духовное училище и учителя духовныхъ училищъ: шацкого *Шукинъ* и курскаго *Андреевъ* — помощниками смотрителей въ тѣ же училища (*Андреевъ* съ 27-го, *Шукинъ* съ 31-го января и *Барсовъ* съ 8-го февраля 1885 года); *перемѣщаются*: смотритель пинскаго духовнаго училища *Тарановичъ* — на должность преподавателя въ архангельскую духовную семинарію, преподаватель казанской духовной семинаріи *Смирновъ* — на такую же должность въ таврическую семинарію, преподаватель черниговской духовной семинаріи *Мозалевскій* — на должность учителя въ холмское духовное училище и учителя духовныхъ училищъ: шаргородскаго *Мацѣвичъ*, кишиневскаго *Стыракевичъ* и соликамскаго *Кудеевскій* — на таковыя же должности въ духовныя училища, первый въ кишиневское, второй въ шаргородское, а послѣдній въ арзамасское (*Мозалевскій*, *Мацѣвичъ* и *Стыракевичъ* съ 20-го января, *Тарановичъ* съ 2-го, *Кудеевскій* съ 6-го, а *Смирновъ* съ 14-го февраля 1885 года).

II.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Постановленія Волинскаго Епархіальнаго Попечительства о выдачѣ пособій.

По постановленіямъ Волинскаго Епархіальнаго Попечительства, состоявшимся 11 Февраля сего 1885 года, съ соизволенія Его Высокопреосвященства, утверждены къ исполненію росписанія о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, составленныя на предметъ выдачи изъ суммъ мѣстныхъ Окружныхъ Попечительствъ пособій: за 1-ю и 2-ю половины 1884 года, безъ воспособленія со стороны Епархіальнаго Попечительства, слѣдующимъ лицамъ: 1) по 4-му округу Дубенскаго уѣзда: заштатному

пономарю Леонтію Локацкому съ двумя сыновьями 8 р.,
дьяческой вдовѣ Февроніи Данилевичъ 8 руб., дьяческой
вдовѣ Кееніи Гловачевской съ тремя сыновьями 15 р.,
священнической сиротѣ Теофилѣ Данилевичъ 10 руб. и
священнической вдовѣ Антоніѣ Краевской 10 рублей,
итого веѣтъ 51 рубль; и 2) по 3-му округу Кременец-
каго уѣзда: священнической вдовѣ Татіаннѣ Малицкой
10 руб., священнической вдовѣ Анастасіи Рыбчинской
съ дочерью 10 руб., священнической вдовѣ Таисіи Мос-
саковской съ дочерью 10 руб., священнической вдовѣ
Евдокіи Шиманской 10 руб., священнической вдовѣ
Антоніѣ Михалевичъ съ двумя дочерми 25 руб., прото-
іерейской сиротѣ Александрѣ Кондрацкой 15 руб., свя-
щеннической вдовѣ Анисіи Давидовичъ съ дочерью 10 р.,
дьяческой вдовѣ Аннѣ Юхновской 7 руб., пономарской
вдовѣ Евдокіи Петрицкой съ тремя дѣтьми 8 руб., свя-
щеннической вдовѣ Феодкстѣ Кондрацкой съ сыномъ
10 руб. и дьяческой вдовѣ Маріи Копачевской 6 руб.,
итого веѣтъ 121 рубль.

По постановленіямъ Волынскаго Епархіальнаго По-
печительства, состоявшимся 11-го Февраля сего 1885
года, съ соизволенія Его Высокопреосвященства,
утверждены къ исполненію росписанія о обѣднхъ ду-
ховнаго вѣдомства, составленныя на предметъ выдачи
изъ суммъ мѣстныхъ Окружныхъ Попечительствъ по-
собій: 1) за 2-ю половину 1884 года по 2-му округу
Заславскаго уѣзда, при воспособленіи 32 руб. со сто-
роны Епархіальнаго Попечительства, слѣдующимъ ли-
цамъ: священнической сиротѣ Аннѣ Сингалевичъ 8 р.,
священнической сиротѣ Маріи Гардасевичъ 8 руб., свя-
щеннической вдовѣ Александрѣ Переметницкой 8 руб.,
священническимъ сиротамъ: Юліи и Аннѣ Островскимъ
10 руб., дьяческой вдовѣ Маріи Туржанской съ дочерью
8 руб., дьяческой вдовѣ Анастасіи Свѣтлинской съ сы-
номъ 8 руб., пономарской вдовѣ Евдокіи Новоселецкой
съ двумя дочерми 8 руб., заштатному пономарю Кон-
стантину Мартышевскому 5 руб., дьяческой вдовѣ Ольгѣ

Гобчанской съ четырьмя дѣтьми 4 руб., заштатному дячку Игнатию Бучинскому съ женою 8 руб., дяческой вдовѣ Антонинѣ Карвовой съ двумя сыновьями 8 руб., дяческой вдовѣ Евдокии Копачевской съ дочерью 8 руб. и дяческой вдовѣ Матронѣ Прусовской 4 руб., итого всѣмъ 95 рублей; 2) за 2-ю половину 1884 года по Острожскому городскому округу, безъ воспособленія со стороны Епархіальнаго Попечительства, слѣдующимъ лицамъ: заштатному, темному на оба глаза, діакону Θεодору Помазанскому 5 руб. и священнической сиротѣ Домникіи Дашкевичъ 5 руб., итого обоимъ 10 рублей.

По постановленіямъ Волынскаго Епархіальнаго Попечительства, состоявшимся 20-го Февраля сего 1885 года, съ соизволенія Его Высокопреосвященства, утверждены къ исполненію росписанія о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, составленныя на предметъ выдачи изъ суммъ мѣстныхъ Окружныхъ Попечительствъ пособій:

1) по 1-му округу Дубецкаго уѣзда, за 2-ю половину 1884 года, при воспособленіи 23 рублей со стороны Епархіальнаго Попечительства, слѣдующимъ лицамъ: священнической вдовѣ Юліи Ленчевской съ тремя дѣтьми 8 руб., священнической вдовѣ Еленѣ Игнатовичъ съ тремя дѣтьми 8 руб., священнической сиротѣ Софіи Клюковской 5 руб., священнической вдовѣ Софіи Глицкой 5 руб., священнической вдовѣ Евдокии Крейцъ 7 р., священническимъ сиротамъ: Θεклѣ и Анастасіи Сагайдаковскимъ 6 руб., священнической сиротѣ Θεоктистѣ Трофимовичъ 3 руб., дяческой вдовѣ Домникіи Задворной съ двумя дѣтьми 5 р., дяческой вдовѣ Александрѣ Писклявской съ четырьмя дѣтьми 5 руб., дяческой вдовѣ Маріи Сятковской 3 руб., дяческой вдовѣ Акилинѣ Пляшевской съ тремя сыновьями 3 руб., заштатному пономарю Льву Иваницкому съ двумя дѣтьми 6 руб., дяческой вдовѣ Евдокии Юрковской съ сыномъ 2 руб., заштатному пономарю Θεодоту Жуковичу съ сыномъ 3 р. и пономарской вдовѣ Іуліаніи Легензевичъ съ дочерью 4 руб., итого всѣмъ 73 рубля; и 2) за 2-ю половину

1884 года по 2-му округу Овручскаго уѣзда, при вос-
 пособленіи 20 руб. со стороны Епархіальнаго Попечи-
 тельства слѣдующимъ лицамъ: священнической вдовѣ
 Маріи Левинкой 6 руб., священнической вдовѣ Надеждѣ
 Буткевичъ съ пятью дѣтьми 4 р., священнической вдовѣ
 Лукіи Собкевичъ 4 руб., священнической вдовѣ Агафьи
 Жукевичъ 5 руб., священническому сыну Игнатію Игна-
 товичу 5 руб., священнической вдовѣ Анастасіи Шавло-
 вичъ 5 руб., священнической вдовѣ Вѣрѣ Теодоровичъ
 съ двумя дѣтьми 7 руб., виѣштатному пономарю Иліѣ
 Кіановскому съ женою 6 руб., дьяческой вдовѣ Парас-
 кевѣ Кондратовичъ съ шестью дѣтьми 8 руб., дьяческой
 вдовѣ Евфросиніи Клепацкой съ дочерью 4 руб., поно-
 марскимъ сиротамъ: Ивану и Маріи Клепацкимъ 6 руб.,
 дьяческой дочери Маріи Заваличъ 5 руб. и дьяческой
 вдовѣ Іуліаніи Болковской 4 рубля, итого всѣмъ 69
 рублей.

Открытие церковно-приходскихъ Попечительствъ.

Открыты церковно-приходскія попечительства въ ес.
 Бузакахъ и Замшанахъ Ковельскаго уѣзда, Сторожевѣ
 —Новградволинскаго уѣзда, Андрусіевѣ—Ровенскаго
 уѣзда, Дворцѣ, Криворудкѣ, Ледянкѣ, Кучмановкѣ, Тру-
 епловкѣ, Оморщковѣ, Шарлаевкѣ и Волицѣ Полевой
 Заславскаго уѣзда.

Перемѣны по службѣ.

Избранны: Депутатомъ Окружнаго Училищнаго
 Съѣзда по 2-му округу Острожскаго уѣзда Священникъ
 с. Краева Антоній *Михалевичъ*, а кандидатомъ къ нему
 Священникъ с. Свянецъ Евстафій *Владимірскій*, по 3-му
 округу Старокопстантиновскаго уѣзда Депутатомъ Свя-
 щенникъ с. Шибенной Іоаннъ *Болковскій*, а кандидатомъ
 къ нему Священникъ м. Теофиополя Антоній *Олещицкій*,
 по 4-му округу Луцкаго уѣзда Депутатомъ Священникъ

с. Цепевичъ Николай *Перхоровичъ*, а кандидатомъ къ нему Священникъ с. Озера Петръ *Тримескій*.
 Въ село *Гильзично*, Кременецкаго уѣзда, на просфорническое мѣсто опредѣлена дьяческая сирота Неонила *Догвинская*.

Просфорни: с. *Носовокъ*, Житомирскаго уѣзда, Евфросинія *Погольская* и с. *Трощи*, того же уѣзда, Екатерина *Скородинская* перемѣщены одна на мѣсто другой.

Вакантныя мѣста.

Въ настоящее время праздны слѣдующія мѣста:

Священническія: — въ с. *Уховецкѣ*, Ковельскаго уѣзда, за перемѣщеніемъ Священника Филимона Волошинскаго въ с. Величи того же уѣзда. Въ означенномъ приходѣ церковной усадебной земли 2 десят., 96 саж., пахатной 51 десят. 44 саж., сѣнокосной 39 десят., неудобной 6 десят. 66 саж., и 2136 душъ прихожанъ обоого пола. Домъ для священника разрушенъ, церковныя постройки ветхи. Въ с. *Старопоричкѣ*, Владиміровольскаго уѣзда, за удаленіемъ Священника Θεодота Ящевскаго. Въ означенномъ приходѣ церковной усадебной земли 5 десят. 1960 саж., пахатной 27 десят. 715 саж., сѣнокосной 10 десят. 1852 саж. и 599 душъ прихожанъ обоого пола. Домъ для священника и хозяйственныя постройки требуютъ починки. Въ с. *Можарахъ*, Овручскаго уѣзда, за смертію Священника Евфимія Лучинскаго. Въ означенномъ приходѣ церковной усадебной земли 2 десят. 2121 саж., сѣнокосной 10 десят. 1460 саж., пахатной 21 десят. 357 саж. и 999 душъ прихожанъ обоого пола. Домъ для священника и церковныя постройки ветхи и требуютъ починки. Въ м. *Гулевичевѣ*, Луцкаго уѣзда, за перемѣщеніемъ священника Іоанна Абрамовича въ с. *Куснице*, Влад. уѣзда. Въ означенномъ приходѣ церковной земли за

неимѣнемъ плана неизвѣстно сколько, домъ для священника ветхій, — прихожанъ обоего пола 992 души. Въ с. *Стецкахъ*, Заславскаго уѣзда, за отчисленіемъ заштатъ священника Стефана Войны. Въ означенномъ приходѣ церковной земли: усадебной и подъ церковнымъ погостомъ 3 десят. 300 саж., пахатной 22 десят. 2110 саж., сѣнокосной 16 десят. 262 саж., а всего 41 дес. 2372 саж. Домъ для священника деревянный — новый, хозяйственныя постройки очень ветхи. Въ с. *Визовкѣ*, Овручск. у., за удаленіемъ окончившаго курсъ ученія въ Волынской Дух. Семинаріи Авксентія Клецацкаго. Въ означенномъ приходѣ церковной усадебной земли 3 дес., пахатной 14 дес. 1600 саж., сѣнокосной 4 дес. 1600 саж., и 1291 душа прихожанъ обоего пола. Домъ для священника требуетъ значительной починки. Въ с. *Овадѣ*, Владиміров. у., за смертію священника Никанора Рѣчинскаго. Въ означенномъ приходѣ церковной усадебной земли 2 дес., пахатной 37 дес., сѣнокосной 36 дес. и 914 душъ прихожанъ обоего пола. Домъ для священника съ хозяйственными постройками требуетъ значительной починки.

СИНОДАЛЬНЫЯ КНИГИ.

Въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ,

(въ Москвѣ въ зданіи синодальной типографіи, въ С.-Петербургѣ въ зданіи Св. Синода)

имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

Сочиненія **Иннокентія**, архіепископа херсонскаго и таврическаго, въ 11-ти томахъ, цѣна. п. н. 28 р. —

(отдѣльными томами не продаются)
Томъ I. Слова и бесѣды на праздники Господни и воскресные дни.

Томъ II. На праздники Богородичіе и на дни святыхъ.

— Томъ III. Слова и рѣчи при посѣщеніи паствы, —поученія при крестныхъ ходахъ и слова и рѣчи еъ отдѣльнымъ лицамъ.

Томъ IV. Слова и рѣчи на высокаторжественные дни, при избраніи на общественныя должности и при открытіи общественныхъ учреждений, —слова надгробныя.

Томъ V. Слова и бесѣды на первую седмицу великаго поста, страстную и свѣтлую седмицу.

Томъ VI. Слова и рѣчи великопостныя, начиная съ недѣли мясопустной.

Томъ VII. Слова и рѣчи великопостныя: паденіе Адамово, о грѣхѣ и его послѣдствіяхъ, бесѣды на св. четыредесятницу, —мысли о безсмертіи. Забѣты.

Томъ VIII. Слова по случаю общественныхъ бѣдствій. Бесѣды о природѣ Агаавсты.

Томъ IX. Последніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. Жизнь апостола Павла. Жизнь св. Кипріана.

Къ сему тому приложенъ портретъ преосвящ. Иннокентія.

Томъ X. Лекціи: о религіи вообще, о человекѣ, о послѣдней судьбѣ человека и міра. Лекція вступительная по нравственному богословію. Введеніе въ нравственное богословіе. Нравственная антропология. Воскресеніе Лазаря. Сомѣствіе Святаго Духа на апостоловъ въ день пятидесятницы. О святомъ апостолѣ Павлѣ. Что чудеснаго сдѣлалъ Промыслъ въ пользу христіанства? Воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа. О неологизмѣ или раціонализмѣ. Взглядъ на греческую философію. Насажденіе и усѣбхи христіанства въ древнемъ Херсонѣ. Взглядъ на дипломатическія сношенія наши съ дворомъ римскимъ, по дѣламъ церкви римской. О присягѣ епископовъ католическихъ Папѣ. О новоучрежденной епархіи римско-католической въ Херсонѣ. О воспитаніи польскаго юношества. О возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ крымскимъ. Предложенія херсонской епархіальной консисторіи. Разборъ соч. еписк. Макарія. Зарожденіе и судьба Дибіра. Стихотвореніе.

Томъ XI. Лекціи: чтеніе евангельскихъ сказаній, о религіи откровенной, о религіи христіанской. О Богѣ вообще, какъ учредитель царствъ нравственнаго или небеснаго. Ученіе о сотвореніи міра. О промыслѣ или провидѣніи. О существахъ высшихъ человека или о духахъ. Иисусъ Христосъ —искушитель человекческаго рода.

— Часословъ учебный. Новое изданіе ц. н. явдѣ. 35 к.

— Часословъ учебный. Новое изданіе ц. н. явдѣ. 25 к.

Къ этому изданію учебнаго часослова сдѣланы слѣдующія дополненія: въ отдѣлѣ тропарей и кондаковъ великихъ святыхъ

и особыхъ празднествъ помѣщены: а) подъ 1-е января тропарь св. Василию Великому, гласъ 1 «Во всю землю изыде въшание твое» и кондакъ, б) подъ 11-е мая тропарь и кондакъ св. Кириллу и Меодію изъ службы симъ святымъ и в) подъ 1-е сентября тропарь индикту, гласъ 2 «Всея твари Содѣтелю» и кондакъ оному; вслѣдъ за тропарами и кондаками изъ тріодей постной и цвѣтной помѣщены: а) тропарь въ недѣлю православія: «Пречистому Твоему образу покланяемся благий» и кондакъ къ нему, б) тропари въ страстную седмицу «Се женихъ грядетъ въ полунощи», «Егда славніи ученицы» «Благообразный Іосифъ», в) апостола Фомы «Запечатану гробу» и кондакъ къ нему и г) Преполовенію пятидесятницы, Преподовишуся празднику» и кондакъ, и въ концѣ Часослова напечатаны утреннія и вечернія молитвы въ томъ объемѣ, какъ онѣ печатаются въ сокращенномъ молитвословѣ.

Служба св. Кириллу и Меодію, церк. печ.

въ бум. — 4

Житіе св. Кирилла и Меодія, церк. печ.

въ бум. — 4

Двѣ книги о покаяніи, св. Амвросія Медиоланскаго, гр. печ. (1-е изданіе) въ кожѣ — 80

въ кореш. — 70

въ бум. — 55

Церковной печати означенная книга продается по тѣмъ же цѣнамъ.

Наставленіе о собственныхъ всякаго христіанина должностяхъ, св. Тихона епископа воронежскаго, гр. печ. (новое изданіе)

въ кожѣ — 55

въ кореш. — 40

въ бум. — 30

тоже, церк. печ. въ кожѣ — 40

въ кореш. — 35

въ бум. — 25

Канонникъ. Въ 8 д. съ кин. въ пер. кож. — 80

въ пер. бум. — 65

въ 32 д. съ кин. въ пер. шагрен. 1 40

сафьян. 1 —

коленкор. — 50

бум. — 25

Чинъ (Послѣдованіе) о исповѣданіи.

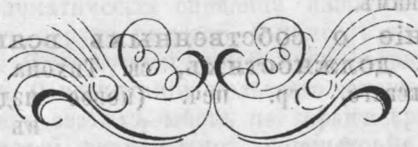
въ 8 д. съ кин. въ пер. бум. — 25

Чинъ исповѣданія отрокомъ. въ 8 доръ
тинъ въ пер. бум. — 10
Лицевые святцы, по рисунку (академика и
Солнцева, каждый экземпляръ на 12 листахъ:
а) на полуалександрійской бумагѣ — 15
б) на брестольской бумагѣ: съ простымъ фономъ — 2
— съ золотымъ — 25
Забужная Русь (новая книга) Е. Крыжанов-
скаго, въ бум. — 40

Заключаетъ въ себѣ историческое изслѣдованіе о первоначальномъ заселеніи Забужья и первоначальной границѣ между Русью и Польшею.

Сію послѣднюю книгу можно получать, кромѣ синодальныхъ лавокъ, въ с.-петербургскихъ книжныхъ магазинахъ; въ Варшавѣ въ магазинѣ Истомина, въ Вильнѣ—въ магазинѣ Сыркина и въ Киевѣ—въ магазинѣ Оглоблина.

Печатается и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу книга «**Весѣды объ отношеніи церкви къ христіанамъ**».

Дозволено цензурою. Кременецъ. 21-го Марта 1885 года.
Редакторъ П. Бялевъ.

— Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

1 и 6 Апрѣля №№ 10 и 11 1885 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

С В Я Т Ы Е

К И Р И Л Л Ъ И М Е О О Д І Й,

АПОСТОЛЫ СЛАВЯНСКІЕ (*).

Въ прежнее время, когда Христось жилъ на землѣ во плоти, и послѣ того, когда апостолы ходили по разнымъ странамъ и разносили Слово Божіе, тогда самое большое государство въ мірѣ было римское. Ему были подвластны все земли вокругъ теплаго Средиземнаго моря: земля греческая, и египетская, и еврейская, гдѣ Христось родился и пострадалъ.

Дунай—рѣка тоже была римская; туда рано дошло Христово учение.

Быль въ томъ же царствѣ римскомъ, не далеко отъ Аѳонской горы, большой городъ Солунь, и въ немъ, еще во времена апостольскія, было много христіанъ.

Держали римское царство императоры, что жили въ городѣ Римѣ. Сначала они были все невѣрные: гнали христіанъ, и много тогда пролилось праведной крови.

(*) Перепечатывается въ Епарх. Вѣд., согласно желанію Славянскаго Благотворительнаго Общества. Ред.

Въ Солунѣ—городѣ тоже были мученики. Въ соборѣ солунскомъ почивали мощи святаго великомученика Деметрія и отъ нихъ предивныя чудеса творились.

Отъ гоненій христіанская вѣра не погибала, лишь больше народу приходило ко Христу.

Наконецъ осѣнила Божія благодать императора Константина: ему явился крестъ на небѣ, и онъ увѣровалъ. И гоненія перестали. Константинъ далъ христіанамъ въ своемъ царствѣ волю и взялъ ихъ къ себѣ въ милость: и по немногу стада вѣра въ идоловъ въ римскомъ государствѣ пропадать.

Когда позналъ Христа императоръ Константинъ, то показалось ему, что онъ совѣмъ сталъ новымъ человекомъ, что и царство его обновилось и что жизнь должна быть уже иная. Покинулъ императоръ древнюю столицу—Римъ и переѣхалъ на житье къ востоку, близко къ берегу Чернаго моря, въ городъ Византію; называлъ этотъ городъ по своему имени Константинополемъ. И скоро стала новая столица богаче и красивѣе старая Рима. Другіе народы прозвали ее Царьградомъ.

Въ старомъ же Римѣ остался жить патриархъ, и назывался папа римскій.

Въ Царьградѣ былъ свой патриархъ. Еще были патриархи: александрійскій, антиохійскій и іерусалимскій. Каждый имѣлъ свою область и все между собою считались равными.

Тогда не было раздѣленія между православными и римскими католиками: у всехъ была одна христіанская вѣра. Папа римскій былъ такой же православный, какъ и прочіе патриархи. Во дни гоненій римскіе папы стояли за вѣру: нѣкоторые изъ нихъ принимали мученіе и были святыя.

Когда стали появляться ереси, то все патриархи собирались вмѣстѣ и соборно гдѣ ереси осуждали, хранили нерушимость завѣтовъ апостольскихъ.

Семь было вселенскихъ соборовъ.

Римское царство было великое: между разныхъ его

концовъ стояли горы и лежали моря, и долгие были переѣзды изъ края въ край. Одному государю трудно было управлять. И раздѣлилось это царство пополамъ. Стадо два государства: восточное, греческое, иначе Византійское, и западное римское, — и два императора, одинъ въ Царьградѣ, другой въ Римѣ.

Утвердилась въ края римскомъ государствѣ и въ греческомъ, но много еще было народовъ на востокъ и на сѣверѣ, въ степяхъ и въ лѣсахъ непроходимыхъ, куда не доносилось Слово Христово. И не могли эти люди быть спасены, потому что не знали Спасителя.

Богъ же всѣхъ одинаково жалѣетъ и всѣхъ зоветъ на свою вечерю. Сказано въ Евангеліи: *Глаголюже самъ, яко мнози отъ востока и запада придуть, и возсѣдѣти на небесныхъ.* (Мат. 23, 11).

И словно птицы стали, что снимаются съ мѣстъ и тянутся перелетомъ туда, гдѣ чуютъ весну, двинулись съ восточной стороны толпы новыхъ народовъ: обступили тѣсно римское царство и еще тѣснѣе царство греческое. Сперва пришли Готы, по нашему понышнему Нѣмцы. За ними Обры пришли. Всѣ эти Обры ѣздили на коняхъ и ѣли конское мясо. Греческіе и римскіе люди прозвали новыхъ людей варварами.

Стали эти варвары проходить, то взадъ, то впередъ, вдоль Дуная и рѣки и по окрестнымъ странамъ. Гдѣ они шли, впереди ихъ города стояли богатые, а позади оставались лишь камни да уголья. Въ иныхъ мѣстахъ весь народъ изгубили враги: кого смерти предали, а кого въ плѣнъ къ себѣ взяли — въ невольники. Плѣнные христіане выучивались среди невѣрныхъ ихъ языкамъ и говорили о Христѣ: и оттого принималась у варваровъ христіанская вѣра. И лучше дѣлались варвары въ христіанствѣ: меньше убивали и мучили людей. Черезъ некоторое время Нѣмцы стали крещеные, и тогда они перешли за Дунай къ сѣверу. Тамъ и теперь живутъ.

Обры тоже выбрали себѣ мѣсто; взяли рядомъ съ Нѣмцами землю, что называлась Панноціей. Только отъ во Христа не увѣровали, всё были дики: за то и пропало скоро ихъ племя, забыли про нихъ народы. — Когда варвары ушли, греческое царство осталось въ бошомъ разореннѣ: многія земли стояли пустыя и ничья.

Воевалъ иногда противъ Грековъ, вмѣстѣ съ Нѣмцами и съ Обрами, еще одинъ народъ ни на тѣхъ, ни на другихъ непохожій. То были Славяне. Не были они такъ свирѣпы, какъ Нѣмцы и Обры, не столько сдѣлали зла, и потому объ нихъ сначала меньше было говорено. Когда же Нѣмцы и Обры отодвинулись прочь отъ Дуная, то Славяне стали приходить сплошными толпами. Все равно какъ весной вода набѣгаетъ съ горъ, такъ они прибывали. Откуда они брались, никто не знаетъ слышно было, что они уже давно живутъ, на востокъ отъ Царьграда, на большой равнинѣ, что теперь зовется Россіей.

Просили Славяне греческаго царя, чтобы имъ дозволено было поселиться на разоренныхъ земляхъ: царь имъ дозволилъ. И разошлись они по Дунаю и по горъ Балканскихъ, до самаго моря. Другія колѣна того же славянскаго племени прошли вверхъ по притокамъ Дуная, ближе къ Нѣмцамъ, и стали тамъ жить подъ разными именами. По рѣкѣ Моравѣ — то были Моравяне, къ западу отъ нихъ Чехия. На сѣверѣ отъ Чеховъ — есть луговыя долины: тамъ народъ славянскій сталъ называться Сербами — Лужичанами. Къ востоку по Вислѣ рѣкѣ, жили Поляки. Еще были славянскія колѣна: Сербы съ Хорватами, Словинцы, Словаки, и многія другія, — всё изъ одного племени, какъ въ старину отъ одного дерева. Но больше всего Славянъ осталось жить на прежнихъ мѣстахъ: по Днѣпру, по Окѣ и до самаго Новгорода, по всему простору земли русской. Жили они тамъ въ разбросъ по лѣсамъ; прозывались, какъ и на западѣ, разно. Теперь они всё слились во-едино и назы-

вають себя Русскими. Долгое тянулось время, пока стало Русское государство. А на западъ Славяне до сихъ поръ не могутъ соединиться.

Заняли западные Славяне бывшую римскую землю и начали ею владѣть сообща, міромъ. Таковъ былъ ихъ природный обычай. Ни у какихъ другихъ народовъ этого не водилось. Въ греческомъ государствѣ и въ римскомъ землю держали богатые люди, а бѣдные жили въ работахъ, не то изъ-полу брали. Про міръ же и не слыхивалъ никто. Стали Славяне пахать и сѣять, и хорошо разжились на новыхъ мѣстахъ. Прежде Славянъ, греческіе цари давали также Нѣмцамъ землю, еще и дома имъ строили, да только тѣ долго не могли успокоиться: живутъ нѣсколько лѣтъ и надобѣсть имъ работать, опять они идутъ въ походъ грабить и разорять.

А Славяне сразу осѣлись, и тише стало на Дунаѣ. Начали снова Греки приходить въ города и заводить торговлю; Славяне больше жили по деревнямъ. Лучше всѣхъ городовъ земли славянской былъ городъ Солунь. Сколько разъ его разоряли варвары, а онъ опять поднимался и все богатѣлъ: сберегалъ свой городъ св. Димитрій солунскій.

Какъ стали Греки жить въ сосѣдствѣ со Славянами, то начала отъ нихъ переходить къ Славянамъ и христіанская вѣра. Славяне легко ее понимали, потому что всегда были добрые, и заповѣдь Христова о томъ, чтобъ любить ближнихъ и прощать обиды, пришла къ имъ по праву. И скоро бы они всѣ обратились ко Христу, да не было кому ихъ наставить. Греки не очень любили водить съ ними знакомство. У насъ, у Грековъ, науки всѣ и художества, отъ насъ премудрость всюду идетъ, а Славяне деревенскіе люди, простые;—такъ они о себѣ думали и держались отъ Славянъ особо. А изъ Славянъ многіе привыкали говорить по гречески и поступали къ царю греческому на службу; но эти Славяне тогда же отставали отъ земли и отъ племени своего: начинали жить въ городахъ

между Греками и сами становились все одно как Греки.

Еще въ томъ была Славянамъ помѣха придти къ познанію христіанства, что не разумѣли они въ церквахъ Священнаго Писанія, — оно было по гречески. Славяцъ не только книгъ, но и буквъ своихъ не было. Если имъ нужно бывало что нибудь замѣтить, то они ставили знаки, зарубки дѣлали. Иные писали славянскую рѣчь греческими или римскими буквами, смотря по тому, кто какую грамоту зналъ; да только не хорошо это выходило, не понятно. И долго многіе Славяне истиннаго Бога не вѣдали: сами себѣ боговъ придумывали, молились грому, и солнцу, и вѣтрамъ, — дѣлали себѣ истукановъ, мѣдныхъ и деревянныхъ, и кланялись имъ.

Наконецъ, смилдовался Богъ надъ людьми своими, послалъ славянскому племени просвѣтителей, апостоловъ новыхъ.

Лѣтъ за тысячу тому назадъ (въ 9-мъ вѣкѣ, по Р. Хр.) жилъ въ городѣ Солувѣ богатый вельможа, по имени Левъ. Было у него нѣсколько сыновей: старшаго звали Меѳодіемъ, а младшаго — Константинъ (въ монашествѣ Кирилль).

Меѳодій сначала служилъ въ войскѣ; самъ царя его зналъ и отличалъ, и поставилъ его воеводою въ одну славянскую землю, что была тогда подъ греческой державой. Правиль Меѳодій этою землею нѣсколько лѣтъ, и сталъ онъ часто думать: «Вотъ я за служилъ себѣ у царя и честь, и богатство; а какъ мнѣ у Бога заслужить себѣ спасеніе?» И наскучила ему мірская его жизнь. Оставилъ онъ свое воеводство и ушелъ въ монахи, на гору Олимпъ. Тамъ прожилъ въ кельѣ не мало времени постникомъ и затворникомъ.

Когда Меѳодій отправился на царскую службу, братья его Кирилль былъ еще малъ, но уже всѣ примѣчали, что

на этомъ ребенкѣ почить Божія благодать. Семи лѣтъ онъ видѣлъ чудный сонъ, проснулся и разсказалъ отцу съ матерью: Снилось мнѣ, будто со всего нашего города воевода собралъ двѣицъ и приказалъ, чтобъ я выбралъ себѣ невѣсту. Я взялъ самую красивую и нарядную и спросилъ, какъ ее зовутъ?— Она сказала: Софіей.

Родители Кирилла поняли, что это было ихъ сыну знаменіе, что дастъ ему Богъ великую премудрость: Софія по гречески значитъ премудрость.

Начали Кирилла учить грамотѣ и разнымъ наукамъ: онъ все понималъ такъ хорошо и скоро, что все удивлялись. И когда, бывало, кончится время ученья, все другія дѣти игры заводятъ, а Кириллъ на молитву становится, или книги читаетъ святыя.

Разъ выѣхалъ онъ съ товарищами на соколиную охоту. Только спустились они соколовъ, какъ вдругъ поднялся вихорь, захватилъ Кириллова сокола и занесъ невѣдомо куда. Тогда Кириллъ сказалъ: «видно мнѣ здѣсь не мѣсто», и вернулся съ поля. Съ тѣхъ поръ онъ больше на охоту не ѣздилъ и сталъ еще богомольнѣе.

Въ греческой землѣ умеръ царь Теофилъ, и наследовалъ ему сынъ его Михаилъ. Этотъ новый царь остался поселъ отца еще малолѣтенъ, и были къ нему приставлены три боярина—учить его и воспитывать. Старшій изъ этихъ бояръ зналъ родителей Кирилла и слышалъ, какой у нихъ есть сынъ умный и понятливый. И взялъ этотъ бояринъ Кирилла къ себѣ въ Царьградъ и сталъ его учить вмѣстѣ съ царемъ, чтобъ царь, на него глядя, самъ прилежниѣе учился.

Такъ и выросъ Кириллъ: то у боярина въ домѣ, то въ царскихъ палатахъ, и скоро сталъ многому наученъ, — прозвали его философомъ. Это по нашему значитъ — мудрецомъ. Умѣлъ онъ говорить на многихъ языкахъ и что въ книгахъ было непонятно, все онъ могъ растолковывать.

Всѣ въ Царьградѣ знали его и любили за му-
рость, а больше любили его за то, что онъ былъ до-
брымъ и ласковый со всеми и всехъ при царскомъ дво-
рѣ. Хотя онъ уже и на возрастѣ былъ, а ника-
кой себѣ не видѣлъ радости въ мірскихъ забавахъ.

Боярину тому, что воспитывалъ его, онъ во всемъ
покорялся, а бояринъ ему во всемъ вѣрилъ и по-
ставилъ его старшимъ у себя въ домѣ. Была у этого бо-
ярина крестница—сирота, дѣвица богатая и хорошаго
рода. И задумалъ онъ женить на ней Кирилла и сталъ ей
уговаривать. Но Кириллъ не хотѣлъ оставаться въ
мірѣ, хотѣлъ Богу послужить. Тогда посветили его
священники и приставили смотрѣть за книгами у святаго
Софїи. Немного времени спустя онъ, никому не со-
завши, скрылся въ монастырь, что стоялъ далеко отъ
города. Хватились его, стали искать; самъ царь
о немъ скучалъ. Черезъ полгода едва нашли Кирилла
и вернули его въ Царьградъ: и сталъ онъ учить тамъ
всякимъ наукамъ, духовнымъ и свѣтскимъ. И все равно
какъ вокругъ большаго города строятся меньшія дере-
вюшки, столпились около философа ученики. И разо-
стенъ былъ Кириллъ: каждый часъ благодарилъ Бога
за то, что Богъ ему даровалъ мудрость и сладость
рѣчи на пользу людямъ.

Вдругъ пришли гонцы отъ невѣрныхъ Сарацинъ.
Эти Сарацины еще при старомъ царѣ Теофилѣ подступили
къ землѣ греческой, и разорили одинъ большій
городъ и перебили много народа.

Съ тѣхъ поръ они стали гордиться передъ хри-
стіанами своею силою и прислали грамоту, а въ ней
написано было: «Какъ это вы, христіане, говорите, что
вѣруете въ Бога Единого, а почитаете Его какъ будто
въ немъ три Бога и называете Святою Троицею? Если
вы можете показать, что это истинно, то пришлите намъ
искусныхъ и книжныхъ людей, чтобъ могли они послу-
жить съ нашими мудрецами».

Царь Михайлъ, получивши эту грамоту, позвалъ

патріарха и бояръ, и сталъ съ ними совѣтоваться, кого послать. Подумали юнии и послали Кирилла. И пошелъ онъ къ невѣрнымъ безъ страха, съ усердіемъ: онъ и умереть за Христа не боялся. Въ этотъ пору въ городъ сарацинскомъ жили многіе христіане, да только у невѣрныхъ они были въ большомъ униженіи: Сарацины у нихъ въ всѣхъ наворотахъ написали дьявольскія изображенія, да чтобъ явно было, какъ они христіанами гнушаются, все равно, что нечистыми дьяволами.

Когда Кириллъ пришелъ въ этотъ городъ, невѣрные показали ему, что на христіанскихъ домахъ нарисовано, и спросили его: «Понимаешь ли ты это знаменіе?». А онъ имъ отвѣтилъ: «Понимаю я, что здѣсь живутъ праведные люди, и дьяволы къ нимъ войти не могутъ и остаются снаружи; а гдѣ ихъ не видно, тамъ, стало быть, юнии въ домѣ живутъ вмѣстѣ съ хозяевами. Въ тотъ же день позванъ былъ Кириллъ къ столу князя этого города. За столомъ сталъ его спрашивать одинъ сарацинскій мудрецъ:

«Отчего это у васъ, у христіанъ, столько разныхъ толковъ и ересей: у васъ всякій по своему свою вѣру понимаетъ и живутъ всѣ разное, міряне по своему и чернецы по своему? Мы вотъ, по нашему магометанскому закону, и вѣры одной держимся крѣпко, и живемъ по нашей вѣрѣ всѣ одинаково». Оттого это, сказалъ Кириллъ, что Богъ нашъ, какъ морская глубина, великъ и непостижимъ: человеку объ Немъ и думать не под силу. Многіе хотятъ узнать Бога, да не многимъ дается на это премудрость. Есть люди такіе, что умомъ крѣпки, и сердцемъ смиренны, и отъ Самого Бога добрыми дѣлами заслужили помощь: тѣ и могутъ правильно понимать нашу вѣру. А есть и другіе, что возгордились сами о себѣ; отъ нихъ за это благодать Божія отходитъ, и попадаютъ они въ разныя ереси, — все равно, что отгнилой корабль: выѣдетъ въ море и тонетъ. Если иной разъ и не совсѣмъ пропадетъ такой человекъ,

то все же у него душа не въ покоѣ, и не могутъ люди ни въ бры, ни въ себѣ настоящей найти, ни истинно Христовой познать. А что жизнь у насъ разная, то это оттого, что когда Христосъ сошелъ на землю, не отнялъ у людей прежняго ихъ закона, написаннаго въ десяти заповѣдяхъ, я тобъ худыхъ одѣлъ не дѣлать, не рубить, и не красть. Тѣмъ же, кто къ Богу имѣе великую любовь и великое усердіе, далъ Спаситель новую свою заповѣдь, евангельскую, совершеннаго житія. Трудная эта заповѣдь: не всякому ее можно исполнить и никого къ ней Богъ не принуждаетъ. Говоритъ Христосъ въ Евангеліи: *Мой во мнѣ стити, да не стити* (Мѡ. гл. 19, ст. 12). Ибо не всякому въ дозволѣно «Поставилъ Богъ челоука въ мирѣ между Ангелами и скотами: до Ангеловъ его не допускаетъ, и до скотовъ и до злобъ, и всякое тѣлесное желаніе, а отъ скотовъ отдѣляетъ разумъ и душу безсмертную. И далъ Богъ челоуку выбирать себѣ жизнь, какую охотѣется, или, давши волю своему тѣлу, съ тварью безсловесною сравняться, или чистою и праведною жизнію до Ангеловъ и небесныхъ подняться, и до Бога возвыситься». — Путь житія святаго, евангельскаго, и немногіе выбираютъ, — тѣ, что желаютъ себѣ высокой награды въ царствіи небесномъ и, взявши окресты свои, грядутъ къ Самому Господу. Это у насъ чернецы: живутъ они въ монастыряхъ и въ пустыняхъ, ни чего мірскаго въ мысляхъ не держатъ, и всякій трудъ на себя принимаютъ во славу имени Господня. А прочіе христіане идутъ въ спасеніе путемъ попросторнѣе: вѣруютъ въ Христа и жизнь свою по вѣрѣ своей стараются вести, и живутъ въ городахъ и въ селеніяхъ, и каждый по своему тѣлу, при своей работѣ. Это у насъ міряне. — Ваша же вѣра магметанская все равно какъ мѡхъ, и кій торучей, что ни всякій о можетъ въ бродѣ перейти, и законъ вашъ не Божественное ничто-нибудь, а просто обычай челоуческій, и соблюдаете въ него все потому, что его легко соблюсти.

Кончиль рѣчь свою Кирилль и заговорили Сарацины:

•Разскажи намъ, чтобъ мы поняли, какъ вы своему Единому Богу молитесь въ трехъ лицахъ: Отцу, и Сыну, и Святому Духу?•

Тогда Кирилль показалъ имъ рукою на солнце и сказалъ:

•Видите вы,—стоитъ на небѣ кругъ блестящій и отъ него и свѣтъ, и тепло?—По образу и подобію Святой Троицы создалъ Богъ солнце.

•Богъ Отецъ, какъ солнечный кругъ, Единый, безъ начала и безъ конца. Отъ Него родится Сынъ Божій, какъ отъ солнца свѣтъ и свѣтитъ всему міру. И какъ отъ солнца вмѣстѣ съ лучами свѣтлыми и тепло идетъ, такъ отъ Бога Отца исходитъ Духъ Святой.

•Всякій различитъ порознь и кругъ солнечный, и свѣтъ, и тепло; а солнце все одно на небѣ. Такъ и Троица Пресвятая: три въ ней лица—Отецъ, Сынъ и Духъ Святой; а Богъ все Единый и Нераздѣльный.

Не нашли Сарацины что отвѣтить мудрецу христіанскому и опять спросили его: •Какъ же вы, христіане, ходите на войну и убиваете людей? у васъ въ законѣ написано: «не убей», и въ Евангеліи показано—всѣхъ любить, а врагамъ прощать обиды и дѣлать добро. Кирилль имъ на это сказалъ:

•Кто, по вашему, вѣрнѣ служить Богу: кто исполняетъ одну заповѣдь, или кто двѣ заразъ?•

Они ему отвѣтили: •тотъ вѣрнѣ служить Богу, кто соблюдаетъ обѣ заповѣди. И сталъ имъ говорить Кирилль: •Правильно вы разсудили; теперь разсудите еще. Это истинно, что Христось намъ сказалъ любить ближнихъ; а еще сказалъ Христось, что *больши сѣя любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя.* Свою обиду долженъ изъ насъ всякій нести съ терпѣніемъ, а другъ за друга мы должны стоять и крови своей не жалѣть. Мы, когда воюемъ съ вами, не добычи ищемъ, а другихъ и себя обороняемъ. Вѣдь

вы если покорите какую нибудь землю, то всѣхъ ставляете принимать вашу вѣру и лишаете небеснаго царствія. Такъ меньше намъ грѣха предать тѣлесную смерть нѣкоторыхъ изъ вашихъ вонновъ, чѣмъ многіе наши братья по вѣрѣ христіанской черезъ духовную смерть умрутъ.

Видя въ невѣрныя, что имъ не переспорить Кирилла, что правда вся на его сторонѣ. И задумали они его извести: подбавили ему яду въ питье. И сотворилъ Богъ, что выпилъ Кириллъ эту чару, что налили ему Сарацины, и остался живъ и здоровъ.

И сбылось, какъ Христосъ обѣщалъ въ Евангеліи: *всѣмъ, кто во имя Его трудится: аще и что смертъ испиютъ, не вредитъ ихъ* (Марк. 16, 18).

Вернулся Кириллъ отъ Сарацинъ и ушелъ въ тихое и тихое мѣсто, не взявъ съ собой ни денегъ, ни пожитковъ; питался только тѣмъ, что ему принесли нибудь Христа ради, и то поѣсть немного, а что оставалось, отдасть нищимъ. Такъ и жилъ: о завтрашней днѣ не заботился.

Послѣ захотѣлось Кириллу провѣдать брата своего Меѳодія: пошелъ онъ на Олимпъ—гору и остался тамъ съ братомъ; стали вмѣстѣ спасаться.

У Чернаго моря, гдѣ нынѣ придонскія степи, стояло въ то время большое Козарское царство.

Народъ въ немъ былъ въ перемежку: сами Козары, Жиды и Сарацины, много было и русскихъ людей. Христіанской вѣры тамъ не было, и люди жили въ дикости; иныя и домовъ не строили, а скитались съ мѣста на мѣсто, или прятались отъ несправедливости въ хворостяныхъ шалахахъ, да въ землянкахъ, маленькихъ словно въ норкахъ. Князь у нихъ назывался каганъ.

И отпустилъ каганъ къ царю греческому посланца, затѣмъ, чтобъ они ему сказали:

•Мы люди простые: знаемъ, что есть Богъ и поклонились Ему; а какъ по Божьему жить, не знаемъ, и многое худое дѣлаемъ по невѣдѣнію. Толкують на

Жиды, что ихъ вѣра самая лучшая, и Сарацины тоже о своей вѣрѣ говорятъ. Вы насъ никогда не обижали, и слышали мы, что вы истинно вѣруете. Дайте наставниковъ нашему народу. Пусть они намъ покажутъ ясно вашу вѣру, если мы увидимъ, что она лучше жидовской и сарацинской, то будемъ креститься.

И когда пришли эти люди, изъ-за моря и рассказали про нужду свою, то вспомнили въ Царьградѣ опять про Кирилла, розыскали его и велѣли ему идти къ Козарамъ. Онъ сталъ просить Меѳодія: «Братъ! пойдѣмъ со мной; я книжный человѣкъ, а ты, какъ былъ на воеводствѣ, видѣлъ всякаго народу и лучше моего умѣешь говорить съ простыми людьми». Такъ они согласились и пошли.

Лежалъ имъ путь по степямъ; а въ степяхъ жили въ то время Угры,—теперь ихъ называютъ Венгерцами, тоже Мадьярами. Были эти Угры до того страшны, что и на людей не похожи: вмѣсто одежды носили звѣринья шкуры мѣхомъ вверхъ. И жили по звѣринному: хлѣба не сѣяли, не работали ничего, только разбойничали. Не было отъ нихъ никому проходу, ни проѣзду.

Вотъ Кириллъ и Меѳодій шли и сдѣлали приваль въ самый полдень; Кириллъ началъ молиться Богу. Вдругъ, словно вихорь налетѣлъ, набѣжали со степи Угры; воютъ какъ волки,—говорятъ ли по своему, или пѣсно поютъ,—подступаютъ къ Кириллу съ оружіемъ, убить его грозятся. А Кириллъ не устрашился, даже головы къ нимъ не повернулъ,—все стоялъ и читалъ: «Господи помилуй».

И усмирились Угры: остановились всѣ кругомъ Кирилла и слушали. Когда же онъ кончилъ молиться, стали кланяться ему до земли. И пропустили его и брата его Меѳодія безъ всякой обиды; еще и дорогу показали.

Скоро пришли Кириллъ и Меѳодій въ Крымъ, остановились въ греческомъ городѣ Херсонѣ, что стоялъ на морскомъ берегу, не далеко отъ Севастополя.

Въ морѣ, близъ того города, были скрыты мощи

святаго Климента, папы римскаго; и въ прежніе годы какъ только бывало настанеть этому святому празднику море разступалось и уходило отъ берега, и открывалась на днѣ церковь каменная, Ангелами построенная, а въ церкви лежали мощи. Весь народъ ходилъ къ нимъ на поклоненіе, и многія отъ нихъ бывали исцѣленія и чудеса. До семи дней стояло море, а какъ исполнится седьмой день, опять все бывало зальетъ водою и опять ничего нѣтъ.

Только лѣтъ за пятьдесятъ до того, какъ пришли Кириллу и Меѳодію, за грѣхи города Херсона, мощи перестали являться, и всѣмъ христіанамъ была отъ этого великая печаль. Когда Кириллъ и Меѳодій пришли и про это услышали, то стали говорить тамошнему епископу Георгію, что надо чудотворныя мощи изъ моря вынуть. Епископъ ихъ послушалъ: сходилъ въ Царьградъ, взялъ патріаршее благословеніе. Стали они соборно служить молебень на берегу моря.

Молились цѣлый день, а вода все не разступалась. И когда свечерѣло, то епископъ, и Кириллъ съ Меѳодіемъ, и другіе священники сѣли на корабль и пустили его по вѣтру. Отѣхали уже далеко и—вдругъ видѣть—надъ моремъ свѣтъ поднимается, словно звѣзда изъ пучины выкатывается. Подплыли къ тому мѣсту, и показались передъ ними поверхъ воды мощи святаго Климента. Всѣ на кораблѣ обрадовались, приняли мощи и съ пѣніемъ, съ ликованіемъ, привезли въ городъ.

Скоро послѣ того Кириллъ и Меѳодій опять спарились въ дорогу. И дали имъ херсонскіе люди часть отъ честныхъ Климентовыхъ мощей, и съ тѣхъ поръ Кириллъ и Меѳодій, гдѣ бы ни ходили—утверждали вѣру христіанскую, повсюду носили эту частицу съ собой. Изъ Херсона поѣхали они на кораблѣ къ Козарамъ.

Приняли ихъ тамъ хорошо. Когда они пришли къ козарскому кагану, у него шелъ пиръ. И спросилъ ихъ каганъ: «Скажите мнѣ, какого вы рода, чтобъ я зналъ

какъ васъ посадить; у насъ здѣсь по роду мѣста даются.

Кириллъ сказалъ: «Нашъ дѣдъ былъ первый чело­ловѣкъ на всей землѣ; всѣхъ онъ былъ богаче и вся земная тварь была у него подъ властью. Не сумѣлъ онъ только удержать своей славы, и обнищаль его родъ. Мы теперь для того и трудимся, чтобъ войти въ прежнюю честь нашего дѣда и другой чести не желаемъ. А дѣдъ нашъ, и вашъ, и всѣхъ людей—былъ Адамъ. Всякій родъ отъ него исходить». Подивился каганъ мудрому отвѣту, всталъ съ мѣста своего, поклонился низко обоимъ братьямъ, Кириллу и Мееодію, и посадилъ ихъ противъ себя. И поднялъ чару, промолвилъ: «Слава Богу Единому». Кириллъ ему отвѣтилъ: «Слава Богу во Святой Троицѣ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу». На это отозвались Жиды, что были тоже на пиру, и стали спорить. Бесѣдовалъ съ ними Кириллъ день до вечера: по книгамъ и притчами показывалъ имъ всю ихъ неправду. Сначала шель споръ о Святой Троицѣ, послѣ о Матери Божіей.

Случилось тамъ быть нѣсколькимъ изъ Сарацинъ: они подняли голосъ противъ Кирилла за одно съ Жидами; и Кириллъ ихъ такъ же, какъ Жидовъ, постыдилъ въ томъ, что ихъ ученіе не Божія правда, а лукавство—чтобъ въ людяхъ разумъ затуманить, отъ правой вѣры отвести. Какъ огненная струя лилася рѣчь Кириллова: всѣ хитрости невѣрныхъ, какъ воскъ, отъ нея таяли.

Наконецъ поднялся каганъ съ Козарами своими и сказалъ Кириллу: «Хорошо ты все это говоришь, и нѣтъ никого мудрѣе тебя въ книгахъ. Видно Богъ тебя къ намъ привелъ на устроенъе наше. Только мы по книгамъ мало смыслены: ты намъ просто расскажи, по вашему закону, какъ жить, чтобъ души свои спасти».

И на утро опять собрались Козары и спрашиваютъ Кирилла: «отчего христіанская вѣра всѣхъ лучше?»

Кириллъ имъ на это сталъ говорить: «Золото чистое

узнають люди огнемъ, а правду истинную умомъ. Какъ вы думаете, еслибъ человѣку озяшему кто нибудь сказалъ: напейся холодной воды и постой на морозѣ и огрѣешься; а другой бы сказалъ—пойди грѣться въ какое мѣсто, къ огню? Чья бы правда была?

И отвѣтили Козары всё словно въ одинъ голосъ: «была бы правда того, кто отъ холоду тепло присовокупилъ». Дальше повелъ свою рѣчь Кириллъ: «Первогрѣхъ отъ чего случился?—отъ сладкаго плода и отъ гордости. Стало быть, чтобъ исцѣлиться отъ него, нужна воздержаніе плоти и смиреніе духа. А это и есть законъ христіанскій. Тяжелъ этотъ законъ въ здѣшней жизни; за то въ будущей тѣмъ, кто его исполняетъ назначенъ у Бога вѣчный покой. Нашъ законъ, какъ ягодный кустъ, что весною стоитъ въ колючихъ иглахъ, а осенью даетъ хорошія ягоды».

Тогда первый совѣтникъ кагановъ обернулся въ сторону, гдѣ стояли Жиды, и сказалъ: «Теперь нашъ гость вашу мудрость и гордость и сарацинскую такъ разорилъ, въ своей христіанской мудрости какъ въ рѣкѣ потопилъ». А къ Козарамъ обернулся и сказалъ: «Истинно, какъ нѣтъ во всемъ мѣрѣ царя сильнѣе христіанскаго—царя православнаго, такъ и вѣра христіанская всѣхъ другихъ вѣръ выше передъ Богомъ; она только одна и можетъ привести въ небесное царство». И загудѣло по всей толпѣ: «аминь».

Вышелъ Кириллъ на середину козарскаго круга и воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Братья! кто изъ васъ чего нибудь не понялъ, или въ чемъ сомнѣвается, пусть придетъ ко мнѣ, спрашиваетъ и споритъ со мною; для того я и пришелъ, чтобъ служить вамъ словомъ своимъ. Если же кто не хочетъ вѣровать во Христа и преститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, то не моя въ томъ воля, не моя и вина, и не мнѣ отвѣчать передъ Богомъ въ послѣдній день, когда придетъ опять Господь на землю судить всѣхъ людей, однихъ въ жизни, а другихъ въ муку вѣчную».

И заговорили кругомъ Козары: «мы себѣ не враги», — и начали просить крещенія. И приказалъ каганъ, чтобъ никто въ его царствѣ не могъ изъ христіанской вѣры переходить въ жидовскую или магометанскую, ни въ прежнюю козарскую вѣру.

Больше году оставались Кирилль и Меѳодій въ козарской землѣ: все крестили и учили народъ. И когда стали собираться на свою сторону, то каганъ позвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ: «Просите у меня, чего вы хотите; я для васъ ничего не пожалѣю». Они ему дали такой отвѣтъ: «Мы ничего твоего не хотимъ, а дай ты намъ воѣхъ, кто у тебя есть изъ нашей земли въ плѣну». Каганъ тогда велѣлъ по всему своему царству искать и собирать плѣнниковъ земли греческой, а самъ написалъ греческому царю:

«Благодарствуемъ вамъ, что вы къ намъ прислали такихъ умныхъ и святыхъ людей. Прежде мы ошупью ходили, какъ слѣпые, а теперь видимъ свѣтъ, потому что поняли настоящую вѣру». Эту грамоту онъ отдалъ Кириллу и Меѳодію, когда прощался съ ними, и плѣнниковъ воѣхъ сколько было, счетомъ двадцать человекъ, тоже съ ними отпустилъ. Много народу земли Козарской вышло провожать святыхъ проповѣдниковъ. Полюбили ихъ всѣ, и привыкли къ нимъ, и горевали, что не увидятъ ихъ больше никогда.

Степью пустою шли Кирилль и Меѳодій и плѣнники съ ними. И сбились они съ дороги; воды у нихъ не хватило, а время было лѣтнее, жаркое, колодцевъ же на встрѣчу не попадалось. Истомились странники и затосковали, стали конца себѣ ожидать. Вдругъ увидали они: блеститъ на равнинѣ озеро. Всѣ къ нему кипнули, но вода въ озерѣ была соленая и нельзя было ее пить. Больше прежняго приуныли странники; разбредлись по степи воды искать.

Кирилль съ Меѳодіемъ одни остались на берегу; Кирилль такъ ослабъ, что не могъ встать съ мѣста. И сказалъ онъ Меѳодію: «Братъ, зачерпни мнѣ воды;

когда Евреи шли съ Моисеемъ по песчаной степи, да
нихъ по Божьему велѣнію горькая вода становилась
сладкой; я вѣрую, что и намъ Богъ поможетъ. Мееодій
зачерпнулъ и подалъ брату, и когда Кириллъ началъ
пить, то вся вода въ озерѣ вдругъ стала хороша.
Стали святые братья всю толпу собирать, и всѣ пили
воду и славили Бога, что помиловалъ ихъ отъ напрас-
ной смерти. И пошли дальше.

Когда пришли Кириллъ и Мееодій въ Царьградъ,
тамъ ихъ хотѣли сдѣлать епископами; они же по свя-
ренію отреклись отъ этой чести. Тогда Мееодій былъ
поставленъ во игумена большаго и славнаго Полихро-
ніева монастыря, а Кириллъ остался жить въ Царь-
градѣ при церкви Св. Апостоловъ.

Послѣ Славянъ приходили на Дунай съ востока
опять новые люди, по имени Болгаре. Пришли они ор-
дою, разорили городовъ нѣсколько и остались жить на
Дунаѣ, стали брать дань съ семи славянскихъ во-
стей.

Былъ у Болгаръ свой князь, и обычаи свои были
особенные, говорили они также по своему. Такъ
жили: то воевали съ Греками и другими народами; то
мирились.

Земля, гдѣ они размѣстились, стала называться Бол-
гаріей. На этой землѣ было больше Славянъ, чѣмъ
Болгаръ; Болгаре были всѣ войны, только одно ремесло
знали—хорошо ковали оружіе. А Славяне были ко
всякому дѣлу способны: у Грековъ научились хитрости
и сами были умнѣе, чѣмъ Болгаре. Многимъ разнымъ
мастерствамъ навькли Болгаре отъ Славянъ; и такъ
какъ часто съ ними водились, то и рѣчь славянскую
стали понимать; и что дальше, то больше дружили со
Славянами. Подъ конецъ уже стали языкъ свой болгар-
скій забывать и дѣтямъ имена давали славянскія.

Болгаре были сплошь невѣрные: они съ первой

родины своей принесли съ собою идоловъ; еще и огню поклонялись Болгаре и звѣрямъ разнымъ приносили жертвы, даже нечистымъ псамъ.

По многихъ лѣтахъ довелось владѣть Болгаріей такому князю, что любилъ воевать и на войнѣ всегда побѣждалъ. Имя этому князю было Крумъ.

Онъ позвалъ изъ-за Дуная Обровъ, собралъ подвластныхъ себѣ Славянъ и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ болгарскимъ своимъ войскомъ повелъ на Царьградъ. Сколько ни сражались Греки противъ Крума, не одолѣли его ни разу. Онъ бралъ ихъ крѣпкіе города и уводилъ въ неволю несчетныя толпы людей, все больше Славянъ; а изъ нихъ уже многіе были христіанской вѣры.

Послѣ смерти Крума вся удача Болгаръ кончилась: стали Греки ихъ побѣждать.

Была большая рать, и попалась Грекамъ въ плѣнъ маленькая болгарская княжна, князя Крума внучка. Греческій царь взялъ ее въ Царьградъ, приказалъ окрестить и воспитывать по-христіански.

А и въ Болгарію уже стало проникать христіанскаго Бога почитаніе. Плѣнники, что были туда отведены при Крумѣ, на чужбинѣ, въ тяжкой работѣ, не забывали Христа, молились Ему: и все равно какъ свѣча отъ свѣчи зажигается, такъ отъ этихъ людей научились Болгаре правой вѣрѣ. Довѣдался про то болгарскій князь и повелѣлъ христіанъ всѣхъ избивать. Страшное началось гоненіе.

Царь греческій услышалъ и пожалѣлъ своихъ подданныхъ: послалъ денегъ Болгарамъ, чтобъ они возвратили плѣнныхъ. И множество народу переправилось на другой берегъ Дуная, опять въ землю греческую. Вернулся вмѣстѣ съ другими одинъ юноша—славянинъ: звали его Василиемъ, а прозванье ему было Македонянинъ, потому что онъ былъ изъ македонской земли родомъ. Долгое время спустя его принялъ къ себѣ на службу царь Михаилъ. И былъ Василій у него пер-

вынъ бояриномъ, а когда Михаилъ умеръ, то Василъ сталъ царемъ.

Однакоже не всѣхъ сразу отпустили Болгаре. Были пленены греческій монахъ, Θεодоръ Кюфаръ. Родиня этого инока славилась благочестиемъ и княжескою ученостью. Всѣ объ немъ тамъ сожалѣли, но не судило еще Богъ ему вернуться.

Вскорѣ началъ княжить надъ Болгарами Кривичъ Борисъ. Онъ тоже любилъ войну, желалъ, чтобъ его царство было сильно и грозно сосѣдямъ. А въ мирное время онъ заботился о народѣ: справедливымъ былъ князь.

Задумалъ Борисъ на Грековъ идти; въ ту пору греческимъ царствомъ управляла благочестивая царица Θεодора, мать царя Михаила. Она послала сказать болгарскому князю: «Не велика честь воевать съ женщиной; если ты меня и побѣдишь, то не будетъ тебѣ славы, а мнѣ стыда». И пропала у Бориса охота опуститься на царицу: заключилъ онъ съ нею миръ.

Тогда царица снова послала къ Борису просить его, чтобъ онъ отпустилъ ей Θεодора Кюфару, и дабы за него какой хочеть выкупъ. Говорили, будто въ сибѣ бывали нѣсколько разъ видѣнія, чтобъ она монаха розыскала и освободила. Между тѣмъ Θεодоръ жилъ у князя болгарскаго въ его дворцѣ. Князь уважалъ его за мудрость и допускалъ къ своей бесѣдѣ. И отъ этихъ бесѣдъ сдѣлалась перемѣна съ Борисомъ.

Прежде онъ только то и зналъ о христіанской вѣрѣ, что говорили объ ней язычники; когда же Θεодоръ ему рассказалъ по истинѣ, что есть Христово учение, смягчилось сердце князя болгарскаго, укротился его нравъ, сталъ онъ по часту призывать къ себѣ Θεодора и по долгу его слушалъ. И когда царица за Θεодоромъ прислала, то Борису жаль было съ нимъ расстаться. Отписалъ Борисъ въ Царьградъ: «Я вѣрую, что Θεодора не отдамъ ни за какую цѣну, а если вы хотите, то возвратите мнѣ вмѣсто него мою сестру, что»

живеть у васъ. Царица такъ и сдѣлала: съ богатымъ поѣздомъ отправила княжну болгарскую къ Борису; и онъ одинаково исполнилъ свое обѣщаніе, далъ волю Теодору.

Пріѣхала княжна болгарская на родину; братъ встрѣтилъ ее ласково, всѣмъ приказалъ ее почитать, и самъ для нея старался, чтобъ ей было хорошо; только она все скучала. Прожила она въ Царьградѣ тридцать восемь лѣтъ: благочестивая царица Теодора ее при себѣ держала какъ родную; и навывкла княжна болгарская христіанскому благочестію; грамоту греческую тоже знала, книги читала; тихая была, кроткая, точно монахиня. И вдругъ попала въ такую дикую сторону: церквей нѣтъ, службы Божіей слышать не приходится, и Таинъ Святыхъ причаститься нельзя; вездѣ въ городѣ разставлены идолы, объ истинномъ Богѣ и поговорить не съ кѣмъ; кто вѣруеть, скрывается отъ всѣхъ, не то невѣрныя узнаютъ и убьютъ. Хуже всего было то для княжны, что братъ ея, князь Борисъ, также былъ невѣрный. Хотя она и видѣла, что онъ живеть по правдѣ и къ народу милостивъ, а все ей думалось, что не спасется онъ, потому что некрещенный. Стала она одинокая молить Бога, чтобъ ниспослалъ Онъ просвѣтленіе въ разумъ князю и всѣмъ людямъ болгарскимъ. Часто Борисъ, когда приходилъ къ сестрѣ, заставлялъ ее на молитвѣ, и тогда она ему начинала говорить о томъ же, о чейъ ему прежде толковалъ инокъ Теодоръ, о христіанскомъ Богѣ — Спасителѣ.

Правились князю эти рѣчи, видѣлъ онъ своей сестры смиреніе и кротость и думалъ иногда: «хорошъ обычай христіанскій». Разъ промолвила княжна: «Пора тебѣ, братъ, окреститься и народъ привести ко Христу». Князь на нее за это прогнѣвался, — говорить ей: «Я не оставлю вѣры отеческой; мы съ этою вѣрою завоевали себѣ здѣшнюю землю и сдѣлались сильны; если мы измѣнимъ нашимъ богамъ, то и они отъ насъ отступятъ, и мы потеряемъ всю нашу силу». Княжна ничего не сказала больше.

Мало времени скороталось, и дошла къ Борису вѣсть, что иноземный князь идетъ на него войною. Не успѣвъ Борисъ войска собрать, какъ уже враги напали: горы и села пожгли, сады порубили, хлѣбъ на корню протоптали конями. Насталъ голодъ въ землѣ болгарской и отъ голоду пошелъ моръ на людей. Столько умирали народу, что Болгаре думали—всѣмъ придется погибнуть и страхъ былъ на всѣхъ. Кланялись Болгаре своимъ идоламъ, жертву за жертвой приносили, а моръ не прекращался.

И снова сказала Борису сестра: «Гдѣ же ваши боги? это нашъ христіанскій Богъ посылаетъ тебѣ знаменіе; неужели ты еще не вѣруешь?». И не разгнѣвался за эти слова князь, но раздумалъ самъ съ собою: «не лучше ли быть и правду сестра говорить?».

Когда же наступило время ему идти съ народомъ на идольское сборище, то стало у него на сердцѣ тяжело, какъ будто онъ чего нибудь стыдился. И не могъ онъ какъ прежде молиться иступанамъ, не вѣрилъ въ нихъ больше. А передаться христіанскому Богу не думавало у князя смѣлости. И оставался онъ при сомнѣніи, какъ странникъ между двухъ дорогъ, и сокрушался о томъ, что будетъ съ нимъ и съ его государствомъ. Скоро послѣ того греческій царь Михаилъ отправилъ нѣсколько полковъ воевать болгарскую землю. Князь болгарскій не вышелъ съ войскомъ на встрѣчу, а послалъ сказать царю, что не будетъ съ христіанскимъ народомъ сражаться, потому что самъ сталъ вѣровать во Христа и желаетъ принять крещеніе. Тогда изъ Царьграда пріѣхалъ епископъ со священниками; они окрестили князя и всю его семью, а послѣ еще многихъ Болгаръ и Славянъ. Царь греческій былъ у Бориса крестнымъ отцемъ. Оттого Борису дали имя Михаилъ.

Славяне моравскіе и Чехи платили дань Обрамъ. Обры ихъ притѣсняли; сами Обры ничего не работали, все брали у Славянъ, иногда и послѣднее отнимали, да

еще позоръ Славянамъ творили, женщинъ славянскихъ въ телѣги запрягали вмѣсто лошадей. Все такъ было, пока не явился къ этимъ Славянамъ человекъ по имени Сѣмо: онъ раньше былъ княземъ у другихъ Славянъ, Нѣмцы отняли у него княжество, и онъ пріѣхалъ въ Чехію. Сперва Сѣмо назвался купцомъ, набралъ разнаго товара и сталъ ѣздить по селеніямъ, вездѣ разговаривалъ съ народомъ: «Довольно Славяне мучились, пора отдохнуть, пожить на волѣ; мы оттого терпимъ, что всѣ другъ отъ друга врозь тянемъ, а если соединимся, то никакой врагъ противъ насъ не устоитъ». И когда увидѣлъ Сѣмо, что къ нему люди попривыкли, то сказалъ, кто онъ есть, и тогда Мораване и Чехи выбрали его себѣ въ князя. Онъ повелъ ихъ на Обровъ и побѣдилъ Обровъ: загналъ всѣхъ въ Паннонію, а Моравія и Чехія освободились.

Прошелъ объ этомъ слухъ, и другія нѣкоторыя славянскія колѣна тоже подчинились Сѣмо. Разрослась широко его держава.

Кругомъ Славянъ жили Нѣмцы: они испугались, что Славяне становятся крѣпки. Король нѣмецкій всѣхъ своихъ подданныхъ поголовно, старыхъ и молодыхъ, призвалъ къ оружію; собралъ три войска, и вошли эти войска съ трехъ сторонъ въ славянскую землю. Сѣмо ихъ всѣхъ разгромилъ; мало Нѣмцевъ вернулось къ своимъ семьямъ. Послѣ того Сѣмо княжилъ тридцать пять лѣтъ. Все время, что онъ жилъ, Нѣмцы не могли покорить Славянъ. Умеръ Сѣмо и державу его раздѣлили сыновьямъ: у нихъ пошли раздоры, завелась въ государствѣ безурядица. Нѣмцы этой поры не пропустили, стали нападать на славянское племя. Большія были войны. Сосѣднія Нѣмцамъ окраины земли славянской обезлюдѣли совсѣмъ. Встрѣчались тамъ разрушенныя строенія, обломки всюду какіе-то, а народу ни кого не было. Звѣри дикіе бродили стадами, и страшно было ѣздить по дорогамъ. Кончилось тѣмъ, что Нѣмцы одолѣли Славянъ, заставили ихъ приносить подать въ ближній нѣмецкій городъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Сѧмо сокрушилъ силу Обровъ они уже не поправились, но иногда выходили изъ Панноніи и дѣлали набѣги на нѣмецкую землю. Однажды императоръ германскій, Карлъ Великій, противъ нихъ собрался, и тогда насталь Обрамъ конецъ. Перебили ихъ Нѣмцы, а Паннонію такъ разорили, что нельзя было опознать мѣста, гдѣ стоялъ главный городъ Обровъ дворецъ ихъ князя. Все, что было въ Панноніи дѣлали Нѣмцы вывезли съ собой и покинули землю пустую. Тамъ не стали приходить Славяне изъ моравіи, и снова сдѣлалось въ Панноніи людно: завидѣлись деревни, и веселѣли мѣста.

Тогда Нѣмцы стали говорить: «Эта земля наша, и ее оружіемъ добыли; пусть не забываютъ Славяне, что на чужой землѣ живутъ». Принялись Нѣмцы строить города въ Панноніи и монастыри съ высокими каменными оградами; въ городахъ ставили войско. На каждый монастырь императоръ германскій отдѣлилъ довольно земли, остальную землю раздарилъ своимъ нѣмецкимъ князьямъ: на все это прислалъ грамоты, а по грамотѣ вышло, что Славяне паннонскіе вмѣстѣ съ землею были отданы во владѣніе князей и монастырей; должны были по-неволѣ работать и платить оброкъ.

Надъ Нѣмцами былъ церковнымъ владыкой римскій папа. Отъ него у нихъ были священники: сначала изъ Рима пріѣзжали; послѣ папа далъ Нѣмцамъ епископовъ, и они посвящали священниковъ изъ Нѣмцевъ. Но и эти священники читали Слово Божіе и служили обѣдню по латыни, это значить по римски. Такъ уже изстари было положено во всей области римскаго папскаго рiарха.

Когда Нѣмцы покорили себѣ Славянъ моравскихъ и паннонскихъ Славянъ сдѣлали своими рабами; они начали съ тѣхъ и съ другихъ, кромѣ подати, брать еще на церковь.

На Моравѣ прежде были проповѣдники изъ Царьграда и съ запада и крестили, но мало считалось хри-

стіанъ. Все равно, какъ утренняя заря на небѣ тонкою полосою начинается, — едва засвѣтилась христіанская вѣра въ задунайскихъ сторонахъ. И вдругъ сразу пріѣхали нѣмецкіе священники, стали всѣхъ подрядъ крестить и переписывать по приходамъ, чтобъ деньги собирать. Молились Богу эти священники по латыни, а съ народомъ говорили по нѣмецки: и никому не удавалось отъ нихъ чего нибудь взять въ толкъ. Были ихъ рѣчи, какъ вѣтра гуль или воды плесканье, только шумъ напрасный. Не знали нѣе Славяне во что ихъ крестятъ, многихъ крестили насильно: и было это крещеніе не спасеніе людямъ, а поруганіе имени Христова. Спорили другъ съ другомъ изъ за приходоу нѣмецкіе священники, всякій себѣ хотѣлъ больше народу оттягать.

Въ Моравіи оставались свои князья. Они между собою не ладили, непрестанно разбирали ссоры у нѣмецкаго короля и тѣмъ еще больше власти его поддавались. Былъ одинъ князь Мойміръ. Онъ любилъ свой народъ и все славянство. Горько ему было видѣть, какъ Нѣмцы всею возвышаются, а Славяне сами себя губятъ. Бороться же съ Нѣмцами одинъ онъ не могъ, а другіе не хотѣли. Но Мойміръ былъ мудрый: онъ началъ моравскую землю собирать, мелкихъ князей удѣлы прилагать къ своей землѣ; тѣхъ князей, что не хотѣли предъ нимъ склониться, онъ сгонялъ долой съ княженій. Народъ всегда стоялъ за Мойміра: знали его, что онъ князь хорошій, добра ищетъ для родины. Нѣмцамъ показывалъ Мойміръ, будто крѣпко съ ними дружить: приналь крещеніе по ихъ латинскому обряду, все для того, чтобъ они его землю оставляли въ покоѣ, чтобъ ему не разораться до времени.

Близко Моймірова удѣла было другое, тоже большое, княжество Нитранское. Такъ его называли потому, что въ немъ былъ главный городъ Нитра. Въ Нитрѣ княжилъ Прибина. Мойміръ и его прогналъ. Прибина ушелъ къ Нѣмцамъ и жилъ у нихъ нѣсколько лѣтъ. Нѣмецкій король его полюбилъ и послалъ намѣстникомъ

въ Паннонію управлять тамъ Славянами. Прибина послѣ этого угождалъ Нѣмцамъ, и они вѣрили ему, думая, что онъ вѣкъ имъ не измѣнитъ; подарили ему Паннонію. Сталъ надъ паннонскими Славянами свой князь, и облегчилось ихъ житье. Было въ Панноніи озеро большое широкое какъ болото, и называлось оно Блатенское озеро: на немъ Прибина поставилъ себѣ городъ, и далъ ему названіе Блатно.

Замѣтили Нѣмцы, какъ растеть княжество Мойміра, и догадались, что онъ хотя съ ними не воюеть, а первый имъ врагъ. Окружили они его столицу Велградъ, и отобрали престолъ у князя Мойміра: сдѣлали княземъ другаго, по имени Ростислава. А Ростиславъ былъ такъ же, какъ Мойміръ, преданъ родной землѣ. Когда онъ принялъ княжество, то увидѣлъ, что Мойміръ накопилъ много силы и казны, что скоро можно будетъ потягаться съ сосѣдями. Но первые годы Ростиславъ Нѣмцамъ не противился: каждое лѣто отправлялъ имъ посольство съ дарами. Между тѣмъ готовилъ свою землю къ защитѣ отъ непріятелей: выстроилъ городъ Дивинъ, всѣмъ на удивленье, крѣпкій и прекрасный, и еще другіе города. И когда укрѣпился Ростиславъ, то объявилъ Нѣмцамъ войну: король Нѣмецкій привелъ войско въ Моравію, но не смогъ взять ни одного города и повернулъ назадъ со стыдомъ; Ростиславъ за нимъ погнался и почти всѣхъ воиновъ его истребилъ. Преславился князь Моравскій далеко по разнымъ землямъ. Нѣмцы начали его бояться; а для Славянъ онъ былъ, что родной отецъ, надежда и оборона.

Задумывалъ Ростиславъ большой походъ противъ нѣмецкаго короля; только все смущался князь, что и въ у его народа пастырей добрыхъ, что Нѣмцы—враги дѣють Славянамъ Святыя Тайинства. Самъ Ростиславъ уже крестился и былъ прилеженъ къ вѣрѣ. Размышлялъ онъ: «Пока у насъ такъ дѣло идетъ, не будетъ ни вѣры истинной, ни свободы настоящей; надо, чтобъ священники были свои, если же не свои, то не изъ вражьей

земли. Сталъ Ростиславъ съ другими славянскими князьями совѣтоваться, откуда призвать священниковъ: изъ Рима, или изъ Царьграда. И судили они: Римскій папа съ Нѣмцами близокъ; нѣмецкіе священники его же поставленія, онъ ихъ и дасть въ Моравію, а въ Царьградѣ нѣтъ пристрастія, да и Славянъ тамъ больше знаютъ, — кругомъ Царьграда есть славянскія селенія. Можетъ быть найдутся у Грековъ священники такіе, что умѣютъ говорить по славянски. И простыхъ людей моравскихъ спросилъ о томъ же князь Ростиславъ, когда сходилъ народъ на вѣче, чтобъ міромъ дѣла вершить. Всѣ одно говорили: нѣтъ намъ блага отъ Нѣмцевъ и отъ ихъ друзей. Послалъ Ростиславъ въ Царьградъ.

Пришли послы моравскіе къ царю греческому, принесли поклонъ отъ своего князя и сказали: Народъ нашъ отъ язычества отрекся, держитъ вѣру христіанскую, да только нѣтъ у насъ учителя такого, чтобъ намъ эту вѣру на нашемъ языкѣ разъяснилъ. Пришлите намъ наставника: отъ васъ во всѣ страны добрый законъ исходитъ.

Царь Михайлъ выслушалъ просьбу моравскаго народа. Потомъ велѣлъ позвать Кирилла философа и сталъ ему говорить: Я знаю, что отъ усердія твоего ко всѣмъ Божественнымъ дѣламъ ты сдѣлался нынѣ слабъ и боленъ, а все же придется тебѣ пойти въ Моравію, потому что этого дѣла никто кромѣ тебя не можетъ хорошо исполнить. Ты и брата своего Меѳодія возьми съ собой: онъ тебѣ поможетъ. Вы оба изъ Солуня, а солуняне всѣ чисто говорятъ по славянски. Кириллъ отвѣтилъ царю: Хотя и боленъ, съ радостью иду; вы только скажите мнѣ напередъ, есть ли у моравскихъ людей своя грамота, чтобъ я могъ имъ книги написать. Царь на это сказалъ: Я спрашивалъ, говорятъ, что нѣтъ у Славянъ своихъ буквъ.

Кириллъ тогда промолвилъ: Какъ же быть? учить безъ буквъ все равно что на водѣ писать, все и прой-

деть, какъ вода, не утвердится въ людяхъ учение; еще и поймутъ люди не такъ, и никому не будетъ похвалы; а мнѣ худая слава будетъ, и еретикомъ назовутъ меня.

Царь подумалъ и сказалъ снова: «Если ты захочешь и попросишь у Бога, то Богъ тебѣ откроетъ славянскую грамоту. Велика милость Божія надъ тобой!» Вышелъ философъ изъ царскаго дворца невеселый, не могъ у себя въ умѣ прибрать, гдѣ взять буквы для Славянской Грамоты. Ему припала къ сердцу и забота, и страхъ, и него нашель великій. Пошелъ Кириллъ и разсказалъ обо всемъ брату своему Меѳодію и ученикамъ своимъ, самымъ близкимъ. Всѣ они вмѣстѣ стали молиться, просить у Бога помощи въ важномъ дѣлѣ. После Кириллъ началъ поститься: постился сорокъ дней. Когда миновалъ срокъ поста, то надумались Кириллъ и Меѳодій 38 славянскихъ буквъ: встали ясно у него передъ глазами, словно кто ихъ ему показалъ. Какъ написать славянскую Грамоту этими буквами, а то же пришло ему въ разумъ. И вся забота покинула Кирилла. Хорошо стало, какъ будто свѣтъ у него въ сердцѣ зажегъ, и все въ глазахъ кругомъ осіяло. Сотворилъ философъ еще разъ долгую молитву и съелъ переводить Евангеліе съ греческаго языка на славянской; съ одного разу перевелъ первую главу отъ Іоанна: *Въ началѣ Слово.* Это Евангеліе читаютъ у насъ на обѣднѣ въ первый день Пасхи.

И понесъ Кириллъ рукописаніе свое къ царю и патриарху: всѣ похвалили новую грамоту. Патриархъ благословилъ Кирилла работать дальше. Меѳодій тоже понималъ славянскую грамоту и пособлялъ брату. И скоро были готовы—переписаны по славянски Евангеліе, Апостолъ, и Псалтирь, также церковныя службы, пообъявляемыя съ часами, служба утренняя, и вечерняя; и всѣ требованія.

Тогда Царь собралъ въ путь Кирилла и Меѳодія и учениковъ ихъ: Далъ имъ разной церковной утвари, одежды и денегъ на первое время. Еще даль имъ не

сти къ Ростиславу дары и письмо, а въ письмѣ напи-
салъ: и знаменіе съ собою въ конскѣхъ возахъ
Богъ нашъ христіанскій сотворилъ у насъ въ Царь-
градѣ чудо, явилъ буквы въ вашъ языкъ. Пока вы жи-
ли во идолопоклонствѣ, у васъ не было своей грамоты,
но едва лишь вы увѣровали, Богъ причитаеъ васъ къ
великимъ народамъ, даетъ вамъ разумніе книжное.
Примите отъ насъ то, что дороже золота и цвѣтныхъ
камней, книги новыя вашей грамоты. Съ ними я вамъ шлю
въ наставники мудреца, того самаго, кому открылись
буквы. Соблюдай, князь Ростиславъ, истинную вѣру въ
иѣстахъ тебѣ подвластныхъ, и наградишь тебя Богъ въ
Своемъ небесномъ царствѣ, а на землѣ будетъ имени
твоему до вѣку слава, какъ идетъ слава царю Констан-
тину, что устроилъ вѣру въ римскомъ государствѣ.

Когда Кириллъ и Меѳодій пришли въ Моравію, Ро-
стиславъ имъ очень былъ радъ, началъ строить церкви.
Черезъ годъ уже была кончена первая церковь въ го-
родѣ Оломуцѣ, потомъ еще нѣсколько церквей появилось
въ Моравіи. Кириллъ освящалъ эти церкви и служилъ
въ нихъ по славянски.

Когда пошли слухи по землѣ моравской, что въ но-
выхъ церквахъ читаютъ Евангеліе и молитвы такъ, что
все понять можно, то Мораване бросили латинскія цер-
кви: латинскихъ священниковъ не стали въ дома пу-
скаать и сборъ церковный перестали имъ платить. Всѣ
начали ходить къ Кириллу: всегда полна была народу
та церковь, гдѣ онъ служилъ.

Начали Кириллъ и Меѳодій набирать себѣ учениковъ
изъ Мораванъ, толковали имъ по книгамъ Священное
Писаніе и показывали церковную службу, ячтобъ могли
эти ученики послѣ быть священниками. Князья и бояре
моравскіе съ радостью отдавали своихъ сыновей въ эту
науку. Малыхъ дѣтей тоже брали Кириллъ и Меѳодій,
учили ихъ новой славянской грамотѣ.

Еще ходили Кирилль и Меѳодій по городамъ и деревнямъ, вездѣ носили съ собою Евангеліе и читали народу и наставляли всѣхъ, какъ слѣдуетъ жить и въ вѣровать. Послѣ нихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они учены доставлены были каменные кресты; до сихъ поръ кресты можно видѣть; покривились они и обвѣтривались, а всё стоятъ. Въ одной деревнѣ подлѣ дороги былъ большой камень: пришли Кирилль съ Меѳодіемъ въ деревню; собралась толпа народу; святые братья встали на камень и оттуда сверху стали читать Слово Божіе. Когда они сошли опять на землю, то остались на камнѣ слѣды ногъ ихъ ясно отпечатаны, все равно какъ бы мягкомъ пескѣ. Славяне моравскіе долго берегли этотъ камень, хранили его въ древней церкви подъ алтаремъ. Говорятъ, еще недавно этотъ камень видѣли, а теперь его нѣтъ и никто не знаетъ, куда онъ пропалъ.

Много трудовъ приняли святые братья въ Моравіи потому что прежде люди моравскіе Бога не знали, жили худо, а латинскіе священники ихъ ничему не учили, только деньги получали: кто больше дастъ, отпустили тому всякій грѣхъ латинскіе священники. Вънѣшныя они отъ живыхъ женъ; и если кто богатый убьетъ человека, они тоже за это не полагали кары, говорили только: «пусть, кто убилъ, три мѣсяца ѣсть и пить изъ деревянной чашки, къ стеклянной посудѣ не прикасаться и будетъ отъ грѣха чистъ». А Кирилль и Меѳодій ничего такого не допускали: гдѣ видѣли грѣхъ, тотчасъ принимались его исправлять. Уговорами пространными притчами и чтеніями изъ книгъ, словами Самаго Христа наказывали они людямъ, чтобъ оставили грѣшить. И народъ слушалъ святыхъ и дѣлалъ, какъ они говорили, потому что сами Кирилль и Меѳодій жили праведно: для всѣхъ старались, а денегъ ни съ кого не брали, думали только о Божіемъ дѣлѣ, себя самихъ вовсе не жалѣли, и давали себѣ отдыху, ни покою. Заходили Кирилль съ Меѳодіемъ въ такія глухія мѣста, гдѣ никакихъ священниковъ никогда не было.

Тамъ люди даже не слышали о христіанской вѣрѣ, идо-
ламъ еще молились. Кириллъ и Меѳодій гѣхъ идоловъ
сокрушали, царство истиннаго Бога возвѣщали, читали
Евангеліе; и такъ какъ оно было по славянски, то всѣ
его понимали, и вѣровали, и крестились.

Пошла въ Моравіи хорошая жизнь. Радовался Богъ
— глядѣлъ съ небесъ на эту землю. А діаволъ мучился
злобою, что люди спасаются. Была ему скорбь— Кирилла
и Меѳодія святость безпорочная; люте геенскаго огня
жгла его ненависть къ нимъ. И началъ онъ домогаться
угодниковъ Божіихъ погубить и книги славянскія истре-
бить, чтобъ не осталось въ народѣ Кирилла и Меѳодія
памяти и чтобъ заглохло все ихъ ученіе. Все равно
какъ рыбакъ по водѣ распускаетъ сѣти, пустилъ врагъ
свою прелесть по моравскому государству: разжегъ за-
висть въ сердцахъ у нѣмецкихъ священниковъ, мысли
имъ досадою, какъ ядомъ змѣинымъ, отравилъ. И начали
они какъ змѣи шипѣть, другъ съ другомъ сговариваться,
какое бы имъ зло учинить Кириллу и Меѳодію, чтобъ
ихъ изъ Моравіи избыть и опять все сдѣлать по ста-
рому.

Стали нѣмецкіе священники святымъ братьямъ тво-
рить обиды и притѣсненія: запрещали Кириллу служить
по славянски. Молиться нужно или поримски, или по
гречески, не то по еврейски, потому что когда Христосъ
былъ распятъ на крестѣ, то у него надъ головою Пи-
латъ велѣлъ повѣсить доску съ надписью на трехъ язы-
кахъ, на еврейскомъ, на греческомъ и на латинскомъ; и
этимъ, значить, Пилатъ показалъ и утвердилъ навсегда,
какіе народы любезнѣе всѣхъ Богу. Такъ нѣмецкіе
священники толковали, а Кириллъ имъ по книгамъ выво-
дилъ, что всѣ народы и всѣ языки имѣютъ къ Богу до-
ступъ въ молитвѣ. И много было у Кирилла по этой
причинѣ споровъ.

Стали еще нѣмецкіе священники писать римскому
папѣ жалобы, что пришли къ намъ изъ Царьграда ка-
кіе то проповѣдники, обѣдни служатъ въ нашихъ при-

ходахъ и церкви святать—насъ не спрашиваютъ, а народъ противъ насъ настраиваютъ. Прежде мы моравскихъ держали въ страхѣ и отъ нихъ имѣли ходъ и честь, а нынѣ тѣ моравскіе люди знаютъ насъ хотять: встрѣчается славянинъ съ кѣмъ нибудь изъ насъ и не кланяется—мимо идетъ. Всеи власти мы лишили и денегъ у насъ нѣтъ».

Дошли къ папѣ Николаю челобитья и вѣдѣнія священниковъ на Кирилла и Меодія, дошла къ нему и молва о святости ихъ. И не зналъ папа римскій, думать о греческихъ проповѣдникахъ: захотѣлъ онъ увидѣть и вызвалъ ихъ къ себѣ изъ Моравіи.

Кириллъ и Меодій взяли книги славянскія, мощи святаго Климента, учениковъ пѣсколькихъ, пошли.

Была имъ по дорогѣ Паннонія: въ ней княземъ былъ Коцель, сынъ Прибины. Онъ ихъ позвалъ къ себѣ въ Блатно, и они тамъ у него долго прогостили, окрестили многихъ. Со всей Панноніи сходилъ народъ слушать святыхъ братьевъ. И ученики новыя вокругъ нихъ брались: пятьдесятъ Славянъ паннонскихъ научили грамотѣ и церковной службѣ Кириллъ и Меодій, поехали въ Блатиѣ. При прощаніи Коцель ихъ награждалъ дарами, но они не приняли даровъ и такъ же, какъ въ козарской землѣ, просили князя освободить невольниковъ, что на войнѣ были взяты и что отъ бѣдности попали въ кабалу. И по тому святыхъ угодинокъ, прошенію отпустилъ Коцель на волю девятьсотъ рабовъ.

За Панноніей Кириллъ и Меодій миновали береговья славянскія земли: Хорватскую землю, и Далматію и землю Сербовъ приморскихъ; вездѣ учили и крестили народъ.

Пришли въ городъ Венецію. Тамъ, какъ на соколы вороны, напали на Кирилла латинскіе священники, стали его обвинять неправильно и грамоту славянскую стали хулить. Говорили они: «Что ты обѣдию служишь не какъ»

всѣ, а по новому, какъ простые люди говорятъ? развѣ не знаешь ты, что славить Бога можно лишь на трехъ языкахъ: на еврейскомъ, на греческомъ и на латинскомъ? И откуда ты взялъ свои буквы: про нихъ ни у апостоловъ, ни у святыхъ отцевъ не сказано? Кирилль отвѣчалъ: Солнце надъ всѣми свѣтитъ, и дождь всюду идетъ, и вся тварь дышетъ одинаковымъ воздухомъ. Такъ и Слово Божіе, сказалъ: для всѣхъ оно дано, и всѣмъ должно быть открыто. Вы говорите, будто есть три языка для церковной службы; а мы знаемъ, что многіе народы, сирскій народъ, и армянскій, и египетскій, и другіе разные служатъ Богу каждый на своемъ языкѣ. Никто этихъ народовъ за это только еретиками не считаетъ, ни великіе у нихъ намъ извѣстны подвижники, святые передъ Богомъ. А про буквы я скажу вамъ: ни ихъ Богъ явилъ. Развѣ Богъ не воленъ въ своихъ дѣлахъ? вы Богу грубите вашею молвю, что не всякому языку свои буквы. Если, по вашему, Богъ не можетъ каждому народу даровать отдѣльную грамоту, значить, Богъ не все можетъ, не надъ всѣмъ властенъ; а не хочеть если, то Богъ у насъ несправедливый, не всѣхъ равно любитъ. И какъ же это у трехъ языковъ будутъ книги, а прочіе всѣ люди на землѣ останутся въ незнаніи и въ неученіи, словно въ ночи темной: будутъ, какъ убогіе, слѣпые или глухіе, и пойдутъ, все равно что отъ стола чужаго питаться, у иноземцевъ мудрости искать.

Впрочемъ чтобы не думали вы, что слова мои отъ меня самого и поэтому версь, то вотъ вамъ книги. Давидъ поеть въ Псалмахъ: *Хвалите Господа вси ѡбыци, похвалите его вси людие* (Псаломъ 116, 1). Христосъ говорить въ Евангеліи: *Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѡ. гл. 28, 19). И еще сказано, это уже объ васъ: *Горе вамъ книжницы и фарисее лицемери, яко затворяете царствіе небесное предъ чловѣки: вы бо не входите, ни входящихъ оставяете внити* (Мѡ. гл. 23, 13).

Такъ же не осилили Кирилла въ спорѣ латинскіи священники; онъ же ихъ пристыдилъ. Изъ Венеціи Кирилль и Меѳодій двинулись въ Римъ, а въ то время умеръ папа Николай и вмѣсто него былъ въ папы выбранъ Адріанъ II-й.

Услыхалъ новый папа, что Кирилль и Меѳодій идутъ близко и мощи Климента святаго несутъ; и вышелъ на встрѣчу Адріанъ со всѣмъ клиромъ и со всѣмъ народомъ. У всѣхъ въ рукахъ были зажженные свѣчи; священники пѣли молитвы.

Адріанъ благословилъ Кирилла и Меѳодія и принялъ отъ нихъ въ даръ Климентовы мощи; тутъ же отъ этихъ мощей начались чудеса. Одинъ былъ въ Римѣ разслабленный съ дѣтства: онъ прикоснулся къ мощамъ и выздоровѣлъ. Книги славянскія тоже принялъ папа Адріанъ, отнесъ ихъ въ церковь Пресвятой Богородицы и самъ святилъ ихъ. На завтра перенесъ Адріанъ книги въ самую большую римскую церковь, въ соборъ святаго Петра, сложилъ ихъ тамъ на престолѣ и приказалъ Кириллу отслужить по нимъ славянскую литургію. Затѣмъ опять въ другой церкви служилъ Кирилль каждый день гдѣ нибудь въ Римѣ шла обѣдня по славянски.

Но и въ Римѣ нѣкоторые не почитали славянскую службу, толковали, что лишь на трехъ языкахъ молитва угодна Богу. Тѣхъ папа Адріанъ проклиналъ, называлъ трязычниками, пилатниками, потому что ихъ ученіе было не отъ Христа, а отъ невѣрнаго Пилата. И посвятилъ папа Меѳодія во священники.

Два епископа римскихъ обидѣли Кирилла: подняли голосъ противъ его книгъ. Папа пригрозилъ этимъ епископамъ своимъ проклятьемъ; тогда они принесли повинную. Адріанъ ихъ простилъ и велѣлъ имъ посвящать учениковъ Кирилла и Меѳодія, трехъ во священники, а двухъ во діаконы.

Римскіе люди толпами окружали Кирилла, спрашивали у него про все прежнее, что съ нимъ бывало.

какъ онъ училъ народъ въ Моравіи и въ другихъ мѣстахъ: какъ мощи святаго Климента изъ моря доставалъ. Иные по два, по три раза приходили къ философу: не могли вдосталь наслушаться его рѣчей. Навѣдался одинъ жидовинъ разумный и книжный: сначала онъ гордо заспорилъ, что нѣтъ Христа. Но какъ сталъ говорить Кириллъ, какъ раскрылъ свою мудрость; то смирился этотъ жидовинъ и обратился въ христіанскую вѣру. И радость была о томъ Кириллу.

Кириллъ все прежде былъ хворый: въ Моравіи ходилъ черезъ силу, въ Римѣ совсѣмъ разболѣлся. И послалъ ему Богъ откровеніе, что смерть его настаетъ. Тогда Кириллъ облекся въ свою самую хорошую, праздничную одежду и сказалъ: «теперь я ни царю, ни кому на землѣ не слуга, одному Богу». На другой день Кириллъ постригся въ монашество. При постриженіи онъ и принялъ имя Кирилла, а прежде его имя было Константинъ; Кирилломъ же онъ потому назвался, что такъ ему Богъ велѣлъ, когда явился ему въ откровеніи. Послѣ того Кириллъ пролежалъ больной 50 дней; все молился Богу со слезами, чтобъ не оставилъ Богъ славянскія земли, не допустилъ бы стереться въ этихъ правыхъ, христіанской вѣрѣ.

И когда началъ умирать Кириллъ, то позвалъ Меѳодія и сказалъ ему: «Трудились мы съ тобою, какъ пара воловъ подъ ярмомъ, и вотъ я падаю среди поля на бороздѣ. Я знаю, братъ, что ты любишь свою тихую гору, монастырь свой; но прошу тебя, не оставляй земель славянскихъ, этимъ ты вѣрнѣе спасешь душу». Еще съ учениками простился Кириллъ: въ послѣдній разъ наставилъ ихъ о вѣрѣ, поцѣловалъ каждого изъ нихъ, благословилъ и сталъ объ нихъ обо всѣхъ молиться Богу. Потомъ затихъ. И вдругъ опять поднялъ голову и промолвилъ: *Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ въ довитѣцъ зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, но сътъ ихъ сокрушися и избави ны отъ истльнѣихъ.* Съ этимъ словомъ представился Кириллъ февраля 14-го

дня 869 года. Всей жизни Кирилла философа было
года. . . .
Пришелъ Меѳодій къ папѣ Адріану, плачетъ—го-
ритъ: «Братъ мой умреть; позволь мнѣ, отче, взять е-
го тѣло». Когда наша мать насъ отпускала, то заповѣда-
намъ: если одинъ умреть, долженъ другой везти его в
родину хоронить. Папа далъ свое согласіе и самъ
приказалъ сдѣлать для Кирилла гробъ крѣпкій, чтобъ
годился въ дорогу. Вдругъ пришли къ папѣ римскіе
епископы и сказали ему: «Мы Кириллова тѣла не о-
пустимъ. Богъ намъ этого праведника привелъ и онъ
насъ его взялъ; пусть его прахъ съ нашими угодиши-
ми почіетъ». Адріанъ отвѣтилъ на это епископамъ: «Е-
ливы такъ уважаете Кирилла, то я, ради его святости,
преступлю римскіе обычай, погребу его въ храмѣ свя-
таго Петра, гдѣ патріарховъ лишь римскихъ погребаютъ».
Когда объ этомъ рѣшеніи узналъ Меѳодій, то онъ
пришелъ на совѣтъ папы и епископовъ и сказалъ имъ:
«Въ моей слезной жалобѣ не послушали, волю родителя
скую не допустили меня исполнить». Послѣ опять сталъ
просить: «Не хороните моего брата у св. Петра, по-
роните его у св. Климента, гдѣ Климентовы мощи ле-
жатъ. Явились ему эти мощи изъ морской глубины,
въ странствіяхъ онъ съ ними не разставался, пусть
успокоится подлѣ нихъ». Въ этотъ разъ епископы Ме-
ѳодію не прекословили: погребли Кирилла въ церкви
св. Климента. Отвѣвалъ его папа римскій Адріанъ съ
всѣми священниками и черноризцами, какіе были въ
Римѣ. . . .
Латинскіе епископы хотѣли посмотрѣть Кирилла въ
гробу, какъ онъ лежитъ, но имъ гробъ не открыли,
сколько ни трудились, не могли поднять крышки; такъ
опустили въ землю. . . .
Прославилъ Богъ Кирилла: всѣ больные исцѣлялись
отъ его гроба. Другіе не могли придти въ церковь, то
поминали въ молитвѣ имя Кирилла, и это было имъ на
пользу. Римскіе люди на стѣнѣ церковной надъ гроб-

вицею Кирилла написали его дикъ, и зажгли этому об-
разу неугасимыя лампы.

Послѣ Кириллова преставленія Меѳодій еще съ пол-
года жилъ въ Римѣ.

Потомъ пришли послы отъ князя Коцела къ римско-
му папѣ просить его, чтобъ онъ отпустилъ имъ въ Пан-
нонію Меѳодія. Не вамъ однимъ, всемъ славянскимъ
землямъ я отдаю Меѳодія, сказалъ Адріанъ; и напи-
салъ князьямъ славянскимъ, Ростиславу и Коцелу,
грамоту, что благословляетъ Меѳодія, и проповѣдь его,
и книги его благословляетъ, и что всякій, кто будетъ
обижать Меѳодія и хулить его ученіе, долженъ быть
проклятъ. Съ этой грамотой приказалъ папа Меѳодію и
ученикамъ его идти къ Славянамъ. Меѳодій простился
съ братцею могилой и пошелъ прочь изъ Рима: пришелъ
прямо въ Паннонію. Коцель обрадовался, что увидѣлъ
его, но опечалился, когда узналъ, что Меѳодій пришелъ
простымъ священникомъ.

И скоро опять Коцель послалъ въ Римъ Меѳодія
съ двадцатью учениками изъ тѣхъ, что Кириллъ и Ме-
ѳодій вмѣстѣ наставляли, когда проходили черезъ Пан-
нонію въ первый разъ. Просилъ паннонскій князь па-
пярха римскаго посвятить Меѳодія въ епископскій санъ,
учениковъ же его во священники. Адріанъ побоялся не
исполнить воли Коцела, потому что въ то время Ростиславъ
моравскій побѣдилъ большое нѣмецкое войско и
Славяне повсюду взяли верхъ надъ Нѣмцами. И поста-
вилъ Адріанъ Меѳодія во епископы Моравіи и Панно-
ній, а учениковъ его, что съ нимъ вмѣстѣ пришли, сдѣ-
лалъ священниками.

Вернулся Меѳодій въ Паннонію и самъ уже началъ
посвящать учениковъ своихъ во священники и въ ді-
аконы. Во всѣхъ концахъ земли паннонской начали слы-
шать люди славянскія обѣдни; а латинскихъ священ-
никовъ такъ же, какъ прежде въ Моравіи, никто не хо-
тѣлъ; дѣлать имъ стало нечего, кормиться тоже нечѣмъ.

Епископъ нѣмецкій, что давно жилъ въ Панноніи, ездилъ у князя Прибины, — тотъ епископъ уѣхалъ съ досады въ нѣмецкую землю и сталъ тамъ худое говорить про Меѳодія и просить отъ него защиты. Другіе епископы нѣмецкіе за своего товарища очень оскорбились: рѣшили непременно повредить Меѳодію.

Едва прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ скончался Кириллъ, и опять случилось у Моравянъ большое горе. У Ростислава былъ племянникъ Святополкъ. Ростиславъ ему далъ въ удѣлъ городъ Нитру, что отнята была у Прибины. Когда Кириллъ и Меѳодій были въ Римѣ, Ростиславъ бился противъ Нѣмцевъ и Святополкъ ходилъ съ нимъ вмѣстѣ. И не только свои моравскіе Славяне и Чехи собрались вокругъ моравскихъ князей, но и дальнія славянскія колѣна, что жили у холоднаго Варяжскаго моря, также прислали въ помощь дружины. И побѣдили Славяне Нѣмцевъ, укротили ихъ такъ, что Нѣмцы сами первые запросили мира. Князь Ростиславъ съ ними помирился.

Увидѣли Нѣмцы, что сила славянская крѣпче ихъ силы и разсудили, что нужно взяться за хитрость, иначе не будетъ имъ отъ Славянъ спасенья. У нѣмецкаго короля былъ сынъ Карломанъ. Онъ былъ въ дружбѣ со Святополкомъ, и началъ Карломанъ подсылать въ Нитру къ Святополку льстивыя письма о томъ, чтобъ онъ Ростислава извелъ и самъ сталъ на его мѣсто. Писалъ Карломанъ: Ты, князь, будешь господиномъ надъ всею Моравіей, а мы тебѣ будемъ всегда вѣрные друзья и помощники. Святополкъ на эти уговоры прельстился и выдалъ Нѣмцамъ своего дядю, благовѣрнаго князя Ростислава. Едва лишь Нѣмцы князя Ростислава захватили, то со всею скоростью повезли его въ свои нѣмецкіе города; тамъ они его ослѣпили, а затѣмъ заключили его въ дальній монастырь, въ тѣсную келью. Въ заключеніи скоро кончилась жизнь Ростислава. Вся Моравія по немъ плакала. А Святополка за его злое дѣло сами люди моравскіе взяли подъ стражу, перевезли его

черезъ нѣмецкую границу и отдали Нѣмцамъ; Нѣмцы доставили его къ Карломану. И тогда королевичъ показалъ Святополку свою дружбу: засадилъ его въ крѣпкую тюрьму, а самъ вошелъ съ войскомъ въ Моравію, что была, какъ сирота, безъ защиты, безъ князя.

И побрали Нѣмцы города славянскіе: все, что встрѣчалось на пути нѣмецкимъ воинамъ, они опустошали, церкви новыя зажигали, народъ убивали тысячами.

Стали жить въ Велеградѣ два нѣмецкіе намѣстника и стали судъ надъ людьми творить не по древнимъ славянскимъ обычаямъ, а по нѣмецкимъ законамъ, никому невѣдомымъ и непривычнымъ.

Какъ избавились Нѣмцы отъ Ростислава, что былъ другомъ Меоодію, то принялись Меоодія губить. Съѣхались нѣмецкіе епископы въ Паннонію будто на совѣтъ, позвали Меоодія. Онъ къ нимъ не захотѣлъ идти, тогда одинъ епископъ нѣмецкій пошелъ въ домъ къ Меоодію и сталъ его звать съизнова: приходи, у насъ соборъ, о важныхъ дѣлахъ разсуждаемъ. Меоодій отвѣтилъ словами изъ псалма Давидова: *не слѣду въ советъ злыхъ и соизлодѣями не пребуду*. Епископъ нѣмецкій закричалъ: иди, говорю тебѣ добромъ, не то — бить тебя стану. Меоодій отвѣтилъ: Какъ ты можешь мнѣ такія слова говорить, я такой же епископъ, какъ ты. А вотъ какъ, закричалъ опять Нѣмецъ: схватилъ Меоодія за руки и поволокъ вонъ изъ дому. Нѣмецъ былъ высокій, здоровый, а Меоодій былъ слабъ тѣломъ и кротокъ душею, и не могъ отъ него отбиться. Думалъ Меоодій: звѣрь обороняется, когда его беруть, людямъ же Христось сказалъ: *не противитися злу: но аще тя кто ударитъ въ десную твою щечу, обрати ему и другую* (Мѡ. гл. 5, 39).

Явились на соборъ оба епископа и стали все Нѣмцы Меоодія упрекать: зачѣмъ ты служишь въ нашей области? Меоодій отвѣчалъ: Эта область не ваша; меня въ ней поставилъ епископомъ папа римскій; берегитесь о каменную гору головами биться, горы не

словаете, азголови свои потеряете». Нѣмцы на Меодіа крикнули: «берегись ты противъ насъ иди». Меодій обвелъ глазами кругомъ себя, потомъ взглянулъ на небо, и свѣтель сдѣлался его ликъ, — сказалъ Меодій: «Я васъ не боюсь, я правду вамъ сказалъ; я и царямъ всегда правду говорилъ, и не мѣлъ первому, и не мѣлъ послѣдному приходится страдать правды ради. Дѣлаю со мною что хотите: не лучше ятѣхъ многихъ, что мучены были и смертью принимали. За единую правду вѣру». онъ же и въ Римѣ Тогда нѣмецкіе епископы стали кричать еще громче, такъ что нельзя было понять, кто что говоритъ; потомъ всѣ встали съ мѣсть своихъ и обступили Меодіа. Меодій началъ просить старшаго изъ епископовъ, Ганнона: «Пустите меня въ Римъ, пусть папа Адріанъ меня осудитъ, если въ чемъ провинился; онъ меня поставитъ и кромѣ него никто не можетъ меня моего истащить». Ганнонъ отвѣтилъ ему: «нѣтъ, непусти тебя», и приказалъ другимъ Нѣмцамъ связать Меодіа. И заковали Нѣмцы Меодіа въ цѣпи, и завезли его въ нѣмецкую землю, — заперли въ темницу. Тамъ всѣмъ надъ нимъ издѣвались, злобу свою дьявольскую показывали: ѣсть не давали онъ святому по нѣсколькимъ дней; когда зима была, они его босаго съ непокрытою головою выводили на тюремный дворъ, ставили на стѣгу и заставляли его такъ стоять на одномъ мѣстѣ стѣки, а то и больше. Батогами тоже били Меодіа. Нѣмцы они хотѣли, чтобы онъ умеръ въ тюрьмѣ, какъ Ростиславъ; но Богъ сохранялъ и укрѣплялъ Меодіа. Ученики Меодіевы часто его навѣщали; пробирались они тайкомъ въ городъ, гдѣ Меодій томился въ неволю давали денегъ сторожамъ темничнымъ, и тѣ ихъ пускали на малое время поговорить съ наставникомъ; и многіе изъ учениковъ ходили нарочно въ Римъ и рассказывали папѣ, что дѣлаютъ Нѣмцы съ ихъ епископомъ. Меодій самъ посылалъ нѣсколько разъ письма къ папѣ, жаловался на свою судьбу тяжелую, просилъ защиты Адри-

ана папы не было; уже тогда на свѣтѣ, а новый папа
Юаннъ VIII-й никакого отъѣзду на всѣхъ вѣсти не да-
валъ, какъ будто ихъ не получалъ.
Между тѣмъ въ Моравіи счастье опять перекинулось
на славянскую сторону. Одинъ священникъ изъ учени-
ковъ Меодія, по имени Славоміръ, началъ народъ уго-
варивать, чтобъ не гнулишей подъярмо — не отдава-
лись Нѣмцамъ, а постояли бы за свою землю. Славоміръ
былъ княжескаго роду, сродни въ Бозѣ почившему
Ростиславу. Моравяне поставили Славоміра надъ собою
начальникомъ: собрались къ нему ратные люди и по-
шли съ нимъ избивать враговъ. Скоро добыли Славяне
Велеградъ, намѣстниковъ нѣмецкихъ прогнали.

Ужаснулись Нѣмцы. Начали совѣтоваться нѣмецкіе
князья, какъ со Славянами справиться. И обдумали они:
•Отпустимъ мы Святополка и дадимъ ему вести наше
войско; онъ воевода славный, противъ него врядъ ли
кто въ полѣ удержится; и въ Моравіи онъ свой, знаетъ
всѣ дороги. И сдѣлали Нѣмцы, какъ сказали. Свято-
полку, чтобъ онъ шелъ противъ своихъ: они обѣщали,
что отдадутъ ему княжество Моравское, если онъ его
усмирить.

Святополкъ дошелъ съ Нѣмцами до Велеграда и
осадилъ его: размѣстилъ нѣмецкихъ воиновъ, станомъ
вкругъ города. Но едва лишь вошелъ Святополкъ въ
славянскую землю, стало ему на совѣсти тяжело: все
ему слышалось, что на ухо ему кто-то шепчетъ: •Ты —
измѣнникъ, родины своей разоритель. И думалъ посто-
янно Святополкъ: •Къ чему я это все дѣлаю; лучше
мнѣ было, покуда я съ Нѣмцами не познавался, и вѣр-
но лучше будетъ мнѣ, если я съ ними разстанусь, — не
ждать мнѣ отъ нихъ добра. Вспоминалося все Свято-
полку, какъ его Нѣмцы обошли, подъямкомъ его дер-
жали, а сами черезъ него дѣлали свое поправляли: и зло
противъ Нѣмцевъ кипѣло у него въ сердцѣ. Когда под-
ходило нѣмецкое войско къ Велеграду, солнце садилось
и увидѣлъ Святополкъ издали стѣны и башни городскія

и кресты золотые, — и такъ ему сдѣлалось скучно, не могъ онъ дольше вытерпѣть. Подождать, пока стало темно и все нѣмецкое войско уснуло, и пошелъ въ Велеградъ. Постучалъ Святополкъ у воротъ, заговорилъ по славянски, — ему отворили. Онъ сказалъ, что пошелъ къ Славоміру посломъ, — его провели. Славоміръ Святополкъ открылся и обѣщалъ, что отдастъ нѣмецкое войско Славянамъ въ руки. Славоміръ сдѣлалъ тревогу, собрался народъ на площади. Запалили костры, чтобъ свѣтло было. Пришли Святополкъ со Славоміромъ вдвоемъ: и Святополкъ при всѣхъ покаялся въ свои прежнемъ злодѣйствѣ и поклялся людямъ моравскимъ, что всегда имъ будетъ вѣренъ. Они ему зла не помнили: назвали его своимъ княземъ и тоже присягнули ему на вѣрность. Тогда Святополкъ велѣлъ отворить ворота и всѣмъ воинамъ велеградскимъ велѣлъ, чтобъ шли за нимъ вслѣдъ, — сказалъ идти строго, не бравъ оружіемъ. Ночь была черная и до зари еще долго было. И привелъ Святополкъ Славянъ близко къ нѣмецкому стану; сторожа окликнули раза два, Святополкъ имъ отвѣтилъ; они узнали его голосъ, больше не спрашивали, думали, что онъ какія нибудь нѣмецкія войска съ мѣста — на мѣсто передвигаетъ. И велѣлъ Святополкъ Славянамъ сразу напасть на враговъ. Нѣмцы сонныя были, съ испугу не знали что дѣлать; стали звать своего начальника, да не было его. Тогда они совсѣмъ растерялись: одни побросали мечи и побѣжали, а дороги не помнили и прямо попадались къ Славянамъ; другіе въ темнотѣ, вмѣсто непріятелей, своихъ рубили; немногіе спаслись и ушли черезъ горы въ лѣсъ. Когда разсвѣло и стало видно, то по всему полю, до самаго города, густо лежали немецкія тѣла, словно въ годъ урожайный хлѣба снопы. И все равно какъ вѣтры приносятъ ненастные тучи съ громомъ и съ дождемъ, такъ слухи объ этой битвѣ нанесли печали въ нѣмецкую землю. Въ рѣдкомъ домѣ не было плача по убитомъ; и латинскіе священники съ

утра до ночи во всѣхъ церквахъ служили паннихиды, заунывно звенѣли колокола. Не долго передъ этимъ Нѣмцы веселились, что побѣждали Славянъ, кровь славянскую проливали; и вотъ веселіе перемѣнилось въ горесть.

Провѣдалъ папа Іоаннъ о томъ, что дѣлается въ Моравіи, и догадался, что настало время князя моравскаго: ему, значить, слѣдуетъ угождать. И отправилъ Іоаннъ двѣ грамоты: одну епископамъ нѣмецкимъ, а другую нѣмецкому королю. Епископамъ написалъ папа, чтобъ они Меѳодія освободили безъ всякой задержки, и почитали бы его по сану его; а королю писалъ Іоаннъ, чтобъ король епископовъ приглядывалъ, не дозволялъ имъ неправдъ надъ Меѳодіемъ творить.

Послѣ велеградской битвы стало моравское государство такъ сильно, какъ никогда не бывало. Святополкъ женился на сестрѣ чешскаго князя Боривоя, и Чехи обѣщали вмѣстѣ съ Мораванами идти на брань противъ Нѣмцевъ. Сербы приморскіе тоже взялись за оружіе, начали жечь деревни на окраинахъ нѣмецкой земли. Король нѣмецкій собралъ свою послѣднюю казну, созвалъ ратныхъ людей, сколько могъ найти въ своемъ государствѣ; раздѣлилъ ихъ на два войска, одно послалъ на сѣверъ къ Славянамъ поморскимъ, загородить имъ путь, чтобъ не шли они къ Святополку на помощь; съ другимъ войскомъ пошелъ въ Моравію королевичъ Карломанъ.

На Поморьи пришлось Нѣмцамъ такъ худо, что они оттуда уходили въ разсыпную, поодиначкѣ.

Въ Моравіи Карломану тоже не было удачи. Святополкъ обошелъ все войско его кругомъ и отбилъ у Нѣмцевъ весь ихъ обозъ со съѣстными припасами. Пришлось Карломану либо голодомъ людей своихъ уморить, либо сдать въ плѣнъ; а въ плѣну Святополкъ отплатилъ бы королевичу за его дружбу. Но узналъ король нѣмецкій, въ какой бѣдѣ его сынъ, и хватился его выручать: пріѣхалъ поспѣшно— не сражаться уже, а мира просить у князя Святополка. Пока князь и король пере-

твое мѣсто. И столкнулъ Святополкъ шурина своего подъ столъ. Боривой сгорача не очень обидѣлся. Но когда вернулся Боривой къ себѣ въ Чехію, то сталъ задумываться: не выходилъ у него изъ головы моравскаго князя пиръ. Уставить, бывало, князь чешскій очи въ полъ, нахмурится и думаетъ: «Осрамилъ меня Святополкъ, даромъ что породнился со мной. Развѣ хуже я его? И не въ первый разъ мы это слышимъ: «некрещенные язычники». Должно и вправду мы хуже, потому что въ насъ вѣры той нѣтъ, что въ нихъ есть. А и у нихъ прежде не было этой вѣры, такіе же—какъ мы—были некрещенные: и мы, значитъ, если, крестимся, такіе будемъ, какъ они; и не стануть насъ погаными обзывать».

Про эти всѣ свои мысли разсказывалъ Боривой супругѣ своей Людмиль: онъ съ ней дружно жилъ. Она же послушаетъ его рѣчей, помолчитъ, вздохнетъ и послѣ скажетъ: «А хороша моравская вѣра! Какъ твою сестру вѣнчали, я дивовалась: церковь золотомъ украшена, лицами разными росписана, точно живые люди со стѣнъ глядятъ. И пѣніе хорошо у нихъ, молитвы такія прекрасныя. Когда Евангеліе стали читать, тоже миѣ понравилось. Все разсказано: какъ жить, что дѣлать; у насъ этого ни откуда не узнаешь, у насъ люди все творятъ на-угадъ, каждый по своему уму, а умъ не у всякаго къ правдѣ тянетъ. У насъ иной человекъ хочеть быть добрымъ и не знаетъ, что благо, что зло». И говоритъ Боривой: «За то и величаются надъ нами Мораване, что у нихъ про всякій случай жизни есть писанный законъ; живи по писанію,—и тебѣ хорошо будетъ, и людямъ».

И опять скажетъ Людмила: «У христіанъ, я слыжала, послѣ смерти жизнь будетъ; у христіанскаго Бога на небесахъ есть другой міръ, много прекраснѣе здѣшняго». А Боривой отвѣтитъ: «Мораванамъ и здѣсь не худо. Такой славы, какъ нынѣ, не было у нихъ, пока не были они крещены. И еще что я думаю: прошлымъ

лѣтомъ были Мораване въ горькихъ бѣдахъ, чисто гибли; а теперь опять лучше, чѣмъ прежде, красуются. Это имъ, значить, Богъ ихъ помогаетъ. Такими с вами Боривой и Людмила другъ друга утѣшали и взраду зумляли; наконецъ рѣшили между собою сдѣлаться христіанами.

И когда кончилась война съ Нѣмцами, то Боривой послалъ гонцовъ къ Святополку сказать, что князь чешскій желаетъ креститься, просить священниковъ. Святополкъ промолвилъ чешскимъ гонцамъ: «Спросите епископа Меѳодія; пусть онъ выберетъ двухъ или трехъ священниковъ и отошлетъ съ вами къ вашему князю». Меѳодій самъ пошелъ въ Чехію и окрестилъ Боривой съ Людмилой и двухъ ихъ сыновей. Оставался Меѳодій въ Чехіи безъ малаго годъ и освятилъ двѣ первыя чешскія церкви, одну въ Литомышлѣ—городѣ, а другую въ Лѣвомъ Градцѣ. Затѣмъ оставилъ Меѳодій въ Чехіи нѣсколькихъ славянскихъ священниковъ и возвратился въ Моравію.

Боривой и Людмила были очень набожны и милостивы къ бѣднымъ. Меѳодій, когда жилъ у нихъ, много ихъ за это хвалилъ. Когда состарѣлся Боривой, то покинулъ свой престолъ, построилъ монастырь и сдѣлался въ немъ монахомъ; тамъ и преставился. Людмила тоже создала женскую обитель и постриглась; но Людмила за ся добродѣтель Богъ даровалъ мученичeskій вѣнецъ. Въ Чехіи много было невѣрныхъ; они креститься не хотѣли и злобились на княгиню, зачѣмъ она церковь строить, добрыми дѣлами всѣмъ примѣръ подаетъ и черезъ то народъ чешскій обращаетъ ко Христу.

И разъ невѣрные собрались ночью, напали на монастырь, гдѣ Людмила жила, и зарѣзали старую княгиню въ ея кельѣ. Боривой и Людмила теперь святые: передъ Богомъ стоятъ, молятся за людей.

Ученики Меѳодія ходили еще дальше Чехіи, на Вислу—рѣку, въ Польшу. Когда Святополкъ сталъ си-

лень, то и польскій король ему подчинился; и тогда Меѳодій посылалъ славянскихъ священниковъ въ Польшу; они окрестили короля и многихъ Поляковъ.

Латинскіе священники и въ Польшѣ и въ Чехіи тоже раньше были. Опять стало имъ досадно, что епископа моравскаго ученики нигдѣ покою имъ не даютъ, отовсюду ихъ выживаютъ. Но опять на Меѳодія напасть открыто силою Нѣмцамъ было страшно. Говорили они между собой: «Папа римскій постоитъ за Меѳодія, да и Святополкъ не дастъ обидѣть своего епископа; нужно сперва, чтобъ у Святополка къ Меѳодію сердце остыло, тогда онъ самъ выдастъ Меѳодія, а папа Юаннъ не станеть защищать того, кто въ опалѣ».

И начали нѣмецкіе священники стараться, чтобъ Меѳодія въ глазахъ Святополка хулою обнести. Это имъ далось безъ труда.

Святополкъ хотя былъ крещеный, но жилъ какъ нехристь: пьянствовалъ, держалъ по нѣскольку женъ заразъ, въ гнѣвѣ не могъ себя удерживать. Разсвирѣпѣеть, какъ звѣрь, и начнетъ всѣхъ кругомъ бить, а то вдругъ велитъ безъ вины казнить человѣка. Чего только не дѣлалъ Меѳодій, чтобъ князя отъ пороковъ отучить! И въ церкви при всѣхъ укорялъ Меѳодія Святополка, и наединѣ толковалъ ему, какія муки бываютъ грѣшникамъ послѣ смерти и какъ будетъ худо тому, кто не покается—умреть во грѣхахъ. Въ другое время Меѳодій со слезами упрашивалъ князя, чтобъ онъ свою плоть укрощалъ, подданныхъ своихъ ради,—говорилъ Меѳодій: «Твоя жизнь, князь, народу всему соблазнитъ; увидишь, скоро Богъ за грѣхи твои прогнѣвается и на Моравію бѣдствія нашьлетъ». Ничего не помогало это князю. Иногда онъ словно одумается, скажетъ: «виновенъ я передъ Богомъ и передъ народомъ моимъ, подождите, я перемѣнюсь»,—и недѣли двѣ живетъ князь тихо, а послѣ опять за старое принимается.

Стали нѣмецкіе священники пріѣзжать въ Велеградъ и такъ дѣлали, чтобъ князю попадаться на глаза. Узна-

вали они, когда собирается князь куда нибудь идти и ѣхать, и становились въ то время у дворцовой ограды. Князь выходилъ и спрашивалъ: «что за люди?» Они приближались, кланялись низко и приговаривали: «мы прибыли изъ дальнихъ мѣстъ ради того, чтобъ на тебя посмотреть; повсюду слышно, какой ты великій государь». Святополкъ ихъ лукавства не отгадывалъ и принималъ ихъ. Они его еще больше улащали, удивлялись всему, что у него видѣли, — говорили, что нигдѣ нѣтъ красоты такой, какъ при его дворѣ. И всѣ дѣла Святополка они хвалили: когда онъ пьянъ — напивался, они говорили, что вино даръ Божій, на потребу людямъ. Когда Святополкъ во гнѣвѣ кого нибудь убивалъ и послѣ жалѣлъ, нѣмецкіе священники утѣшали его: «Твой гнѣвъ праведенъ, говорили они; не ты виноватъ, что убитъ, а виноватъ убитый, зачѣмъ заслужилъ». Такія рѣчи пріятны были князю, и оставлялъ онъ у себя Нѣмцевъ на житье.

Когда ихъ собралось много, они стали передъ Святополкомъ осуждать Меѳодія, повторяли каждый свое: «Къ чему ты, князь, этого старика слушаешь; ты видишь, онъ не похожъ на другихъ людей. Отъ тебя онъ довольно денегъ получаетъ, и прихожане ему приносятъ; хорошо могъ бы онъ жить, а онъ все нищій отдастъ, самъ едва перебивается, почти что какъ нищій. Развѣ можно то исполнять, чего онъ отъ тебя требуетъ: онъ хочетъ, чтобъ люди жили по Писанію, а люди должны жить по природѣ своей. Мы въ черныхъ ризахъ ходимъ, да и то не по книгамъ живемъ. И какъ смѣетъ Меѳодій тебя упрекать въ чемъ нибудь? Ты князь, владыка надъ своею землею: Меѳодій долженъ твоей волѣ повиноваться, а тебѣ даже не прилично ему уступать».

И не сталъ больше князь говорить съ Меѳодіемъ и звать его къ себѣ, пересталъ ходить въ церковь. У себя на дворѣ выстроилъ князь часовню, и тамъ нѣмецкіе священники служили для него латинскую обѣдню.

Въ ту пору въ западной церкви начала по людямъ расходиться новая ересь: еретики толковали, будто Святой Духъ исходитъ не отъ Бога Отца только, но отъ Бога Отца и отъ Сына Божія вмѣстѣ. Эта ересь сразу принялась у Нѣмцевъ, а въ Римѣ не все папы уклонялись въ ложное мудрованіе: иные еще по старому вѣровали. Но вотъ услышали нѣмецкіе священники, что и въ Римѣ уже многіе епископы начали учить, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына Божія. И еще тверже стали Нѣмцы при своей ереси, начали восьмой членъ Символа вѣры читать такъ: *И въ Духа Святаго Господа Животворящаго, иже отъ Отца и Сына исходящаго.*

А Меѳодій читалъ Символь вѣры по прежнему и училъ о Святомъ Духѣ какъ у апостоловъ заповѣдано и на вселенскихъ соборахъ постановлено. И спорили нѣмецкіе священники съ Меѳодіемъ и писали папѣ римскому: «Поставленный отъ тебя епископъ Меѳодій еретикъ; онъ Символь вѣры не весь сполна читаетъ и Духа Святаго не такъ исповѣдуетъ, какъ все прочіе священники у насъ въ нѣмецкой землѣ и у васъ въ Римѣ».

За малое время передъ этимъ Сарацины приплыли на корабляхъ къ берегамъ итальянской земли и разбойничали на морѣ, недалеко отъ Рима, разбивали торговые суда. Папа Іоаннъ встревожился, онъ боялся, что невѣрные выйдутъ на берегъ и придутъ въ Римъ. Послалъ папа римскій къ французскому королю просить его, чтобъ онъ привелъ свои корабли, и разогналъ бы разбойниковъ. Французскій король не откликнулся на призывъ своего духовнаго отца. Тогда Іоаннъ самъ снарядилъ корабли военные, поверхъ епископскихъ ризъ надѣлъ стальные латы и поѣхалъ по морю туда, гдѣ невѣрные стояли: затѣялъ съ ними бой и разогналъ ихъ. Іоаннъ вернулся въ Римъ гордый своей побѣдой. Вдругъ прибѣжали гонцы, оповѣстили, что наѣхало Сарацинъ еще больше. Папа Іоаннъ впалъ въ отчаяніе, сталъ горевать: «не спасись городу Риму отъ варваровъ!»

Пришли въ Римъ нарочные съ письмами отъ немецкихъ епископовъ и рассказали папѣ Іоанну, что Меѳодій у Святополка послѣдній человекъ, а самые ближніе князю друзья и совѣтники—Нѣмцы. Тогда Іоаннъ разсудилъ: Чего мнѣ за Меѳодія заступаться, лучше Нѣмцевъ ублажать; можетъ быть, король нѣмецкій нашу помощь пришлетъ противъ Сарацинъ. Зналъ Іоаннъ, что для Нѣмцевъ дороже всего то, чтобъ не было у Славянъ своихъ книгъ, чтобъ служба церковная шла по латыни; тогда нѣмецкіе священники разошлись бы снова служить по всей Моравіи. И послалъ Іоаннъ въ Моравію священника Павла, того самаго, что раньше ходилъ: далъ ему грамоту къ Меѳодію. Этою грамотою запрещалась славянская служба: позволено было только проповѣди послѣ обѣдни говорить по славянски. Прочиталъ Меѳодій писаніе патриарха римскаго и закручинился, сказалъ самъ себѣ: Пропали всѣ труды братья моего и мои. Что же будетъ теперь?—будутъ люди проходить въ церковь и стоять—ничего не понимать. И позабудутъ ученіе Христово, воскреснутъ въ Моравіи языческіе обычаи. Нѣтъ, я не стану служить по латыни, это будетъ людямъ вредъ, стало быть это грѣхъ, а грѣха не возьму на свою душу. Пусть на меня гнѣвается Іоаннъ, онъ великъ и силенъ, а Богъ сильнѣе и больше папы римскаго. Богъ же на меня не прогнѣвается за славянскую службу. Я привыкъ все дѣлать для Бога, не для людей, и ничьей мнѣ милости не нужно, кромѣ Божіей. Если Богу я угоденъ, и не хочеть Богъ моей гибели, то ни папа римскій, и никакая власть земная надо мной не можетъ сдѣлать зла.

И сталъ Меѳодій служить по славянски, какъ служилъ.

Пачали Нѣмцы папѣ Іоанну доносить, что Меѳодій папскихъ повелѣній ослушникъ. Святополку тоже говорили нѣмецкіе священники: Меѳодій и патриарха римскаго не почитаетъ, всё свою волю творить; посмотри на него, когда онъ изъ церкви выходитъ, какъ толпится

вкругъ него народъ. Явно мутитъ Меѳодій въ твоёмъ государствѣ. Да и въ томъ, что онъ о Богѣ и о вѣрѣ говоритъ, нѣтъ истины: все ложь и ересь. Нельзя тебѣ, князь, такого епископа у себя держать. И повѣрилъ Святополкъ нѣмецкимъ священникамъ и послалъ одного изъ нихъ просить папу римскаго, чтобъ не былъ Меѳодій въ Моравіи.

Папа Іоаннъ въ то время собирался просить у нѣмецкаго короля защиты отъ Сарацинъ, и радъ былъ Іоаннъ, что вышелъ случай услужить Нѣмцамъ. Тотчасъ написалъ онъ двѣ грамоты и отправилъ ихъ съ тѣмъ же нѣмецкимъ священникомъ въ Моравію. Меѳодію писалъ Іоаннъ, чтобъ шелъ онъ въ Римъ на судъ, потому что со всѣхъ сторонъ есть жалобы, будто епископъ моравскій ересь какую то возвѣщаетъ. А князю моравскому писано было, чтобъ онъ вѣровалъ твердо и неуклонно, ереси бы никакой не поддавался, и что папа самъ будетъ судить Меѳодія и не дастъ ему поправки, если онъ виновенъ. Отъ короля нѣмецкаго тоже не дождался папа римскій помощи.

Въ греческой землѣ царствовалъ Василиій Македонянинъ. Онъ провѣдалъ какъ-то слухомъ, что патріархъ римскій въ большой тѣснотѣ, и явился царь греческій со многими кораблями къ итальянскому берегу и разгромилъ невѣрныхъ, всѣ ихъ суда пожегъ и потопилъ.

Іоаннъ принялся служить благодарственные молебны, — самъ думаетъ: «Царь греческій сила великая, вотъ съ кѣмъ нужно дружить». И въ это время пришелъ Меѳодій въ Римъ. Іоаннъ учредилъ надъ нимъ судъ. Пока тотъ судъ собирался, папа Іоаннъ размышлялъ: «Царь греческій будетъ недоволенъ, если мы обвинимъ Меѳодія за славянскую грамоту, да и мнѣ Меѳодія жалко; онъ человѣкъ разумный и справедливый, надо его оправдать. Но и оправдывать его не ловко: онъ учитъ по восточному, по гречески, что Духъ Святой исходитъ отъ Одного лишь Бога Отца; если я скажу, что правъ Меѳодій, то выйдетъ, что епископы всѣ мои

и я самъ, всё мы еретики, потому что по нашему Духу Святой также и отъ Сына Божія исходитъ. Ну, да знаю, что сдѣлаю.

Въ Римѣ Символъ вѣры читался еще безъ перемѣны. И сказалъ папа Іоаннъ Меѳодію на соборѣ епископовъ римскихъ: прочти Вѣрую. Меѳодій прочиталъ какъ и въ Римѣ читали. Іоаннъ сказалъ епископамъ своимъ: Вы слышали, — онъ вѣруетъ, какъ мы; сталъ быть, все ученіе его правильно.

И поставилъ Іоаннъ Меѳодія архіепископомъ въ славянскихъ земляхъ и позволилъ ему служить по славянскимъ книгамъ. Но еще думалъ папа римскій: Нельзя идти совсѣмъ противъ Нѣмцевъ; не помогли они въ этотъ разъ, а въ другой пригодятся; хотять Нѣмцы, чтобъ славянской грамоты не было, этого я для нихъ не сдѣлалъ; хотять они еще быть при дворѣ Святополка моравскаго, — пусть будутъ; нельзя чтобъ Славяне Нѣмцевъ или Нѣмцы Славянъ переселивали; нужно, чтобъ Славяне съ Нѣмцами всегда въ спорѣ были, тогда и тѣ, и другіе, будутъ пріѣзжать ко мнѣ просить суда, и дары привозить будутъ, и почитать меня будутъ, и бояться. Святополку не любъ Меѳодій, не хотѣлъ князь его близъ себя имѣть и Таинъ Святыхъ въ рукъ его принимать. Пусть будутъ около князя священники, какихъ онъ любитъ. И написалъ Святополку Іоаннъ большую грамоту: сначала про Меѳодія — хвалилъ его папа римскій; потомъ писалъ, что дозволяетъ въ Моравіи славянскую службу; но въ концѣ прибавилъ Іоаннъ: Если тебѣ, князь, славянская обѣдня не по сердцу, ты можешь слушать у себя во дворцѣ латинскую обѣдню отъ нѣмецкихъ священниковъ.

Въ нѣмецкой землѣ королемъ былъ Карломанъ. Отъ него пріѣхалъ къ папѣ Іоанну одинъ священникъ и жилъ въ Римѣ. Имя этому священнику было Викингъ; онъ служилъ Карломану, когда тотъ еще королевичемъ былъ, и былъ Карломану Викингъ во всѣхъ дѣлахъ помощникъ. Викингъ былъ человекъ злой и коварный,

Славянамъ всёмъ врагъ лютый. Ему отрада была Славянь мучить, даже къ смерти приводить. Онъ говорилъ: «Славянское племя все равно, что скотина; для того и живеть на свѣтѣ, чтобъ на насъ, на Нѣмцевъ, работать. Для чего знать Славянамъ Священное Писаніе? Пророкъ Моисей запретилъ скотамъ безсловеснымъ ходить на Синайскую гору, такъ и мы не должны допускать Славянь понимать Слово Божіе». Славяне Викинга называли сосудомъ діавольскимъ. И про Викинга думалъ Іоаннь: «вотъ король нѣмецкій прислалъ уже на мѣсто Меодія своего человѣка; какъ его отъ насъ ни съ чѣмъ отпустить?»

Позвалъ Іоаннь Меодія и сказалъ ему: «Теперь иди въ Моравію; враги твои тебѣ нестрашны, ты самъ ихъ выше, надъ тобою одинъ я; если будетъ у тебя какое сомнѣніе, или споръ съ кѣмъ нибудь, прямо пиши ко мнѣ, или самъ приходи. Неси къ Святополку мою грамоту. По этой грамотѣ узнаеть князь, что книги твои уставамъ не противны, а житіе твое всёмъ христіанамъ поученіе и примѣръ. Но тебѣ одному со всею Моравіей не справиться, я тебѣ дамъ въ помощники Викинга». И вышелъ изъ Рима Меодій съ Викингомъ виѣстѣ.

Въ Моравіи люди встрѣчали Меодія съ радостью, кидались ему въ ноги, полы одежды его дѣловали: не чаяли они, что онъ къ нимъ вернется. Явились Меодій и Викингъ къ Святополку: Меодій отдалъ князю палскую грамоту и сталъ какъ всегда служить обѣдни и наставлять народъ.

Святополкъ успѣлъ еще крѣпче къ Нѣмцамъ пристать, пока Меодій былъ въ отлучкѣ. Карломанъ прислалъ сына своего Арнульфа правителемъ въ Паннонію. Сдѣлался Арнульфъ нѣмецкій Святополку сосѣдъ и Святополкъ, какъ прежде съ карломаномъ былъ друженъ, такъ же и съ сыномъ его сдружился. То и дѣло стали князь моравскій и князь нѣмецкій другъ къ другу въ гости ѣздить: Святополкъ у Арнульфа сына крестилъ, и названъ былъ этотъ мальчикъ Святополкомъ

въ честь крестнаго отца. И стало такъ въ Моравіи что никакое дѣло безъ Нѣмцевъ не обходилось: куда пойдешь, вездѣ встрѣтишь Нѣмцевъ. Всѣ они веселились, что Викингъ будетъ епископомъ въ Моравіи, и условились промежь себя, чтобъ всегда съ нимъ былъ за одно.

Начали они толковать князю и моравскимъ людямъ: Меѳодій не настоящую грамоту привезъ; у насъ есть другая грамота, и тамъ написано, что Меѳодія нужно изгнать и что архіепископомъ будетъ Викингъ. Тоже говорили и Викингъ. А для того, чтобъ люди имъ вѣрили, Нѣмцы сами написали грамоту, подписали ее подъ руку папы Іоанна и печать придѣлали такую, какъ изъ Рима присылають. И начали Нѣмцы эту грамоту показывать и читать всѣмъ, и во дворцѣ боярамъ, и простому народу въ городѣ.

Опечалились Мораване, что отнимутъ у нихъ Меѳодія. Меѳодій написалъ Іоанну: «Кого ты, отче, поставилъ архіепископомъ: меня или Викинга? И давалъ ли ты ему другое письмо, кромѣ того, что мнѣ далъ? за что я каждый день обиды горькія несу? заступись за меня, отче, какъ ты въ Римѣ общалъ». И рассказалъ въ своемъ письмѣ Меѳодій, сколько разъ Викингъ его гнѣвилъ и слезилъ, съ тѣхъ поръ какъ помощникомъ его называется.

Черезъ нѣсколько времени принесли гонцы изъ Рима отвѣтъ на жалобу Меѳодія. Сказали въ Велеградѣ, что будутъ читать папы римскаго грамоту: сошлися люди на княжескій дворъ. Нѣмцы ходили взадъ и впередъ, смѣялись, говорили: «вотъ объявятъ вамъ сейчасъ, что вашъ Меѳодій лишенъ архіепископскаго сана». Славяне стояли небольшими кучками и молчали; многіе плакали. Вынесъ одинъ священникъ грамоту и прочелъ. Папа римскій утѣшалъ Меѳодія, писалъ: «Терпи, Богъ наградитъ терпѣніе твое». Звалъ Іоаннъ Меѳодія, чтобъ онъ пришелъ въ Римъ и Викинга привелъ на судъ; потомъ писалъ Іоаннъ, что онъ Викингу никакой гра-

моты не давалъ и что Меѳодій есть истинный и достойный архіепископъ всей Моравіи. И все равно, какъ если солнце взойдетъ, то расхочется туманъ холодный съ полей и съ луговъ, тянется на болота, въ чащи глухія, сырыя; такъ послѣ этой грамоты разошлись Нѣмцы со стыдомъ по своимъ домамъ.

Меѳодій хотѣлъ сходить въ Римъ, да раздумалъ: «Къ чему я пойду? папа Іоаннъ пишетъ, что жалѣетъ меня, но это на словахъ только; я ему не нуженъ, онъ изъ-за меня не поссорится съ королемъ нѣмецкимъ, не уберетъ Викинга изъ Моравіи. Можетъ быть прикажетъ Іоаннъ Викингу повиниться передъ мною, а кому отъ этого будетъ польза? Викингъ не исправится, еще за посрамленіе свое мѣсть мнѣ обдумаетъ. Долженъ я быть доволенъ, что грамотою меня оправдали, а пойду,—лишь время потрачу. Я старъ, не долго мнѣ осталось съ Мораванами быть, и недавно я разлучался съ ними. Не пошелъ больше Меѳодій въ Римъ.

Увидѣлъ Викингъ, что хитрость его ни къ чему была, и придумалъ другую уловку. Согласился опять съ другими нѣмецкими священниками, и стали они всѣмъ разсказывать, что греческій царь на Меѳодія гнѣвается и что еслибъ онъ показался въ Царьградѣ, то его осудили бы на смерть за ересь; потому только и живъ Меѳодій, говорили они, что царь его изъ Моравіи достать не можетъ.

Богъ опять смиловался надъ Меѳодіемъ: оправдалъ его, а клеветниковъ постыдилъ. Вложилъ Богъ въ сердце греческому царю желаніе благое повидаться съ Меѳодіемъ. И написалъ Меѳодію царь: «Приди къ намъ, честный отче, чтобъ мы тебя увидали и благословенія твоего сподобились, пока ты еще съ нами живешь на землѣ». Меѳодій не замедлилъ, отправился въ Царьградъ; и ученики Меѳодія нѣкоторые, что съ нимъ вмѣстѣ пришли изъ греческой земли, тоже пошли за нимъ, чтобъ на родинѣ своей побывать.

Царь и патриархъ приняли Меѳодія съ великою честью, какъ подобаеть принимать апостола Божія. Спрашивали они его, какъ онъ живетъ въ Моравіи; и когда онъ имъ рассказывалъ свои печали, они удивлялись его терпѣнію и святости, просили они его, чтобъ онъ въ Царьградѣ оставилъ одинъ списокъ славянскихъ книгъ и двухъ учениковъ своихъ, одного священника и одного діакона.

Когда Меѳодій захотѣлъ вернуться къ своимъ духовнымъ дѣтямъ въ Моравію, то царь велѣлъ отправить ему въ слѣдъ подводы съ разными богатыми дарами.

Меѳодій былъ кротокъ со всѣми и милостивъ во всѣмъ, но и у него силъ не стало терпѣть Викинга окаянство. Какъ вернулся Меѳодій изъ Царьграда, то произнесъ въ церкви анаѳемѣ на Викинга: запретилъ ему служить обѣдни. Викингъ пошелъ жаловаться къ Святополку и такъ съумѣлъ подольститься къ нему, что князь снова сталъ гнѣваться на Меѳодія. Тогда всѣ другіе нѣмецкіе священники, княжіе любимцы, стали громко шумѣть. Они думали: пусть князь осердится на Меѳодія до того, что убить его прикажетъ. Говорилъ князю Нѣмцы: «Меѳодій за то Викинга обижаетъ, что ты его любишь, и что онъ тебѣ вѣрный человекъ; князь, тоже тебѣ вѣренъ и Меѳодій насъ не терпитъ, не бранитъ насъ при народѣ. Онъ притворяется только, что тебя уважаетъ; въ мысляхъ онъ другое держитъ. Король нѣмецкій сколько лѣтъ Викингу во всѣхъ дѣлахъ довѣрялъ! Другъ твой, князь Арнульфъ, не разъ говорилъ: я за Викинга ручаюсь, не выдастъ онъ. Развѣ будетъ князь Арнульфъ хвалить худаго человека? Этотъ самый Меѳодій князя Арнульфа нечестно хулитъ; и тебѣ, князь, хулить, зачѣмъ ты съ Арнульфомъ хлѣбъ-соль водишь. Мы всѣ утѣшаемся, смотримъ, что два такіе мудрые и славные государя въ дружбѣ живутъ, Меѳодій одинъ косится, какъ волкъ неприрученный».

Святополкъ выслушалъ совѣтниковъ своихъ и сказалъ: «Правда ваша, нужно Меѳодія изъ Моравіи изъ-

гнать. Покажу я надъ нимъ свою власть. И уже хотѣлъ дать князь о Меѳодіи приказаніе, но Богъ не пустилъ грѣха такого. Вдругъ вышла у Святополка ссора съ Арнульфомъ: объявилъ князь моравскій нѣмецкому князю войну и велѣлъ гнать изъ государства своего не Меѳодія и славянскихъ священниковъ, а всѣхъ забѣжихъ Нѣмцевъ.

Собралъ Святополкъ силу и захотѣлъ ее посмотрѣть, велика ли она? Онъ всталъ на пригорокъ и сказалъ, чтобъ войско мимо его проходило. И стоялъ князь весь день, а низомъ передъ нимъ непрерывно, какъ волны по рѣкѣ, двигались и двигались люди; едва къ вечеру миновали всѣ полки. Съ этою силою пошелъ Святополкъ въ Паннонію отбирать ее отъ Нѣмцевъ.

Меѳодій началъ жить покойнѣе. Тогда онъ принялся переводить книги тѣ, что не успѣлъ перевести вмѣстѣ съ братомъ своимъ Кирилломъ. Перевелъ Меѳодій весь Ветхій Заветъ, кромѣ книгъ Маккавейскихъ; еще перевелъ правила святыхъ отецъ (по гречески Номоканонъ) и житія святыхъ (по гречески Патерикъ). Началъ Меѳодій въ мартѣ мѣсяцѣ, кончилъ осенью въ октябрѣ къ 26-му числу. А 26-го дня октября бываетъ праздникъ святаго Димитрія Солунскаго. Меѳодій этому святому всегда много молился. И въ этотъ разъ, когда кончилъ Меѳодій переводить книги, то подумалъ, что вѣрно ему святой его любимый помогалъ. И отслужилъ Меѳодій 26-го октября въ соборномъ храмѣ велеградскомъ обѣдню съ благодарственнымъ молебномъ и съ акаѳистомъ святому Димитрію Солунскому.

Зимю послѣ Рождества Меѳодій освящалъ новую церковь въ городѣ Бернѣ. Великимъ постомъ Меѳодій занемогъ и съ каждою недѣлею слабѣлъ. Всѣ стали видѣть, что скоро будетъ архіепископу конецъ. И спрашивали Меѳодія ученики и люди моравские: На кого ты насъ оставляешь, кто будетъ насъ учить и вѣру у насъ блюсти? Меѳодій имъ отвѣчалъ: Будетъ у васъ архіепископомъ ученикъ мой Гораздъ; на немъ благо-

словеніе мое, а вы его любите и почитайте, какъ вы меня любили и чтили. Гораздъ вашей земли человекъ, мораванинъ, вы его знаете, онъ и книгамъ хорошо наученъ и добрыми дѣлами Богу угоденъ. Онъ вамъ постоятъ за правую вѣру.

Въ Вербное воскресенье Меѳодій пришелъ въ церковь, но служить не могъ отъ слабости. Попросилъ Меѳодій, чтобъ ученики поддержали его подъ руку: всталъ передъ алтаремъ и вслухъ помолился за царя греческаго и за князя моравскаго, за учениковъ своихъ и за весь народъ. Потомъ сказалъ ученикамъ: «Дѣти, я черезъ три дня умру, не оставляйте меня до тѣхъ поръ!» И пошелъ Меѳодій вмѣстѣ съ учениками въ свой домъ. Во вторникъ на Страстной собрались къ Меѳодію священники со всего Велеграда, и многіе міряне, и не отходили отъ него во весь день, стояли вокругъ его постели. И когда закатывалось солнце, то Меѳодій повернулся лицомъ къ окну, взглянулъ на небо и сказалъ: «Господи! въ руки Твои предаю духъ мой». Вздохнулъ Меѳодій разъ и скончался тихо, словно уснулъ. Это было 6-го апрѣля 885-го года, ровно тысячу лѣтъ тому назадъ. Послѣ брата своего Кирилла Меѳодій прожилъ 16-ть лѣтъ.

Хорошили Меѳодія всѣ моравскіе священники, дѣсти человекъ, а народу шло за гробомъ такое множество, что и счесть нельзя было; словно морю безкрайнему—не видно было конца толпѣ людской. Всѣ тамъ были: богатые и бѣдные, знатные бояре, и вдовы и сироты, и нищіе бездомные. И плакали всѣ по Меѳодію, какъ дѣти по отцѣ плачутъ. Всѣ знали, кого потеряли, какого наставника великаго, пастыря душамъ и заступника предъ Богомъ. Погребенъ былъ Меѳодій въ соборномъ храмѣ Пресвятой Богородицы въ стольномъ Велеградѣ.

Былъ Меѳодій, какъ Ангелъ Хранитель надъ моравскою землею; не стало его и все сомутилось. Еще

былъ живъ святитель моравскій, когда Святополкъ помирился съ Арнульфомъ, получилъ отъ него Паннонію. Послѣ мира опять стали Нѣмцы жить въ Моравіи. Они сначала возрадовались, что нѣтъ Меѳодія, говорили: «Теперь конецъ славянской службѣ въ церквахъ!». А потомъ увидѣли Нѣмцы, что Гораздъ лишь похоронилъ Меѳодія, то началъ по прежнему каждый день обѣдни служить и народъ учить совсѣмъ какъ Меѳодій. Остальные всѣ ученики Меѳодія одинаково, какъ при наставникѣ своемъ молитвой были заняты всегда и трудами праведными, такъ и безъ него тоже дѣлали, еще больше усердствовали, говорили: «Меѳодій теперь на насъ съ неба смотритъ и лучше чѣмъ прежде знаетъ, что есть въ сердцахъ нашихъ и въ мысляхъ». И снова начали Нѣмцы обсуждать: «Надо намъ скорѣе противъ Горазда что нибудь придумать, а то онъ утвердится на своемъ мѣстѣ, привыкнетъ къ нему народъ, и будетъ намъ Гораздъ тоже, что Меѳодій былъ; также изъ-за него горевать будемъ; да и другіе всѣ отъ епископа не отстаютъ—дружно работаютъ. А мы тоже другъ за друга постоимъ; и князь опять нашъ, въ немъ вся наша сила».

И собрались однажды нѣмецкіе священники, позвали на свое сборище священниковъ славянскихъ. Когда ученики Меѳодія пришли, то Нѣмцы съ ними стали спорить о Святомъ Духѣ, о томъ, что Духъ Святой исходитъ и отъ Бога Отца, и отъ Сына Божія. Народу моравскаго много стояло тутъ.

Славянскіе священники выслушали, что говорили ихъ недруги, а потомъ сами стали говорить, все по Писанію толковали, по Божіей мудрости, не по человѣческой. И черезъ эти рѣчи всѣмъ стало явно, что ученіе нѣмецкихъ священниковъ есть хула на Святаго Духа и что всякій, кто будетъ это ученіе людямъ вѣщать, погибнетъ на вѣки и царствія Божія не увидитъ, потому что Христось сказалъ: *Всякъ грѣхъ и хула отпустится челоукомъ: а яже на Духа хула, не отпустится челоукомъ* (Мѳ. гл. 12, 31)

И когда услышали Нѣмцы, что вся неправда ихъ наружу вышла, то зажали они себѣ уши, затопали ногами и начали кричать, стали непристойно бранить усопшаго Меѳодія и всѣхъ его учениковъ. Тогда славянскіе священники ушли домой, а Нѣмцы пошли къ Святополку, говорили ему: «Ученики Меѳодія противъ тебя народъ бунтуютъ, ты вѣришь одинаково съ нами, что Духъ Святой и отъ Отца и отъ Сына исходитъ, они же учатъ народъ своей греческой вѣрѣ, что Духъ Святой исходитъ отъ Одного лишь Бога Отца; они хотятъ, чтобъ народъ былъ не одинаковой вѣры съ княземъ».

Святополкъ отправилъ славянскимъ священникамъ приказъ прислать во дворецъ двухъ выборныхъ, чтобъ могли говорить съ княземъ. Славяне выбрали епископа Горазда и Климента. Пришли Гораздъ и Климентъ; видя, сидитъ князь на престолѣ, а передъ нимъ стоятъ нѣмецкіе священники. Гораздъ и Климентъ поклонились, тоже стали передъ княземъ. Святополкъ посмотрѣлъ на нихъ грозно и сказалъ: «Что у васъ все споры, нѣтъ покою изъ-за васъ въ моемъ государствѣ?». Гораздъ и Климентъ отвѣчали: «Мы раздѣляемся съ Нѣмцами по своимъ обидѣ ради, а потому, что они Духу Святому не воздаютъ хвалы, какъ слѣдуетъ. Въ Псалмахъ Давидовыхъ сказано, что нужно ненавидѣть ненавидящихъ Господа. Пусть Нѣмцы отъ своей лжи отрекутся, и мы рады съ ними помиримся, братьями ихъ назовемъ».

Святополкъ раньше столкнулся съ Нѣмцами, онъ сказалъ: «Мнѣ все равно — о чемъ у васъ раздоръ идетъ; я человекъ неграмотный, книжныхъ всѣхъ хитростей не понимаю и не люблю. Вотъ вамъ мое рѣшеніе: кто первый здѣсь передъ мною поклянется, что вѣруетъ истинно, тотъ и правъ». Гораздъ и Климентъ промолвить ничего не успѣли, а уже всѣ сразу Нѣмцы подняли руки вверхъ и закричали: «клянемся, клянемся; наша вѣра истинная!». Святополкъ сказалъ Нѣмцамъ: «Теперь правда ваша, я отдаю Славянъ подъ вашу власть, усмиряйте ихъ какъ знаете».

Съ того дня пошло въ Моравіи гоненіе на славянскихъ священниковъ. Тѣхъ священниковъ и діаконовъ, какіе были помоложе, Нѣмцы продали Жидамъ въ работу, деньги большія выручили отъ этой продажи. А старѣйшихъ пять человекъ: Горазда и Климента, еще Лаврентія, Наума и Ангеларія, — тѣхъ Нѣмцы сперва мучили всячески, а послѣ заковали въ желѣза и посадили въ тюрьму, приставили къ нимъ сторожей немилостивыхъ, такихъ что никого не пускали въ темницу. И нельзя было набожнымъ душамъ оутѣшать мучениковъ и помогать имъ. Были же они въ нуждѣ великой. Нѣмцы имъ въ пищу давали только хлѣбъ да воду, и то не по-многож.

Но Богъ не допустилъ долго страдать вѣры православною исповѣдникамъ. Они ради Духа Святаго терпѣли и Духъ Святой ради ихъ чудеса сотворилъ. Одинъ разъ утромъ всѣ пятеро въ тюрьмѣ заплѣли по славянски: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ Апостоломъ Твоимъ низпославый, Того, Благій, не отъими отъ насъ, но обнови насъ, молщихъся.* И вдругъ затряслась земля, громъ и стукъ страшный послышался по всему Велеграду, дверь изъ темницы сама собою растворилась, цѣпи желѣзныя со святыхъ угодниковъ упали и разсыпались по полу мелкимъ пескомъ. Всѣ нѣмецкіе дома въ городѣ разрушились въ тотъ день. Мораване пришли толпою къ Святополку и просили его: «Освободи наставниковъ нашихъ! Богъ свою милость явилъ надъ ними; чудомъ Своимъ показалъ, что ихъ ученіе истинно; неужели мы противъ Бога пойдемъ?» Князь обѣщалъ Славянамъ, что прикажетъ ихъ священниковъ на волѣ оставить. Послѣ того пришли нѣмецкіе священники и опять опутали князя, говорили они: «Ученики Меѳодія злы, волшебники, они ворожили и сдѣлали трясеніе земли, чтобы тебя, князь напугаты и народъ смутить.» Святополкъ повѣрилъ Нѣмцамъ и снова позволилъ имъ взять святыхъ страдальцевъ подъ стражу. Тогда Нѣмцы ихъ еще крѣпче заперли и надѣли на нихъ

оковы еще тяжелѣе. Прошло три дня и опять запылали славянскіе священники: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ Апостоломъ Твоимъ ниспославый.* И опять стали слышать гулъ подъ землей: стѣны темничныя—каменные пошатнулись и цѣпи, которые были на мученикахъ, разбились на много концовъ. Святополкъ тогда былъ въ отъѣздѣ въ Паннонію. Нѣмцы положили между собою не говорить ему ничего о томъ, что случилось. Они боялись, что князь увѣруетъ Божьему чуду и обратится сердцемъ къ Богу.

Прошло еще десять дней: и въ третій разъ земля всколыхнулась и желѣза на мученикахъ святыхъ повалились. Нѣмцы оробѣли, начали думать: «Что же теперь выйдетъ? князь непременно какъ нибудь узнаетъ всю правду и не станетъ больше слушать насъ, велитъ отпустить славянскихъ священниковъ; да и намъ съ нами страшно ихъ держать; есть въ нихъ дивная сила не наша; а убить ихъ еще страшнѣе; Мораване тогда насъ убьютъ.»

Какъ разъ въ ту пору опять явился въ Моравію Викингъ. Прямо послѣ смерти Меѳодія онъ поѣхалъ въ Римъ, повезъ съ собою много денегъ. Юаннъ VIII умеръ за три года раньше, чѣмъ Меѳодій, а другой папа Стефанъ VI Меѳодія не зналъ и книгъ славянскихъ не видалъ. Викингъ сталъ давать денегъ римскимъ епископамъ, чтобъ они передъ папою Меѳодія усопшаго хулили, а книги славянскія называли бы еретическими. Потомъ и самого Стефана задарилъ Викингъ и выпросилъ у него грамоту, какую хотѣлъ. Написалъ папа Стефанъ: «Посылаю вамъ во епископы Викинга; онъ князю преданъ и вѣруетъ по нашимъ римскимъ уставамъ; а Меѳодій еретикъ, онъ проклятъ Викингомъ напрасно, за это я прокливаю Меѳодія и учениковъ его, а славянскую службу запрещаю навсегда. Въ области римскаго патріарха не будетъ мѣста тому, кто отъ Меѳодія наученъ. Кто станетъ служить по славянски, тотъ да будетъ изгнанъ изъ моравской земли.»

Съ эту грамотой прїѣхалъ Викингъ въ Велеградъ. У Нѣмцевъ у всѣхъ прибавилось бодрости; они прочли народу писаніе папы римскаго. Славяне печальныи стали, но нечего имъ было дѣлать.

Пришли нѣмецкіе священники въ темницу и воинъ съ собою много привели; воины тоже были Нѣмцы. И велѣли нѣмецкіе священники этимъ воинамъ взять учениковъ Меодія и увести ихъ вонъ изъ города, потомъ сказали мученикамъ славянскимъ: «Кто изъ васъ опять покажется въ Моравіи, того мы смертию казнимъ; уходите куда знаете и благодарите насъ, что мы нынѣ васъ не убили». Когда вышли воины съ мучениками изъ Велеграда, то сняли съ нихъ одежды, нагими повели ихъ; а холодъ былъ сильный, осень стояла тогда, и погода была ненастная. Не повели Нѣмцы изгнанниковъ по большимъ дорогамъ, а вели ихъ лѣсами и оврагами, по самымъ частымъ зарослямъ. Камни острые рѣзали ноги святымъ угодникамъ, вѣтви колючія тѣла ихъ царапали, кровь текла изъ ранъ и кровавый слѣдъ на землѣ оставался. Нѣмцы всѣ были при мечахъ и съ копьями длинными. Показалось Нѣмцамъ, что Славяне еще мало страдали. Вынули Нѣмцы свои мечи, поставили славянскихъ священниковъ въ рядъ и замахнули мечи надъ ихъ головами, потомъ опустили мечи и дальше пошли, сказали: «мы только хотѣли узнать, боитесь ли вы смерти?». Черезъ нѣсколько верстъ опять остановились Нѣмцы и копья свои въ славянскихъ священниковъ нацѣлили, какъ будто заколоть ихъ хотѣли; потомъ опять дальше двинулись. Славяне все время пока шли, читали молитвы тихимъ голосомъ, каждый про себя. И весь день воины нѣмецкіе стращали Славянъ смертію. Когда же солнце низко было, Нѣмцы бросили Славянъ въ лѣсу, пошли обратно въ Велеграду, говорили между собою: «ночью звѣри ихъ разорвутъ».

Остались одни Климентъ и Гораздъ, Лаврентій, Наумъ и Ангеларій, и стали думать: «Куда мы денемся?» Климентъ сказалъ: «Намъ дорога въ Болгарію; тамъ князь Борисъ добрый, Бога оупь боится; Борисъ приметъ насъ». И сказали всѣ: «пойдемъ въ Болгарію!». Посидѣли святые страдальцы, отдохнули, толковали промежъ себя: «Кирилль и Меѳодій оставили намъ богатство нетлѣнное и мы его умножить должны, а не затерять; оно съ насъ взыщется, богатство это—славянская грамота и служба славянская; мы будемъ въ Болгаріи служить обѣдни по славянски. Въ Евангеліи написано: *Егда же поиятъ вы во градъ семо, бѣгайте въ друій* (Мѳ. гл. 10, 23). И дальше пошли изгнанники: добрали въ одну деревню, деревенскіе люди ихъ накормили и одежды имъ дали, чтобъ тѣла ихъ отъ стужи укрыть. Переночевали въ этой деревнѣ ученики Меѳодія, разспросили дорогу и опять пошли. Пришли къ Дунаю—рѣкѣ, посмотрѣли во всѣ стороны, нѣтъ ли гдѣ перевозу?—нѣтъ, не видно. Стали броду искать и тоже не нашли. На берегу стояла роща, въ ней три дерева были повалены. Моравскіе священники сложили ихъ вмѣстѣ, раздобылись тутъ же въ рощѣ липовую корою и связали эти бревна,—вышелъ плотъ. Ученики Меѳодія спустили его на воду, перекрестились и сами встали на него, и поплылъ этотъ плотъ противъ вѣтра—прямо на другую сторону; никто плотомъ не управлялъ; угодники Божіи стояли и молились.

На томъ берегу уже болгарская земля начиналась. Вышли странники на сушу, скоро прибыли въ Бѣлградъ. Тамъ сидѣлъ на воеводствѣ Боритиканъ, бояринъ князя Бориса. И услыхалъ воевода, что пришли въ городъ люди незнакомые, старые съ виду, одѣты худо, а не просятъ милостыни, говорятъ съ народомъ, и такъ хорошо говорятъ, все о Богѣ. Боритиканъ велѣлъ этихъ людей къ себѣ привести и спросилъ: «кто они и откуда идутъ?». Странники ему рассказали о себѣ. Тогда воевода подумалъ: «Отправлю я ихъ къ нашему

князю; онъ такихъ людей любить; онъ приказывалъ, чтобъ къ нему присылали всѣхъ монаховъ и старцевъ богомольныхъ, какіе будутъ заходить въ Болгарію. Боритиканъ далъ напередъ отдохнуть моравскимъ священникамъ, а затѣмъ отправилъ ихъ на коняхъ къ Борису. Князь болгарскій принялъ странниковъ. Когда же узналъ, кто они, то перекрестился князь передъ образомъ и воскликнулъ: «Видно милостивъ Богъ ко мнѣ и къ народу моему, что привелъ въ мое царство избранныхъ своихъ служителей, мучениковъ за вѣру. Почѣловалъ Борисъ каждого изъ старцевъ и сказалъ имъ: «останьтесь у насъ; мы укроемъ васъ отъ враговъ и старость вашу успокоимъ».

И велѣлъ Борисъ своимъ слугамъ отмыкать кладовья и принести хорошія священническія одежды; далъ эти одежды своимъ гостямъ, потомъ назначилъ имъ на житье самые лучшіе дома во всемъ городѣ. Каждый день началъ ходить Борисъ то къ одному, то къ другому изъ славянскихъ священниковъ, спрашивалъ у нихъ, какъ Меодій умеръ и какія въ Моравіи дѣла стали; еще любилъ Борисъ слушать сказанія о томъ, какъ въ древнія времена много было святыхъ людей и чудеса бывали безчисленныя.

И народу болгарскаго много перебывало у моравскихъ изгнанниковъ: они всѣхъ поучали; начали они служить обѣдни по славянски, еще больше народу стало собираться, иные издалека шли. Близъ болгарской земли жили Сербы: отъ нихъ тоже много приходило богомольцевъ. Хорошо было жить ученикамъ Меодія въ Болгаріи. Но они уже были стары; отъ прежнихъ обидъ и несчастій изболѣли тѣла ихъ и души истомились. И началъ Богъ призывать ихъ одного за однимъ къ себѣ на отдыхъ, въ небесныя обители. Всѣхъ старше лѣтами былъ Ангеларій. Онъ умеръ всѣхъ скорѣе, Гораздъ немного тоже пожилъ. Затѣмъ преставился Лаврентій. Климентъ и Наумъ жили дольше. Послѣ Горазда Климентъ былъ поставленъ во епископы; онъ много по-

трудился для болгарскаго народа: не малое число людей болгарскихъ научилъ грамотѣ и посвятилъ во священники; все они служили по славянски. Климентъ скончался, когда въ Болгаріи было уже семь соборныхъ храмовъ и когда служба славянская твердо стала въ болгарской землѣ.

Въ Моравіи семь лѣтъ былъ епископомъ Викингъ; онъ служилъ по латыни и былъ не любъ Моравянамъ. Послѣ семи лѣтъ Святополкъ одумался, сталъ каяться передъ Богомъ въ своихъ злыхъ поступкахъ. Началъ Святополкъ войну съ Нѣмцами. Тогда Викингъ отъ него ушелъ къ Арнульфъ. Бросилъ Викингъ ходить въ черныхъ ризахъ, сдѣлался бояриномъ. Богъ не привялъ покаенія князя моравскаго. Сбылось надъ Моравіей пророчество Меѳодія. Святополкъ умеръ, когда война еще не кончилась. Отъ него осталось сыновей трое; они заспорили, какъ землю дѣлить и кому быть старшимъ въ родѣ. Нѣмцы рады были смутамъ, старались братьевъ разлучать, потомъ нападали на нихъ, на каждаго порознь, и побѣждали ихъ.

Нѣсколько лѣтъ раньше Угры снялись съ приднѣпровскихъ степей и двинулись на западъ; на пути своемъ все жгли и губили. Остановились они на Дунаѣ близъ моравскаго княжества, стали бродить въ тѣхъ мѣстахъ. А когда разгорѣлась у Славянъ война съ Нѣмцами, то Угры опять вдругъ бросили свои кочевья и пошли все разомъ на Моравію. Было сраженіе; сыновья Святополка были убиты. И заволокли Угры моравскую землю и Паннонію. Съ тѣхъ поръ никогда въ Моравіи не было своихъ князей. Когда моравское государство пропало, Нѣмцы и другихъ Славянъ стали крѣпче гнуть подъ свою власть. Въ Чехіи и въ Польшѣ поставлены были по приходамъ нѣмецкіе священники, а славянскихъ священниковъ Нѣмцы притѣснили и оскорбляли, даже вовсе изгоняли прочь. Скоро въ Чехіи и въ Польшѣ не стало слышно въ церквахъ славян-

ской службы. Теперь Чехи и Поляки молятся Богу по латыни и вѣруютъ въ Духа Святаго не такъ, какъ училъ Меѳодій, не такъ, какъ вѣровали апостолы и все святые.

До Болгаріи Нѣмцамъ далеко, они тамъ ничего не могли повредить. И осталась въ Болгаріи вѣра православная, и грамота славянская осталась даже до нашего времени. Климентовы ученики, священники и монахи болгарскіе, ходили на востокъ, на рѣку Днѣпръ, проповѣдывали христіанскую вѣру Славянамъ русскимъ. Русскіе люди благодать Божію принимали, шли на призывъ Господень, крестились. Съ начала крестились не по многу вдругъ, а послѣ было великое крещеніе русскаго народа при князѣ Владимірѣ.

Болгарскіе проповѣдники приносили съ собою книги славянскія и служили по славянски, и оттого перешла славянская грамота въ Россію. И сбереглось у русскіхъ Славянъ богатство нетлѣнное, что оставили Кирилль и Меѳодій ученикамъ своимъ. И умножилось это богатство: разошлась грамота славянская на всю русскую землю по лѣсамъ и по степямъ до морей дальнихъ.

Книги наши церковныя теперь тѣ самыя, что Кирилль и Меѳодій переводили; писаны буквами тѣми, что Кириллу отъ Бога были явлены; и молитвы у насъ въ церквахъ поются тѣ же, что Кирилль и Меѳодій сложили.

Сѣяли Кирилль и Меѳодій сѣмя Божіе у западныхъ Славянъ, да только тамъ его птицы выклевали, а на Русь нѣсколько зеренъ залетѣло, но упали они на добрую землю и дали плодъ сторичный. Цѣлую тысячу лѣтъ русскій народъ слушаетъ и читаетъ Слово Божіе на языкѣ для всѣхъ понятномъ, и научается русскій народъ премудрости Божіей, а Божія премудрость выше всякой мудрости людской, все равно какъ солнце на небѣ краше всѣхъ огней, отъ рукъ человѣческихъ зажженныхъ. Въ земляхъ латинской вѣры священники

одни вѣру знаютъ, потому что они одни умѣютъ читать церковныя латинскія книги и мірянамъ уже отъ себя ихъ толкуютъ. А въ Россіи церковныя книги на славянскомъ языкѣ, и всѣ православные христіане могутъ эти книги читать и разумѣть. Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ говорилъ про ученіе Свое святое: *иже кто жаждетъ, да придетъ ко мнѣ и пьетъ* (Іоан. гл. 7, 37); и еще говорилъ: *иже пьетъ отъ воды, юже я дамъ ему, не жаждетъся во вѣки* (Іоан. гл. 4, 14). У латиняниъ эту воду черпаютъ лишь священники и люди простые по малу пить даютъ, а у насъ весь источникъ передъ всѣми течетъ, и каждый человекъ можетъ прийти и брать для души своей просвѣщеніе и пользу. Каждому человеку у насъ и книги доступны, и служба Божія въ церквахъ понятна вся.

И крѣпко ученіе Христово въ русскихъ душахъ. Приходили на насъ Татары и Литва, и Шведы, и додесять языковъ, но удержалась въ Россіи нерушимая православная истинная вѣра. Не сойдетъ народъ русскій съ пути правды Божіей, потому что знаетъ этотъ путь. Не погубятъ люди русскіе Христовой вѣры, потому что имъ эта вѣра открыта. Открылъ же Богъ свою вѣру русскимъ людямъ и всему славянскому племени черезъ апостоловъ своихъ, святыхъ Кирилла и Меодія.

ОСТРОЖСКАЯ ТИПОГРАФІЯ

И ЕЯ ИЗДАНІЯ.

(Продолженіе).

Кромѣ этихъ двухъ свидѣтельствъ, приведенныхъ г. Скабалановича, С. Т. Голубевъ приводитъ еще третье свидѣтельство Тарасія Земки изъ предисловія послѣдняго къ служебнику, изданному Петромъ Могилою (1629 года, съ разрѣшенія кievскаго собора) (213).

(213) Вибліогр. замѣч. стр. 22.

На русскую церковь, говоритъ Земка, несправедливо возвели обвиненіе, служащее предметомъ особенныхъ укоровъ и порицаній православныхъ «аки бы мы въ образѣ, а не въ истинѣ причащались быхомъ и не исповѣдали предложенія существъ хлѣба и вина въ существо тѣла и крове Христовы» (214). Указывая на неосновательность такого обвиненія западно-русской церкви и согласіе ея въ ученіи о таинствѣ Евхаристіи съ ученіемъ древней православной церкви, онъ выставляетъ всю несостоятельность подобнаго обвиненія и его основаній. «А еже безстудиѣ и братоненавистиѣ творять, замѣчаютъ Т. Земка, яко единого нѣкоего случающася иновѣрна мнѣніе всей церкви нашей въ благовѣрїи и богословіи неззорной навлачаютъ. О безсовѣстіа! Когда церковь Филалета реченнаго събориѣ прїять; когда отъ него издаиное похвали и утверди; гдѣ въ училищахъ, гдѣ въ церквахъ отъ амвона людемъ прочитовашеся; кто изъ него догматъ вѣры снисковаше; кто когда учителя его нарече и отъ него прѣвїе къ противнымъ извѣщаше; ни единому же сихъ въ истину бысть. Аще же писаше: аки мірскій отъ мірскіа повелѣпъ власти, яже къ съставленію, множае паче къ утверженію догматъ вѣры отъ святыхъ отецъ уже запечатлѣнныхъ ничтоже иматъ, и ничтоже есть. Къ сему писаше, яко слуга своего отицающа господина, ему же разгнѣвавшуся на коего-либо челоуѣка вси домашїи, раби и питомци его о томъ его вразѣ негодовати и самыя псы нанъ лаяти обыкоша. Тѣмъ же еже единъ нѣкто случивыйся и странный по своей ему воли и разуму написа, сіе церкви налагати нечестиво есть въ истину и душегубительно» (215). При подобномъ подтвержденіи латиноунїатскихъ свидѣтельствъ, кажется, не можетъ быть

(214) Ibid.

(215) Лит. Свѣдѣніе, си есть служебнїеъ. Кїевъ 1629 г. Предисловіе къ священному читателю. Листъ 3—4 по читатѣ С. Голубева. Библиографическія замѣчанія стр. 22—23.

заподозрѣна ихъ достовѣрность, но тѣмъ не менѣе приведши мнѣнія Мужиловскаго и Диплица, г. Скабалановичъ видитъ въ нихъ только уступку со стороны православныхъ униатско-католической партіи. Чѣмъ православные, говоритъ г. Скабалановичъ, могли доказать чистоту побуждений Филалета даже тогда, еслибы сами не сомнѣвались въ ней? Чѣмъ они могли опровергнуть латино-униатовъ, такъ настойчиво обличавшихъ Филалета въ притворствѣ, въ неискренности принятіи православнаго ученія? Единственнымъ фактическимъ доказательствомъ безупречности его сердечныхъ стремленій — былъ Апокрисисъ, но и тотъ заподозрѣнъ врагами. Послѣ этого православнымъ ничего не оставалось дѣлать, какъ очистить предварительно Апокрисисъ отъ подозрѣній; *благоразуміе* отъ нихъ требовало, согласившись съ противниками въ томъ, что Филалетъ, можетъ быть, и не искрененъ, можетъ быть, и по прежнему остается еретикомъ; вслѣдъ за этою уступкою, обратиться къ Апокрисису и доказать, что чѣмъ бы Филалетъ ни оставался для враговъ — православнымъ-ли еретикомъ-ли во всякомъ случаѣ въ его произведеніи, въ Апокрисисѣ, нѣтъ ничего еретическаго. Такъ и поступилъ Диплицъ (216).

Но подобная *благоразумная* уступчивость — будетъ по меньшей мѣрѣ, странна, если принять во вниманіе, что сужденія эти были высказаны 30 лѣтъ спустя послѣ изданія Апокрисиса, и какъ православные, такъ и латино-униаты, въ этотъ періодъ могли убѣдиться въ искренности или притворствѣ Филалета. Пребываніе его въ православіи могло быть лучшимъ доказательствомъ этой искренности и чистоты побуждений въ предпринятой имъ защитѣ православія, но на него не указываютъ православные, считая болѣе *благоразумнымъ* оттолкнуть его отъ себя. Фактъ искренняго обращенія протестанта и самая защита имъ православной церкви,

по справедливому замѣчанію С. Голубева, могъ служить лучшимъ доказательствомъ истинности православнаго вѣроисповѣданія, было бы поэтому гораздо естественнѣе представить дѣло въ надлежащемъ его видѣ и сравнить автора Апокрисиса не съ Иудею предавшимъ Христа, а съ апостоломъ Павломъ, ставшимъ изъ жаркаго гонителя христіанства ревностнымъ его слугою (217).

Самое содержаніе Апокрисиса не исключаетъ возможности протестантскаго авторства, напротивъ, нѣкоторыя мысли носятъ на себѣ довольно ясный отпечатокъ послѣдняго. Мы не будемъ съ настоятельностью указывать на преувеличенія авторомъ права мірянъ въ ихъ участіи въ дѣлахъ церкви, такъ какъ подобная крайность могла появиться какъ противовѣсъ Скаргѣ, совершенно исключавшемъ вмѣшательство мірянъ въ дѣла, касающіяся вѣры и церковнаго управленія. Патріархъ Александрійскій, Мелетій, въ своихъ письмахъ къ православнымъ западной русской церкви облекаетъ православныя братства (которыя, какъ извѣстно, состояли исключительно изъ мірянъ) не менѣе важными полномочіями. Поищемъ поэтому болѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ мнѣній, исключаяющихъ возможность подобныхъ возраженій, которыя съ другой стороны придадутъ значеніе и этому первому положенію о мірянахъ, указывая на источники его происхожденія. (Но, прибавляемъ, само по себѣ оно не имѣетъ доказательной силы). Къ такимъ мѣстамъ Апокрисиса, рѣзко изобличающимъ неправославіе автора, относится взглядъ его на пресуществленіе въ таинствѣ Евхаристіи. Разбирая положеніе Скарги о мнимыхъ преимуществахъ римско-католическаго духовенства предъ православнымъ, Филалетъ съ ироніей замѣчаетъ, что дѣписатель забылъ указать на болѣе видныя качества римскихъ священниковъ, по которымъ другіе измѣряютъ и выставляютъ народу ихъ достоин-

(217) Библіогр. замѣчч стр. 25

ство, превосходство и призваніе... (218). Дальшій
слова мы приведемъ въ польскомъ подлинникѣ и древне-
южно-русскомъ переводѣ по острожскому изданію Апо-
крисиса: *оце гдѣши жекуден га огад атыватодорн*

„Jako jest owo, co, na fun- Яко есть ово, што, на фунда-
mentencie swey zmysloney ментѣ своей *змышленой* *транс-*
*substancjacji*ey postano- *субстанціаціей*, або престо-
wiwszy napisal, iż každy ченью или премѣненья постави-
kaplan Rzymski jest Stwor- ши написаль, и жь кождый на-
zyciela swego stworzycie- ланъ Римскій есть Створителъ
lem“ (219).... своего створителемъ.... (220)

При такихъ несомнѣнныхъ доказательствахъ протестантизма автора Апокрисиса, заключающихся въ этомъ сочиненіи, мы не исключаемъ однако искренности автора, которая звучитъ въ его словахъ, особенно гдѣ дѣло идетъ о главенствѣ папы и его всеобщемъ значеніи для христіанскаго міра. Но эта искренность нисколько не доказываетъ, какъ думаетъ г. Скабалановичъ (221) православія автора и вполнѣ естественна съ нашей точки зрѣнія. Вопросы о папствѣ, о значеніи Рима въ религіозномъ отношеніи были живыми, такъ сказать, въ-стами протестантизма, отсюда весьма естественна и понятна та возбужденность автора, съ какою онъ опровергаетъ несостоятельность римско-католическихъ взглядовъ на этотъ предметъ, и было бы даже неправдоподобно предположить въ немъ какое либо притворство и лицемеріе въ этомъ случаѣ. Положеніе православныхъ въ юго-западной Руси и Польши было одинаково съ положеніемъ тутъ и протестантовъ, почему не было даже натяжки въ защитѣ православныхъ послѣдними: являлась она какъ протестъ противъ ненавистнаго Римскаго гнета

(218) Кіевское издан. Апокрисиса 1870 г. стр. 282.

(219) Апокрисисъ въ рус. истор. библиот. т. VII стр. 170.

(220) Апокрисисъ Острожскаго изданія листъ 193. Въ рус. историч. библ. т. VII стр. 1712. СПб. 82 г.

(221) Изслѣд. объ Апокрисисѣ стр. 18.

и притязаній папства, равно ненавистныхъ для тѣхъ и другихъ....

При всѣхъ подобныхъ соображеніяхъ, заставляющихъ принять свидѣтельства польскихъ писателей о вѣроисповѣданіи автора Апокрисиса, съ другой стороны нѣтъ основаній не согласиться съ извѣстіемъ Стебельскаго, дополняющимъ предшествовавшія, — что авторомъ его дѣйствительно былъ протестантъ Христофоръ Бронскій, писавшій означенное сочиненіе по порученію князя Острожскаго и получившій отъ послѣдняго мѣстечко Вильскъ. Соображеніе автора предисловія къ Кіевскому изданію Апокрисиса, отвергающее справедливость этого извѣстія на томъ основаніи, что если Острожскій поручилъ Филалету писать въ защиту православія или принять и издалъ написанное имъ сочиненіе; то безъ сомнѣнія потому, что считалъ Филалета православнымъ (222), слишкомъ шатко за неимѣніемъ исторической почвы. Тѣ данныя, какія мы имѣемъ, напротивъ, говорятъ не въ пользу подобнаго положенія. Мы видимъ, что Острожскій еще прежде дѣлалъ попытки воспользоваться литературными услугами ученыхъ протестантовъ противъ католичества. По его, напримѣръ, порученію протестантъ-сочиціанинъ Мотовило пишетъ опроверженіе на книгу Скарги „*O jedności kościoła Bożego*“ (1577) (223) и если къ подобнымъ же услугамъ иновѣрца обратился князь послѣ пресловутаго Брестскаго собора (1596) для опроверженія Скаргиной обороны его дѣяній, то нѣтъ ничего безпримѣрнаго въ подобномъ поступкѣ. Въ протестантахъ Острожскій видѣлъ защитниковъ погранныхъ правъ диссидентовъ, борцовъ за ихъ политическую равноправность, и съ этой стороны услуги ихъ для православныхъ, хотя и косвенныя, были очевидны. Ко времени Брестской уніи, когда православные епископы

(222) Предисл. къ Кіевск. изданію Апокрисиса 1870 года стр. XXXIII.

(223) Сказан. Курбск. т. II стр. 281—282.

вступили въ сношенія съ папой, чтобы подчинить папскому престолу западно-русскую церковь, Острожскій могъ не понять всей важности подобнаго союза для ниспроверженія замысловъ папской партіи. Съ этою цѣлью, чтобы разстроить планы униі, онъ рѣшился даже принять дѣятельное участіе въ протестантскомъ соборѣ въ Торунѣ, куда и былъ отправленъ съ инструкціями князя панъ Лустовскій (12 Августа 1598 г.) (224). Въ этой инструкціи князь, жалуясь на стѣсненіе въ Польшѣ свободы христіанскихъ исповѣданій, кромѣ одного латинскаго, увѣрялъ, между прочимъ, протестантовъ, что *какъ прежде былъ къ нимъ расположенъ, такъ остается и теперь расположеннымъ, и всякое притѣсненіе имъ считается за обиду себя*, приглашалъ ихъ соединиться противъ латинянъ съ православными и общими силами отстаивать свои исповѣданія (225).

Одинаковость извѣстнаго положенія, одна общая опасность сближаетъ людей различныхъ взглядовъ, убѣжденій, которыя ступшеваются, отходятъ на задній планъ, всѣ силы ихъ духа сосредоточиваются на рѣшеніи одной задачи — найти возможно-лучшій выходъ изъ своего стѣснительнаго, опаснаго положенія. Таково было теперь положеніе въ Польшѣ какъ православныхъ, такъ и протестантовъ; оно заставляло ихъ искать другъ друга взаимной поддержки. Подобная близость къ протестантству отразилась отчасти во взглядахъ православныхъ относительно протестантскаго исповѣданія. Въ письмѣ къ своему внуку Янушу Радзивилу (226), князь Острожскій называетъ протестантство истинной религіей, а протестантовъ истинными христіанами. „Jesli jego podobno“ Раі Woewoda Wileński, пишетъ Острожскій въ своемъ

(224) Истор. Рус. Церкви Макарія т. IX стр. 603.

(225) Ibid. стр. 604.

(226) Дочь князя Острожскаго Екатерина была въ замужествѣ за Христофоромъ Радзивиломъ, воеводою виленскимъ, княземъ на Биржахъ и Дубнигахъ. Янушъ былъ рожденъ отъ этого брака

письмѣ, отъ 14-го Апрѣля 1585 года, Jesli jego mość Pan Woiewoda Wileński, Ociec W. Mości, iezdzi na wilczku do zboru, w którym są prawdziwi wyznawcy Krystusowi y pod dwiema osobami sakramentów, tak iako i my wostoczni używamy, to jego Mość dobrze działa“ (227).

Подобныя указанія, кажется, достаточны для того, чтобы съ опредѣленною высказаться о вѣроисповѣданіи Филалета, но все таки они не представляютъ данныхъ, по которымъ бы можно было сказать о его личности болѣе сказаннаго. Мнѣнія относительно мѣста, на примѣръ, его воспитанія (въ Прагѣ и Ольмюцѣ) (228) составляютъ только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, которыя и останутся такими за неимѣніемъ точныхъ основаній для подобнаго вывода, поэтому мы не будемъ задаваться этимъ вопросомъ. Если мы и остановились слишкомъ долго на вопросѣ о вѣроисповѣданіи автора Апокрисиса, на литературной полемикѣ по этому поводу, то лишь потому, что считали этотъ вопросъ слишкомъ важнымъ, чтобы категорически поставить его рѣшеніе, не приведя его основаній.

Въ заключеніе этой главы мы скажемъ нѣсколько словъ о первомъ Острожскомъ типографѣ Иванѣ Ѳеодоровѣ, московскомъ первопечатникѣ. Быть можетъ покажется страннымъ отводимое ему мѣсто, нарушающее тотъ хронологическій порядокъ, которому мы слѣдовали сначала. Но, мы главнымъ образомъ имѣли въ виду не хронологическую послѣдовательность лицъ, а значеніе ихъ дѣятельности. Мы далеки, впрочемъ, отъ мысли умалять значеніе Ѳеодорова, для этого оно слишкомъ очевидно. На первомъ планѣ мы поставили полемистовъ Острожской типографіи, тогда какъ въ этомъ отношеніи нашъ типографъ не можетъ занять этого мѣста; дѣятель-

(227) Матеріалы для исторіи Западно-Русской Церкви. Степана Голубева въ Трудахъ Кіевской дух. Академіи за 1878 годъ, кн. III стр. 27.

(228) Предисл. къ Кіевск. изд. Апокрисиса 70 года стр. XII. Малышевскаго.

ность его была уже, такъ сказать, исполнительная, инициатива ея принадлежала другимъ. Иванъ Ѳеодоровъ—уроженецъ села Гостуни, Лихвинскаго уѣзда, Калужской губерніи, до начала своей типографской дѣятельности служилъ діакономъ въ московской кремлевской церкви св. Николы Лынянаго, извѣстной (по перенесеніи сюда чудотворной иконы изъ села Гостуни) подъ именемъ церкви Николы Гостунскаго. Это было въ то время, когда въ Москвѣ царь Иванъ Васильевичъ и митрополитъ Макарій были озабочены, какъ бы изряднѣе произвести отъ письменныхъ книгъ печатныя, ради крѣпкаго исправленія и утвержденія и скорого дѣланія (229) и дѣлались попытки въ этомъ родѣ. Въ 1548 году царь пытался вызвать знатоковъ типографскаго дѣла изъ Германіи, но прибалтійскіе нѣмцы, изъ ревности не пропустили ихъ въ Россію. Пришлось обратиться въ другое мѣсто, и, повидимому, эта попытка сопровождалась большимъ успѣхомъ: въ Россію былъ присланъ изъ Даніи типографъ Гансъ Миссенгеймъ. Но введеніе книгопечатанія обуславливалось главнымъ образомъ распространеніемъ на Руси протестантства. Гансъ привезъ съ собою лютеранскій катихизисъ, аугсбургское исповѣданіе и Библию, и, какъ значилось въ королевской грамотѣ, долженъ былъ перевести ихъ на русскій языкъ и напечатать во множествѣ экземпляровъ въ видахъ пропаганды лютеранскихъ идей (230). Подобныя условія не были приняты и Гансъ Миссенгеймъ былъ спроваженъ обратно «за море». Но изъ этой однако миссіи «человѣка люторскія вѣры» Москва, какъ полагаетъ А. Петрушевичъ, — галицкій ученый (231), извлекла сначала все что ей нужно было, кромѣ непригоднаго протестантства. Пока Гансъ разби-

(229) «Странникъ» за 1883 годъ 12 кн. стр. 701.

(230) «Странникъ» за 83 г. книга 12 стр. 701.

(231) Брошюра А. Петрушевича объ Иванѣ Ѳеодоровѣ. Львовъ 1883 года.

ралъ шрифты, разставлялъ станки, да дѣлалъ пробы, приданные ему въ ученики Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Метиславцевъ произошли всю его премудрость. Книгопечатаніе такимъ образомъ начинается у насъ болѣе или менѣе самостоятельно и первымъ организаторомъ типографскаго дѣла является Иванъ Ѳеодоровъ. По приказанію царя, въ 1553 году стали строить домъ для будущей типографіи, а Ивану Ѳеодорову и его товарищу было поручено подыскивать и учить мастеровъ и завести все необходимое для начала русскаго книгопечатанія. Нашъ діаконъ, какъ оказывается, не только умѣлъ самъ печатать и набирать книги, но и отливать литеры и вырѣзывать матрицы (формы), которыя должны служить для ихъ отливки (232). Чуть только чрезъ десять лѣтъ, затраченныхъ на предварительныя приготовленія, типографіи открыла свою дѣятельность изданіемъ «Апостола» (1 Марта 1564 года) и «Часовника» (29 Октября 1565 года). Съ злобнымъ чувствомъ ненависти отнеслись къ этой дѣятельности Ѳеодорова, вводящаго переворотъ въ книжномъ дѣлѣ, тѣ, для которыхъ списываніе книгъ служило единственнымъ средствомъ существованія. Въ типографскомъ станкѣ они увидѣли сильную конкуренцію, противъ которой имъ не было возможности бороться иначе, какъ только посредствомъ различныхъ навѣтовъ, поселивъ недовѣріе къ подобному нововведенію. Первымъ средствомъ для этого въ московской руси того времени было обвиненіе въ ереси, не минуло оно и Ѳеодорова. Онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Москвы. Съ тихой безропотной грустью и только въ общихъ выраженіяхъ отзывается Ѳеодоровъ о московскихъ событіяхъ, спустя много времени послѣ этого въ предисловіи къ Львовскому изданію Апостола (233). «Сія убо не туне начахъ повѣдати вамъ, го-

(232) Странникъ 83 т. 12 кн. стр. 702.

(233) Профессоръ Кояловичъ въ своей юбилейной замѣткѣ «въ трехсотлѣтію смерти русскаго первопечатника» помѣщен-

ворится въ этомъ предисловіи, но презѣльнаго ради озлобленія, часто случавшагося намъ, не отъ самаго государя, но отъ многихъ начальникъ и священноначальникъ, и учитель, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли, хотячи благое въ зло превра-

ной (въ одномъ изъ декабрскихъ №№) въ «Новомъ Времени» за 1882 годъ и перепечатанной въ Волинскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ (за декабрь того же года) высказывасть положеніе, что въ этихъ преслѣдованіяхъ Федорова высказалось не одно невѣжество русскихъ, но, напротивъ, въ этомъ они руководились гораздо болѣе разумными соображеніями. «Далеко не одно невѣжество, говоритъ г. Кояловичъ, изгнало Федорова изъ Москвы и вовсе, не озлобленіе выражалось въ жизни и дѣлахъ Федорова. вмѣсто того и другого въ исторіи Федорова, въ исторіи нашего книгопечатанія сказалось нѣчто другое—нѣчто исключительное, наше, русское и такое дорогое, что было бы великимъ грѣхомъ нашего времени не понять и не сложить въ нашихъ сердцахъ этого своего, русскаго, роднаго». Въ западной Европѣ книгопечатный переворотъ не могъ сопровождаться какими-либо подобными послѣдствіями какъ у насъ, тамъ книжное дѣло касалось только школы и интеллигенціи, но не касалось народа. «У насъ, продолжаетъ Кояловичъ, было совсѣмъ иначе. У насъ дѣло рукописное, дѣло писанія и списыванія рукописей, на родномъ языкѣ легко доступное всякому желающему, было дѣломъ народнымъ, чувствительнымъ всей массѣ народа. Книгопечатаніе у насъ было народнымъ переворотомъ и переворотомъ на первое время понижающимъ просвѣщеніе, потому что никакое чтеніе книги не дастъ того, что дастъ списываніе ея, и потому еще, что печатаніе сразу подавляло массу переписывающихъ и подавляло не только въ практической жизни, но и въ умственной и нравственной. Хотя самъ Федоровъ, по мнѣнію г. Кояловича, глядѣлъ дальше этого переходнаго времени, переносясь своимъ орлинымъ взоромъ въ болѣе или менѣе отдаленное будущее, когда польза его дѣла станетъ несомнѣнно—очевидною для всякаго, но не могъ онъ при всемъ этомъ осуждать этой народной вражды. «Какъ славянину, какъ русскій онъ, безъ сомнѣнія, чувствовалъ своимъ добрымъ сердцемъ внутреннюю правду изгонявшихъ его (?), и потому-то въ его показаніяхъ о своей судьбѣ нѣтъ ни слова о народной ярости противъ него, о разрушеніи его типографіи, о чемъ сохранились преданія» (Странникъ стр. 707 книга 12 1883 г.). Но подобное объясненіе, по нашему мнѣнію, погрѣ-

тити и Божіе дѣло въ конецъ погубити; якоже обычайъ есть злонравныхъ и не наученныхъ, и не искусныхъ въ разумѣ чловѣкъ, ниже грамматическія хитрости навывше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова бо есть

шасть противъ исторической правды. Его натапуность слишкомъ очевидна, признаніе ея сквозитъ даже въ нѣкоторыхъ, какъ бы вставочныхъ, мимоходныхъ замѣчаніяхъ г. Кояловича. Книжное дѣло далеко не было такимъ всеобщимъ и общедоступнымъ дѣломъ, какимъ представляетъ его въ данномъ случаѣ г. Кояловичъ: оно было, такъ сказать, наслѣдіемъ монастырей и духовенства и было, быть можетъ, еще недоступнѣе для массы, чѣмъ на Западѣ Европы. Нельзя не согласиться съ г. Кояловичемъ, что «никакое чтеніе книги не дастъ того, что даетъ списываніе ея», но нельзя съ другой стороны не видѣть той односторонности, къ которой оно приводитъ. Стоить только нѣсколько разъ переписать одно и то же, чтобы по собственному опыту убѣдиться какимъ притупляющимъ образомъ дѣйствуетъ этотъ механическій процессъ списыванія. Подмѣчаешь во всѣхъ детальнахъ подробностяхъ только вишнюю сторону, выучиваешь наизусть цѣлыя фразы, но при этой медленной, кропотливой работѣ ускользаетъ связующая нить цѣлаго произведенія, его общая идея. Отсюда отчасти понятна та приверженность къ «азамъ», какая высказалась въ московской руси во время книжныхъ исправленій; она была прямымъ слѣдствіемъ того, что г. Кояловичъ называетъ просвѣщеніемъ, которое приобретается посредствомъ списыванія книгъ. Малѣйшее измѣненіе въ самой орфографіи, пропускъ какого либо слова тотчасъ бросались въ глаза этимъ начетчикамъ и они стояли за букву въ ущербъ смыслу написаннаго. Переворотъ вводимый книгопечатаніемъ, подавляющій массу переписывающихъ преимущественно въ практической жизни, прекращая средства къ ней, послужилъ главнымъ мотивомъ изгнанія Феторова. Возбужденное мастерами книжнаго дѣла недовѣріе народа къ книгопечатанію было просто безсознательно, и напрасно г. Кояловичъ старается отыскать въ немъ высшіе мотивы и разумное обсужденіе всѣхъ послѣдствій вводимой реформы. Списываніе книгъ было въ народномъ представленіи, святымъ, богоугоднымъ дѣломъ, на которое смотрѣли какъ на подвигъ, какъ на средство къ достиженію спасенія; теперь же уничтожалось такое значеніе книгописанія, когда, при помощи печатнаго станка, являлась та или другая церковно-богослужбная книга сразу во множествѣ экземпляровъ.

зависть и ненависть—сама себѣ навѣтующи не разумѣть како ходить и о чемъ утверждается: сія убо насть отъ земли и отечества и отъ рода нашего изгна, и въ ины страны незнаемы пресели» (234).

Этой «незнаемой» страной была Литва, ставшая вторымъ отечествомъ Ѳеодорова, нашедшаго пріютъ въ Заблудовѣ, имѣнни «найвысшаго гетмана великаго княжества Литовскаго, Григорія Александровича Ходкевича, который принявъ московскихъ бѣглецовъ, снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ для устройства типографіи. Въ 1568—69 годахъ тутъ было напечатано Евангеліе учительное (in folio) и Псалтирь (235). Въ томъ же году (1569) скончался гетманъ Ходкевичъ; Мстиславцевъ перешелъ въ Вильну къ Мамоничамъ и принялся тутъ за устройство типографіи, а Иванъ Ѳеодоровъ, покинувъ подаренную Ходкевичемъ деревню, съ той же цѣлью отправился во Львовъ. Всею душой преданный своему дѣлу, онъ не хотѣлъ промѣнять его на удобства жизни, считая непристойнымъ коротать ее въ помѣстьѣ, когда въ рукахъ у него было художество книжное. «Неудобно ми бѣ раломъ ниже сѣмень сѣяніемъ время живота своего съкращати, такъ рассказываетъ о себѣ Ѳеодоровъ»

При такихъ обстоятельствахъ не трудно было представить въ глазахъ народа подобное нововведеніе ересью, дьявольскимъ измышленіемъ; такъ дѣйствительно и сдѣлали тѣ, интересы которыхъ страдали отъ замѣны книгописанія печатаніемъ. Не внутреннюю правду изгонявшихъ его чувствовалъ Ѳеодоровъ въ поднятомъ противу него возбужденіи и враждѣ, а видѣлъ всю бессознательность этого чувства, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ онъ строго судить за это гнавшую его чернь, когда даже близко стоящіе къ книжному дѣлу люди, отъ которыхъ онъ по праву могъ ожидать только поддержки, возбуждали противъ него народныя массы. Съ христіанскимъ терпѣніемъ отнесся онъ къ этимъ жизненнымъ невзгодамъ, причиненнымъ соотечественниками, потому что они, въ его глазахъ, «не вѣдали что творили».

(234) Странникъ за 1883 годъ книга 12 стр. 705.

(235) Полн. собр. соч. М. А. Максимовича т. III стр. 664.

ровъ въ предисловіи къ львовскому изданію Апостола (1573—74 г.) (236), но имамъ вмѣсто рала художество паручныхъ дѣлъ; вмѣсто же съсуды житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселеннѣй разсѣвати, и всѣмъ по чину раздавати духовную сію пищу. Наипаче же убоялся истязанія Владыки моего Христа, непрестанно въпіюща ко миѣ: лукавый рабе и лѣннive, почто не вда сребра моего торжникомъ, и азъ пришедъ взялъ быхъ свое съ лихвою! И когда убо на уединеніи въ себе прихождахъ, множицею слезами моиими постелю мою омочахъ, вся сія размышляя въ сердцы своемъ, да быхъ не скрылъ въ земли таланта отъ Бога дарованнаго ми, и тужащу ми духомъ, сія глаголахъ: еда въ вѣки отриветъ Господь и не приложитъ благоволити паки, или до конца милость свою отсѣчеть, но притчи смоковничнаго неплодія, яко всеу землю упражняющу. Подъ вліяніемъ такихъ гнетущихъ его мыслей, покидаетъ Ѳедоровъ удобную жизнь въ своемъ помѣстьѣ для неизвѣстнаго будущаго, одушевляемый идеей великаго дѣла, на которое онъ смотритъ какъ на свое призваніе, какъ на талантъ дарованный ему Богомъ, возвращенія котораго потребуютъ у него съ лихвою, и ищетъ онъ новой дѣятельности на поприщѣ книгопечатанія въ городѣ Галицкой Руси, Львовѣ. И въ путь шествующу ми, пишетъ Ѳедоровъ, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точию долги ради путнаго шествія, но и презельному повѣтрію дышущу и путь шествія моего стѣсняющу; и просто рещи: вся злая и злыхъ злѣе. И тако промысломъ Божіа человѣколюбія до богоспасаемаго града Львова приидохъ, и вся яже на пути случающамяся ни во что же въбняхъ, да Христа моего приобрящу. Вся яже здѣ сну подобна и сѣни, преходятъ бо; яко же бо дымъ на воздухѣ благая и злая расходятся. (237).

(236) Ibid. стр. 665.

(237) Полное собраніе сочин. М. А. Максимовича томъ III стр. 665.

Въ Львовѣ, гдѣ давно уже было православное братство, и, какъ указываетъ надгробная надпись московскаго первопечатника, типографское дѣло, Федоровъ надѣялся найти болѣе удобную почву для сѣянiя духовныхъ сѣмянъ, болѣе подходящую среду для роста врученнаго ему таланта. Но не сбылись эти надежды, вмѣсто ожидаемаго религіознаго воодушевленiя, Федоровъ нашелъ здѣсь полное равнодушіе къ книгопечатному дѣлу. Много разъ, по его собственнымъ словамъ, обходилъ онъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ Львова съ поклонами и слезными мольбами, упросилъ священниковъ оповѣщать въ церквахъ о крайней необходимости поддержать его благое предпріятіе, но все было напрасно. Только «малы нѣщии въ іерейскомъ чинѣ, и ни же неславни въ мірѣ обрѣтошася, помощь подающе», рассказываетъ Федоровъ, не мню, отъ избытка имѣ сiа творити, но якоже оная убогая вдовица отъ лишениа своего двѣ лептѣ ввергшая» (238). Съ этимъ скуднымъ вспомошествованіемъ приступилъ онъ къ печатанію Апостола, окончивъ его 15-го Февраля 1574 года, т. е. почти ровно чрезъ десять лѣтъ послѣ изданiя въ Москвѣ той же книги (239). Но не посчастливилось тутъ Федорову. Вызванный Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ для устройства въ Острогѣ типографіи, онъ принужденъ былъ, для того чтобы имѣть возможность выѣхать изъ Львова, заложить еврею Израилю Якубовичу всѣ свои типографскія принадлежности и 140 экземпляровъ изданнаго во Львовѣ Апостола за 411 золотыхъ (240), и прибылъ въ Острогъ около 1580 г. Первымъ желаніемъ князя было напечатать полную и

(238) Странникъ 1883 г. кн. 12 стр. 710.

(239) Русскій Вѣстникъ 1872 г. кн. 5 стр. 340.

(240) По смерти Ивана Федорова, Израиль предъявилъ этотъ залогъ, требуя за него 1500 золотыхъ. Львовское братство заплатило жиду эти деньги, собравъ ихъ по міру въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и положило такимъ образомъ основаніе Братской типографіи.

исправленную Библию. Съ этою цѣлью давно уже были предприняты предварительныя работы по части исправленія текста, сличенія списковъ. Для этого капитальнаго изданія Ѳедорову пришлось приготовить все необходимое по типографскому дѣлу, отлить разной величины мелкіе шрифты церковно-славянскіе и греческіе (241). Всѣхъ шрифтовъ, приготовленныхъ имъ для печатанія Библии, шесть, но два изъ нихъ безъ сомнѣнія отлиты Ѳедоровымъ по прежнимъ матрицамъ—это первопечатный московскій и виленскій Петра Тимоѳеева, изъ типографіи Мамоничей (242).

Впрочемъ первую книгу, выпущенную изъ новоустроенной Острожской Типографіи была не Библия, а Новый Завѣтъ съ Псалтирюю. Это было какъ бы пробное изданіе предъ грандіознымъ трудомъ изданія Библии, предварительныя работы къ началу котораго тогда еще вѣроятно не были окончены. Напечатавъ въ томъ же 1580 году хронологію, а въ слѣдующемъ 1581 году полную Библию, которая долгое время служила оригиналомъ и образцомъ для изданій славянскихъ Библий, Иванъ Ѳедоровъ, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ причинъ и побужденій, опять возвратился во Львовъ, гдѣ до самой смерти не могъ выкупить своей типографіи. Онъ жилъ въ крайней бѣдности въ предмѣстьѣ Львова—Подзамче. Смерть, послѣдовавшая 1583 года 5 Декабря, избавила его отъ житейскихъ невзгодъ и постоянныхъ странствованій. Тѣло его похоронили на кладбищѣ при Онуфріевской братской церкви, гдѣ, вѣроятно уже гораздо позже, положена каменная надгробная плита. На ней, по сторонамъ герба стоитъ слѣдующая надпись: «Друкаръ Москвитянинъ, который своимъ тщаніемъ друковане занедбалое обновилъ, представися року 4487 декевр... Вверху надъ гербомъ слова: «Оупокоенія, воскресенія изъ мертвыхъ чаю», а внизу: «Друкаръ книгъ»

(241) Русскій Вѣстникъ 1872 г. кн. 5 стр. 341.

(242) Ibidem.

предъ тымъ невиданныхъ — слова, которые говорятъ краснорѣчивѣе богатыхъ и роскошныхъ памятниковъ...

Но было бы ошибочно думать, что указанными лицами ограничивался кружокъ дѣятелей Острожской типографіи. За ними слѣдуютъ, быть можетъ, еще десятыя именъ утраченныхъ для потомства. Найдовались тутъ замѣчаетъ Захарія Копыстенскій въ своей палиодіи и мовцы оному Демосфенови ровныи, и Сафанове и иные различные любомудрцы. Найдовались и докторове славныи, въ Греческомъ, Словенскомъ и Латинскомъ языкахъ выщѣчоныи. Найдовались и математикове и астрологове превыборныи. (243). Мы не будемъ вдаваться въ различныя гаданія относительно этихъ остальныхъ лицъ, ограничившись сдѣланными выше указанными, основанными на болѣе или менѣе точныхъ историческихъ данныхъ.

(Продолженіе впереди).

ЛѢТОПИСЬ ТЕКУЩИХЪ СОВЫТІЙ.

Движеніе Латышей и Эстовъ въ православіе.— Изъ Гансала въ эстонскую газету «Wirulane» пишутъ, что на островѣ Пія (Эстляндской губерніи) въ теченіе трехъ дней перешло въ православіе сто двадцать семь человекъ. Баптистскіи и ирвингянскіе миссіонеры оставили упомянутую мѣстность такъ какъ ихъ дѣятельность осталась безуспѣшною. По словамъ рижскихъ газетъ, въ окрестностяхъ города Тальсена около двухсотъ пятидесяти человекъ приняли православіе.

Газета «Свѣтъ» сообщаетъ о важномъ событіи готовящемся у береговъ Пейпуса: Эсты, населяющіе пространство отъ станціи желѣзной дороги Еве до самаго Пейпуса хотятъ сплошною массою перейти въ православіе.

— **Миссіонерская дѣятельность въ Уфимской епархіи.**— Въ видахъ усиленія и улучшенія миссіонерскаго

влияніа на инородцевъ обращенныхъ въ православіе, духовенство Уфимской епархіи, между прочимъ, признало полезнымъ приступить къ открытію миссіонерскихъ училищъ во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ жители не тверды въ православіи. Кромѣ того, Уфимское духовенство пришло къ заключенію что въ приходахъ съ инородческимъ населеніемъ священники должны безвозмездно совершать для инородцевъ богослуженіе и требы, для чего взамѣнъ платы за требоисправленія священникамъ должно быть назначено определенное содержаніе отъ казны; затѣмъ, на обязанность церковнослужителей возложить заботу объ устройствѣ, смотря по церковнымъ средствамъ, при церквяхъ складовъ недорогихъ книгъ религіозно-правственнаго содержанія и иконъ для продажи ихъ прихожанамъ, причемъ затраты на устройство такихъ складовъ производить изъ кружечныхъ и кошельбовыхъ церковныхъ суммъ. Наконецъ, для борьбы съ пропагандой раскола и мусульманства назначить особыхъ миссіонеровъ.

— Пособіе народнымъ школамъ въ губерніяхъ Люблинской, Сѣдлецкой и Сувальской.—Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе объ ассигнованіи суммъ на улучшеніе и распространеніе народнаго образованія въ поуніатскихъ мѣстностяхъ губерній Люблинской, Сѣдлецкой и въ части Сувальской, населенныхъ воссоединившимися съ православною церковью греко-уніатами.

— Закрытіе на Кавказѣ армянскихъ школъ.—По распоряженію главноначальствующаго краемъ на Кавказѣ и попечителя учебнаго округа съ 23-го по 25-е февраля послѣдовало закрытіе армянскихъ училищъ въ краѣ, содержимыхъ на счетъ церквей и прихожанъ. Распоряженіе послѣдовало вслѣдствіе отказа эчміадзинскаго синода исполнить правила отъ 16 февраля 1884 года; по мнѣнію синода, измѣненіе въ строѣ церковныхъ училищъ принадлежитъ компетенціи верховнаго патріарха, избраніе котораго послѣдуетъ 19 апрѣля.

— Судьба изданій Пашковцевъ.—«St.-Petersb. Evangelisches Sonntagsblatt» сообщаетъ, что конфискованные прошлымъ лѣтомъ пашковскіе религіозные трактаты разрѣшено те-

перъ распространять въ публикѣ, но съ тѣмъ, чтобы они не продавались въ разность.

— Празднованіе юбилея преосвященнаго Леонтія архіепископа Варшавскаго. «Новое Время» сообщаетъ что 13 марта, членъ Св. Синода архіепископъ Холмско-Варшавскій Леонтій принималъ поздравленія по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія своего архіерейства отъ духовенства своей епархіи и множества частныхъ лицъ, почитателей уважаемаго архипастыря. Члены Синода, высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ, оберъ-прокуроръ Синода К. П. Побѣдоносцевъ съ товарищемъ помощника попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества генераломъ Геденовымъ, городской голова И. И. Глазуновъ и другія официальныя лица и множество членовъ свѣтскаго и монашескаго духовенства приносили свои поздравленія. Приѣмъ продолжался до 2 часовъ.

— Открытіе Сербскаго подворья въ Москвѣ.—По ходатайству высокопреосвященнаго Михаила, митрополита Сербскаго, Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшено открыть вновь Московское Сербское подворье, на Солянкѣ. Управлять онымъ поручено сербскому іеромонаху Іоанникію.

— Столѣтіе со дня рожденія гдафа Д. Н. Влудова.—19 числа февраля мѣсяца въ 1864, въ Москвѣ, скончался графъ Дмитрій Николаевичъ Влудовъ, столѣтіе рожденія котораго исполнилось 5 апрѣля текущаго года. Въ 1866 году появилось сочиненіе Ег. Ковалевскаго: *Графъ Влудовъ и его время* (Царствованіе императора Александра I), вышедшее вновь въ 1871 году въ первомъ томѣ собранія сочиненій Ковалевскаго. Н. Тургеневъ издалъ по этому поводу въ 1867 году брошюру, которая напечатана была на русскомъ языкѣ въ Лейпцигѣ въ типографіи Бэра и Германна, а на французскомъ—въ Парижѣ книжною торговлей Франка. Черты изъ жизни графа Д. Н. Влудова были приведены въ № 4 *Домашней Бесѣды* 1865 года. Біографію графа находимъ въ № 3 *Семейныхъ Вечеровъ* (старшій возрастъ, стр. 132—142) и въ № 6 *Всемирной Иллюстраціи* 1872 года.

— Новая газета въ Галиціи.—Во Львовѣ основывается новая русская газета «Мирь». Это будетъ клерикально-польскій

органъ, на изданіе котораго, по свѣдѣніямъ газеты «Слово», ассигновано поляками 80,000 гульденовъ. Цѣль «Мира» вовсе не мирная: онъ долженъ противодѣйствовать существующимъ русскимъ газетамъ и вести среди русинскаго населенія польско-католическую пропаганду. Фельетонистъ газеты «Слово» остроумно замѣчаетъ, что если прочитать «Миръ» съ конца, то выйдетъ «Римъ». Это и есть настоящій лозунгъ новой газеты.

— Слухъ объ упраздненіи Виленской Римско-католической епархіи.— Вопросъ о замѣщеніи вакантной катедры Гриневецкаго привелъ къ послѣдствіямъ, не мало важнымъ для дальнѣйшей исторіи нашихъ отношеній съ Римомъ. Какъ извѣстно, самовольно оставленный Гриневецкимъ замѣститель, есендзъ Герасимовичъ, высланъ въ городъ Вельскъ. Виленскій же католическій капитулъ, въ которомъ противъ требуемыхъ правительствомъ выборовъ высказались прежде всего именно есендзы, до сихъ поръ считавшіеся преданными Россіи (Жилинскій, Макаревичъ), по свѣдѣніямъ польскихъ газетъ, лишается вовсе права выборовъ, виленская епархіа будетъ упразднена, а правительство временно назначить туда администратора.

— Благочестивый подвигъ русскихъ паломниковъ въ Иерусалимѣ.— Начальникъ Русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ, отецъ архимандритъ Антонинъ, выписалъ для новой церкви, построенной имъ на Элеонской горѣ, большой колоколъ въ 308 пудовъ. Разные подрядчики требовали громадныхъ денегъ и нѣсколько мѣсяцевъ чтобы доставить колоколъ отъ Яффы на мѣсто (отъ 70—80 верстъ). Тогда отецъ Антонинъ кликнулъ елицъ, и наши, человекъ 300 мужчинъ и женщинъ, сами отправились въ Яффу, приглаголись—и притащили колоколъ къ мѣсту назначенія въ пять дней. Всю дорогу они громко пѣли молитвы, къ ночи засыпали тутъ же у колокола и съ развѣтомъ—опять за работу; ѣли хлѣбъ, пили воду и чай. Жидаы, Арабы, иностранцы—всѣ, говоря объ этомъ торжественномъ шествіи при братскомъ напѣвѣ «Господи, помилуй»,—соглашались что «безъ Божіей помощи» немислимо было бы такую громаду, безъ всякихъ приспособленій, на четырехъ

колесикахъ, руками, кушаками, платками—протащить чрезъ глубокіе пески и на крутыя, скалистыя горы. Одной старухѣ, лѣтъ за 70, отдавило обѣ ноги между колесомъ и скалою,— чтожь?—всѣ поздравляли ее, всѣ ей завидовали. Едва ли она встанетъ, и она собирается умирать съ такою радостью и гордостью что чудно на нее смотрѣть: вся какъ-то преобразилась. Вообще, у нашихъ паломниковъ вѣра глубокая и трогательная своимъ благодушіемъ и прозрачною простотой. Нельзя безъ умиленія слушать нашихъ сѣдыхъ богомольцевъ на малубъ парохода: одинъ рассказывалъ житіе Святыхъ мучениковъ и отшельниковъ, а другіе, слушая разказъ, плачутъ. («Свѣтъ»)

— О выполненіи призыва къ отправленію воинской повинности въ 1884 году.—Министромъ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйше доложенъ, 14-го февраля, краткій отчетъ о выполненіи призыва къ отправленію воинской повинности въ 1884 году. Въ этомъ отчетѣ, напечатанномъ въ «Прав. В.», находимъ слѣдующія цифры. Вынутію жеребья подлежало всего 796,514 человекъ, въ томъ числѣ 37,932 евреевъ. Въ число, назначенное по разверсткѣ къ поступленію на службу, принято 221,116 человекъ, причемъ оказался недоборъ въ 2,884 человека. Въ числѣ принятыхъ заключается 7,774 евреевъ; недоборъ же изъ нихъ оказался въ 2,559 человекъ. Таковъ почти весь недоборъ призыва 1884 года падаетъ на евреевъ. При осмотрѣ и приѣмѣ новобранцевъ не явилось къ призыву 30,108 человекъ, въ томъ числѣ 15,732 евреевъ.

— По еврейскому вопросу.—«Новое Время», сообщая, что коммисія графа Палена сгруппировала отзывы по еврейскому вопросу мѣстныхъ комиссій девяти южныхъ и западныхъ губерній о расширеніи черты постоянной осѣлости. Нѣкоторыя комиссіи, какъ Волынская и Кіевская, выразились отрицательно, другія, какъ Харьковская утвердительно. Относительно отмены специальныхъ сборовъ, уничтоженія еврейскихъ училищъ, измѣненія системы введенія метрическихъ книгъ и упраздненія специальныхъ сборщиковъ податей, всѣ комиссіи высказались въ утвердительномъ смыслѣ. Коммисіи предлагаютъ также ограничить число депутатовъ-Евреевъ въ мѣщанскомъ и общественномъ управленіяхъ.

— **К. А. Митюковъ** (некрологъ).—Въ Кіевѣ 27 февраля, умеръ проф. римскаго права Калиникъ Андреевичъ Митюковъ, онъ не блисталъ количествомъ своихъ ученыхъ трудовъ, но былъ популяренъ какъ въ стѣнахъ университета, такъ и въ стѣнахъ своего города, по словамъ одной изъ мѣстныхъ газетъ, «какъ учитель правды и добра въ самомъ высококомъ смыслѣ этого слова». Это качество приобрѣло ему всеобщее уваженіе какъ среди молодежи, такъ и среди всѣхъ гражданъ г. Кіева. Достаточно сказать, что въ 1875 г. Митюковъ былъ избранъ городскимъ головой, но отъ этого избранія отказался. Въ университетѣ-же онъ былъ извѣстенъ какъ профессоръ-ораторъ, качество чрезвычайно рѣдкое въ наше время. Похороны его были чрезвычайно торжественны.

— **Отъ совѣта прибалтійскаго православнаго братства** въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», отъ 26 февраля, № 46, помѣщено воззваніе о пожертвованіяхъ на сооруженіе новаго православнаго храма въ городѣ Якобштадтѣ, Курляндской губерніи, на мѣстѣ бывшаго—древняго, старѣйшаго въ краѣ храма, пережившаго болѣе двухъ столѣтій, обновленнаго и освященнаго 1 ноября минувшаго года, злоумышленно разрушеннаго и истребленнаго огнемъ 16 января сего года. Помѣщая воззваніе и оповѣщая доброхотныхъ дателей о приѣмѣ пожертвованій на сооруженіе храма, совѣтъ прибалтійскаго православнаго братства руководился убѣжденіемъ что каждый Русскій, которому дороги честь и достоинство православія, отзовется на призывъ и что недолго останется въ пустѣ мѣсто исторической православной святыни въ краѣ. Нынѣ совѣтъ братства считаетъ себя счастливымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія что Государь Императоръ, 9 сего марта, соблаговолилъ пожертвовать на сооруженіе Якобштадтскаго храма пять тысячъ рублей. Всего, по настоящее время, поступило по С.-Петербургу на сооруженіе храма, вмѣстѣ со страховою преміей за сгорѣвшій храмъ (13.000 руб.)—19.668 руб. Пожертвованія принимаются: въ Ригѣ—въ канцеляріи лифляндскаго губернатора и въ третьемъ Рижскомъ обществѣ взаимнаго кредита—предѣдателемъ и членами комитета по сбору пожертвованій на означенный храмъ. Въ С.-Петербургѣ—въ канцеляріи совѣта при-

балтійскаго православнаго братства (у Александринскаго театра, домъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ) и у казначея братства Л. А. Артамонова (уголь Чернышева переулкъ и Большой Садовой).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, у книгопродавца А. Н. Феропотова, поступила въ продажу вновь вышедшая книга, третьимъ изданіемъ, дополненная, профессора Ѳ. А. Голубинскаго

ПРЕМУДРОСТЬ И БЛАГОСТЬ БОЖІЯ ВЪ СУДЬБАХЪ МІРА И ЧЕЛОВѢКА (о вѣчныхъ причинахъ).

Цѣна за экземпляръ 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Книга эта рекомендуется всѣмъ любителямъ духовной литературы, какъ замѣчательное произведеніе покойнаго профессора Ѳ. А. Голубинскаго, заслужившее большое вниманіе въ духовной литературѣ.

СОДЕРЖАНІЕ. Святые Кирилль и Меѳодій, Апостолы Славянскіе.—Острожская типографія и ея изданія (продолженіе).—Лѣтонисъ текущихъ событій.—Объявленіе.

№ 9 Вол. Еп. Вѣд. данъ на почту 19 Марта 1885 года.

Редакторъ П. Бѣллевъ.
Дозволено цензурою. Кременецъ. 21 Марта 1885 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.